ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Они будут голосовать впервые! Молодые избиратели — работники ленинградского завода «Электросила» (справа налево): слесарь Владимир Трифонов, чертежница Ангелина Зайцева, техник Наталья Арбузова, фрезеровщик Вячеслав Голубев, токарь Марат Аврунин и изолировщица Елена Черняк.

Фото Б. Уткина.

На первой странице обложки: здание Верховного Совета СССР в Кремле.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: «Отелло» — балет А. Мачавариани в Тбилисском государственном театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Отелло — народный артист СССР Вахтанг Чабукиани.

Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 12 (1605)

16 МАРТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сегодня — выборы в Верховный Совет Союза ССР

Мой голос

Сегодня я голосую
за мудрую власть свою,
за правду ее большую,
добытую в бою.
Я голосую за нашу
ясную жизнь труда,
за дружбу станков и пашен,
за села и города
вольной земли былинной,
простертой на тыщи верст
от Балтики до Сахалина
во весь исполинский рост.
Я голосую за горы,
за крымские тополя,
за ладожские просторы,
за шадринские поля.
За хлопок Узбекистана,
что солнышком опален,
за светлый каскад Севана,
за белорусский лен.
Я голосую за реки,
покрытые грозным льдом,
за то, что люблю навеки
всем своим существом.
Я голосую за наших
умных, простых людей,
в звездную даль поднявших
славу земли своей.
За тех, кто в страде и
войнах
был в схватках передовых,
за доблестных,
за достойных,
за самых лучших из них.
За тех, кому верить можно,
за тех, кто не подведет,
кто ревностно и надежно
движет страну вперед.
За тех, кто в пути воспитан
партией и страной,
за тех, кто в борьбе
испытан,
как труженик и герой,
кто будет служить народу
преданно, до конца,
кто в бурю и непогоду
свои испытал сердца.
За тех, кто бороться будет
не покладая рук,
за подвиг рабочих будней,
за праздничный наш досуг.
За то, чтоб вовсю
дышалось,
работалось и жилось,
чтоб все, о чем нам
мечталось,
как можно скорей сбылось.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Рисунок П. Пинкисевича.

ИЗБИРАТЕЛИ С ЕНИСЕЯ

И. ИЛЬИЧЕВА **Фото Галины САНЬКО.**

Полвека назад на этом самом месте по правому берегу Енисея шел сибирский каторжный путь. Там, где когда-то тянулась дорога слез, ныне бурно растут кварталы правобережного Красноярска.

Сейчас правобережная часть Красноярска — самые юные промышленные районы города: Ленинский и Кировский. В них все молодо: заводы, улицы, ансамбли красивых зданий. В новых электропечах плавится сибирская сталь; на недавно пущенных химических предприятиях вырабатываются синтетический каучук и искусственное волокно; в Индию и Китай уходят грузоподъемные краны, изготовленные на заводе сибирского тяжелого машиностроения.

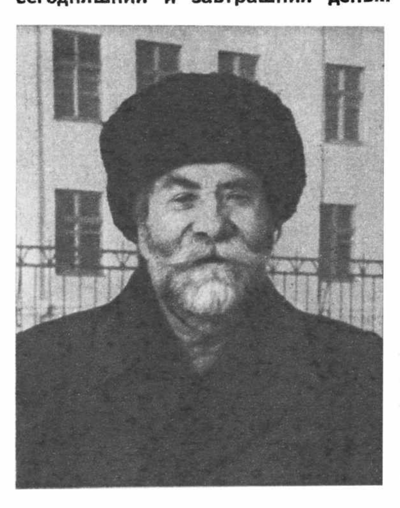
Каждый месяц на правобережье справляют веселые новоселья, только за последний год тут построено около ста пятнадцати тысяч квадратных метров жилой площади, воздвигнуты новые школы, просторные клубы и кинотеатры, открыты универмаги, кафе, ателье...

Стремительно растущая правобережная часть города стала новым избирательным округом: Красноярским — Ленинским.

Наш фоторассказ — об избирателях этого округа, о том, что произошло в их жизни со дня предыдущих выборов в Верховный Совет СССР.

Семену Герасимовичу Разоренову семьдесят семь лет. Еще в 1905 году он, молодой питерский рабочий, принимал участие в революционном движении: распространял листовки, хранил оружие. В Сибирь Разоренов пришел в кандалах по каторжному тракту, на месте которого теперь лежит основная магистраль правобережного Красноярска. Дом, в котором живет Семен Герасимович, стоит как раз на этой самой магистрали. Много лет Разоренов проработал на машиностроительном заводе, корпуса которого первыми встали на правом берегу Енисея и пересекли каторжный путь. Об этом напоминает мемориальная доска на стене цеха.

— Изменения за четыре года? — задумчиво переспрашивает Семен Герасимович.— Взгляните: многоэтажные дома, асфальт на мостовой, магазины не хуже столичных. Все это возникло именно за последние годы. Вы спрашиваете о переменах в моей личной жизни?.. Наш новый город и есть самая большая моя радость! Внукам своим — их пятеро — пионерам, заводской молодежи все время твержу: вдумайтесь, умейте ценить свое счастье, свой сегодняшний и завтрашний день!..



По комсомольской путевке год назад приехала в Сибирь Маша Гончарова. Ленинградская прядильщица стала отличной каменщицей.

— Правда, Красноярск живописный город? — спрашивает, улыбаясь, девушка.— Особенно сверху, со строительной площадки. Здесь, в Красноярске, я впервые буду голосовать! А в Сибири останусь навсегда, так мы решили с подругами.

Кандидат технических наук, начальник научно-исследовательской лаборатории по обогащению руд Алексей Гаврилович Герасимов рассказывает:

— В прошлые выборы в Верховный Совет СССР наш завод «Сибэлектросталь» готовился к пуску. А в 1957 году завод дал стране сверх плана тысячи тонн стали и проката. В нашей лаборатории и опытном цехе мы изучаем возможности увеличения обогащения, как готовить к плавке руды самых различных месторождений. Я пишу на эту тему докторскую диссертацию. В прошлом году летал в Стокгольм на

Международный конгресс ученых, работающих в области обогащения полезных ископаемых. На конгрессе я рассказывал о нашем молодом заводе. Когда я упомянул, что недавно мы перешли на семичасовой рабочий день, в ответ раздались аплодисменты всего зала.

Три года назад хакас Георгий Семенович Покоянов освоил профессию электросварщика-высотника. Бригада высотников монтирует сейчас вентиляционную трубу высотой 120 метров.

— Видели кинокартину «Высота»? В ней как будто про нашу бригаду рассказано,— сказал сибирский верхолаз.— Мои дочки Вера и Галя распевают песню про высотников из этого фильма. И мы, как умеем, с двухлетним Сашком им подтягиваем. Словом, я рад, что стал верхолазом.

На заводе искусственного волокна трудится комсомолка-перемотчица Рая Кругликова. Только за последний месяц она перемотала сверх плана 852 килограмма шелка. Из них получится 1 700 платьев.

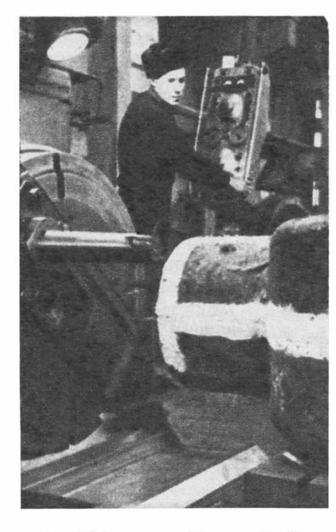
— Наш перемоточный цех,— рассказывает Кругликова,— теперь стал большим и нарядным. Все машины новые, удобные; возле веретен (а их уже больше трех тысяч) установлены лампы дневного света, очень много цветов. В таком цехе легко работается!..

— Познакомьтесь: моя младшая, Аллочка. В предыдущие выборы у нас было одиннадцать детей, а сейчас ровно дюжина. Неплохие перемены, не правда ли? — смеется мать-героиня Анна Васильевна Харламова, жена рабочего машиностроительного завода.

На палубе строящегося теплохода мы встретились с начальником механосборочного цеха Михаилом Михайловичем Кисловым (слева) и Василием Семеновичем Михалапом, бензорезчиком судостроительного завода. Красноярцы строят речные суда грузоподъемностью в тысячу тонн. Такие сухогрузные теплоходы курсируют по Енисею и по Лене.

— Это судно спустим на воду в первый же день навигации,— говорит Кислов.

Оба судостроителя недавно переселились в новые квартиры; за эти годы они окончили курсы и повысили свою квалификацию.



В 1954 году Николай Иннокентьевич Жданов был военным моряком. После демобилизации пришел учеником на завод сибирского тяжелого машиностроения. Коммунист Жданов — лучший расточник нового цеха, выпускающего печи и мельницы для цементной промышленности.

— Здравствуй, сын! — Бортрадист Петр Константинович Марьясов вернулся домой из очередного рейса. Он летал далеко на север, в полярную ночь.

— Мы с экипажем за эти годы облетали почти весь наш огромный край, были у Ледовитого океана, в приангарской тайге, пролетали над Саянами. Бывали вы в Норильске, на Диксоне, в Хакассии? Неповторимой красоты места. Я на всю жизнь влюблен в Сибирь: в ее просторы, леса, горы, в новые города на сибирской земле...

— Мои первоклассники двадцатого ноября прошлого года сели за белые парты новой школы, — заявила учительница Людмила Михайловна Белослудцева. Она принимала участие в строительстве школы № 54 Ленинского района — одной из восьми школ, открытых на правобережье за четыре года.

Белый камень

Карло КАЛАДЗЕ

Как ствол со стоном долгим
и тяжелым
Валится под ударом топора,—
Под корень перерубленная
толом,
Упала навзничь Белая гора.

Угомонился грохот постепенно,
Застыли глыбы камня до поры.
Склонился мастер
Строго и степенно
Над белыми обломками горы.

Осанка молодецкая, прямая
Не выдает,
Что он годами стар,
И распрямился резчик,
Поднимая
Осколки камня,
Как бесценный дар.

Горы кусок
В ладони огрубелой
Он держит на весу перед собой
И пристально глядит
На камень белый
С младенческою жилкой голубой.

И, вспоминая,
Как ревели взрывы,
Гора не ропщет,
Зная наперед,
Что этот человек трудолюбивый
Ее опять до неба вознесет.

Любая глыба горная
Подобна
Тигриной шкуре —
Так она пестра!
Кто изукрасил четко и подробно
Твою поверхность, Белая гора!

На поединок вызову природу,
С горы
траву и землю соскребу
И творческой фантазии в угоду
Создам на камне новую резьбу.

И Белая гора
Расправит плечи,
Рисунок испестрит квадраты плит,
И, обретая дар грузинской речи,
Экларский камень вдруг
заговорит.

Побеги лоз
И гроздья винограда
В него искусно врежут мастера,
И зазвучит орнамент,
как баллада,
В обличье новом
Оживет гора.

И новизны таинственную завязь
В резьбе старинной
Люди ощутят,
Когда Эклари, всем горам
на зависть,
Украсит стены
Каменных громад.

Природа с нами в замыслах
едина,—
Свои усилья с ней объедини,—
Ведь тот, кто носит шапку
гражданина,
Всем сердцем верит
В будущие дни.
И каждый,
Кто незыблем в этой вере,
Кто чтит и любит родину,
как мать,
Распахивая в будущее двери,
Не должен
О прошедшем
Забывать.

На склонах гор грузинских
Уцелели
Свидетели далекой старины —
Испытанные в битвах цитадели,—
Мы приютить их в будущем
должны.

Лесами строек землю одевая,
Свершая благородные дела,
И мы хотим,
Чтоб слава трудовая
Резьбой по камню
К правнукам дошла.
Чтобы потомки,
Вглядываясь в дали
Минувших лет работы и борьбы,
Эпохи нашей
почерк узнавали
В крутом и твердом почерке
резьбы.
Так проживи,
Такое дело сделай,
Не пожалев ни времени, ни сил,
Чтобы Эклари камень
снежно-белый
Твою резьбу надолго сохранил!

Перевел с грузинского
А. МЕЖИРОВ.

Фридон ХАЛВАШИ

В тумане тонет ночь апреля.
В тумане тает тонкий лавр.
Не видно звезд.
Они сгорели.
Удары волн, как гром литавр.

И мир окутан тьмой слепою,
И, как корабль,
Земля плывет,
И кажется,
Что дымом боя
Подернут тусклый небосвод.

Как палуба,
Наш берег прочен.
Пусть ночь глуха,
Пусть шторм ревет,
Его не скрыть
Туманом ночи,
Не срыть
Напором диких вод.

И отступает ветер буйный,
И пятится кромешный мрак.
Высок наш берег,
Как трибуна,
И светел берег,
Как маяк.

Перевел с грузинского
Дм. ГОЛУБКОВ.

Батуми.

Тбилиси театральный

Акакий ХОРАВА,
народный артист СССР

Чувства и мысли творческой интеллигенции Грузии, да и не только интеллигенции, — всех трудящихся прикованы сейчас к открывающейся в Москве декаде грузинского искусства и литературы. Это и понятно. Более двадцати лет прошло со времени первой декады в столице, которая получила высокую оценку общественности. За эти двадцать лет и в особенности за последние годы литература и искусство Грузии благодаря отеческой заботе Коммунистической партии и Советского правительства заметно шагнули вперед. Наряду с мастерами литературы и искусства старшего поколения выросли новые, которые также своим творчеством обогащают многонациональную культуру советского народа.

Грузинская декада, я уверен, будет еще одним ярким свидетельством живительной и мудрой ленинской национальной политики, благодаря которой Советская Грузия достигла небывалого расцвета.

Москва — центр мировой культуры, ее суждение бесконечно дорого нашему грузинскому народу. Поэтому так долго и тщательно обсуждалась у нас программа декады. Кому ехать и что повезти в Москву? Какие спектакли и каких исполнителей показать? Какие произведения литературы издать? Даже,— кто должен будет вести наши концерты? Все это было предметом разговоров и споров на многих заседаниях и собраниях не только в творческих коллективах, но и на заводах и в колхозах, в домах и на улицах Тбилиси.

Охвачен беспокойством и я, один из участников декады. Естественно, волнуюсь за свой театр и за своих коллег из других театров, за состояние изобразительного искусства, за наших композиторов, литераторов, за кинопродукцию, за ансамбли. Исправлены ли уже отмеченные недостатки? Все очень важно! И даже в свободный свой день меня тянет к театрам — участникам декады. А их четыре, и в каждом идут очередные спектакли.

Живу я около площади имени Марджанишвили. Здесь же и театр его имени, имени нашего великого режиссера, основоположника грузинского советского театра. Раньше это здание было Народным домом, в нем выступали самодеятельные актерские кружки, состоящие из рабочих. Когда-то и я имел счастье быть здесь актером грузинской секции. Роль этого Дома была весьма значительной, профессиональные актеры почитали за честь выступать здесь перед рабочей аудиторией. Не удивительно, что именно здесь Котэ Марджанишвили организовал второй грузинский государственный театр, воспитал плеяду замечательных актеров.

Вхожу в кабинет нынешнего директора театра, народной артистки СССР Верико Анджапаридзе. Здесь уже много народу: режиссеры, руководители цехов, художники, рабочие,— все возбуждены. Актер В. Нинуа спешит за кулисы. В дверях появились... два Ричарда — артисты В. Годзиашвили и П. Кобахидзе. Какие-то неполадки у них в костюмах, надо срочно дать указание костюмерам, ведь «Ричард» едет в Москву! Как всегда, жизнерадостен характерный актер А. Кванталиани: заглянув в кабинет начальства, отпускает очередную шутку и исчезает. В стороне режиссер В. Кушиташвили объясняет что-то молодому актеру.

Вместе с Верико идем за кулисы, заглядываем всюду. Гримеры обновляют парики. У костюмерш мелькают в руках иголки. С двух сторон слышен стук молотка, визг пилы. С кем ни заговоришь, чувствуется, что мысли каждого витают вокруг декады.

У нашей большой актрисы оказалась хорошая административная жилка! Верико жалуется на нехватку времени. Ну что ж, в театре никогда не хватает времени! Прощаюсь. Она извиняется за «холодный прием». Нет, я не чувствую холода в эти горячие дни перед декадой.

Захотелось мне заглянуть и в типографию. Там печатаются книги наших писателей и поэтов — Киачели, Гамсахурдия, Абашидзе, Лордкипанидзе, Табидзе, Леонидзе, Чиковани, Нонешвили, Берулава... В типографии русского издательства «Заря Востока» за высокими, из цельного стекла окнами день и ночь шумят машины. Сейчас идет спешная допечатка тиражных «хвостов» переводной грузинской художественной литературы. «Счастливцы! — думаю я о своих друзьях-писателях.— У них-то творческие муки уже позади, уже у многих в руках пахнущие свежей типографской краской книги. А нам, актерам, еще предстоит каждый вечер и здесь, а потом в Москве проходить через это горнило».

Кстати, раньше всех попали в Москву мои коллеги из грузинского театра юного зрителя. Они уже выступали на Всесоюзном фестивале детских театров в Москве и завоевали диплом 1-й степени за два своих спектакля.

Но вот и оперный театр. Тбилисцы гордятся его величественным зданием. В этом театре начал свою сценическую карьеру Шаляпин. Сколько раз под сводами этого здания гремели овации в честь Собинова и Неждановой, Козловского и Пирогова, Сараджишвили и Инашвили, Андгуладзе и Кумсиашвили!.. А сейчас пришла сюда талантливая молодежь, которая во главе со старшими мастерами создает нынешнее оперное искусство Грузии.

Если раньше в фойе всегда толпились свободные от репетиций актеры, то в эти дни их не видно: работают с концертмейстерами или сидят дома, в тепле, берегут свои голосовые связки. И хорошо делают: ведь выступать предстоит на сцене Большого театра! В одинаковой степени это волнует и такого выдающегося мастера, как народный артист СССР Петрэ Амиранашвили, и молодого актера Зураба Анджапаридзе.

Коллектив балета с его прославленным руководителем Вахтангом Чабукиани наряду с национальным балетом «Горда» собирается показать Москве свою новую работу — «Отелло». У всех нас уверенность в его успехе большая.

Ну, а теперь в мой родной дом, где я работаю уже 35 лет,— Театр имени Шота Руставели. Здесь постановкой революционного спектакля «Фуэнтэ Овехуна» началась история грузинского советского театрального искусства. В этом театре воспитались кадры советских актеров. В этом доме возмужали многие драматурги, художники, дирижеры, композиторы, музыканты, оркестранты... Можно сказать, что вокруг нашего театра с первых лет революции группировалась творческая интеллигенция, которая вела под руководством партии непримиримую борьбу против пошлого, безыдейного, антинародного и шовинистического репертуара, полученного в наследство от «меньшевистского рая».

Шаг за шагом театр завладевал симпатиями трудящихся не только в нашей республике, но и всюду, где побывал. Теперь грузинский народ по праву считает его своим национальным театром.

Трудно, находясь в своем театре, смотреть на все глазами постороннего, да еще глазами корреспондента «Огонька». Уже на пороге слышу громкий голос. Это директор театра Д. Антадзе проводит совещание заведующих цехов. В этот же час режиссер Д. Алексидзе обсуждает с актерами проект перестройки декораций спектакля «Царь Эдип» применительно к сцене театра имени Вахтангова, где мы будем играть в Москве.

В коридоре «старики» из актеров делятся с молодежью воспоминаниями о своих гастрольных поездках: ведь многим из молодых впервые доведется выступать перед московским зрителем, да еще в ответственных ролях. А один из декадных спектаклей, «Испанский священник», целиком осуществлен молодежью... Все подтянуты, деятельны, энергичны. Сторонним наблюдателем даже совестно здесь быть...

На верхнем этаже нашего здания расположен театральный институт — детище Октября. Студенты — грузины, абхазцы, осетины, аджарцы — тоже готовятся к поездке в Москву: по приглашению студентов Московского театрального института они будут показывать свои учебные спектакли.

Снова передо мной просторы залитого солнцем проспекта.

И вот русский драматический театр имени Грибоедова. У него славная история. Здесь, на этой сцене, выступали Ермолова и Комиссаржевская, Ленский и Правдин, Кузнецов, Жихарева, Юренева, Яворская и многие-многие другие. В тбилисском русском театре дебютировала дорогая всем нам, актерам, Александра Александровна Яблочкина. Русская драма в Тбилиси зажгла первую искру творчества у В. И. Немировича-Данченко и А. И. Южина. Сегодня в составе труппы множество одаренных актеров и режиссеров, создавших театру широкую популярность. А в репертуаре его декадных спектаклей пьесы как русских, так и грузинских драматургов.

Моя «репортерская» прогулка окончена. На душе легко. Театры наши работают, усиленно готовятся. Талант, помноженный на упорный труд,— залог будущего успеха.

Но пора и самому за работу. Нельзя отставать от общего ритма!

В Театре имени К. Марджанишвили. Директор театра, народная артистка СССР В. Анджапаридзе, артист Г. Татишвили, главный художник И. Сумбаташвили и режиссер В. Кушиташвили (первый справа) рассматривают эскизы костюмов к спектаклю «Ричард III».

Фото В. Джейранова.

ЖИЗНЬЮ ПРОДИКТОВАНО

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Р. Лихач.

Ростовский район, Ярославской области. Колхоз имени Кирова. На двадцать километров тянутся его поля. Они еще покрыты плотным слоем снега, и глаз слепит от белизны. На снегу далеко-далеко видны темные подвижные точки. Вот они все ближе, ближе. И теперь уже ясно видно, что это лошади, запряженные в сани. Сегодня все колхозники съезжаются в клуб. Здесь большое собрание, большой долгожданный разговор.

В правлении людно. К председателю колхоза Ивану Александровичу Федосееву приехал директор МТС Леонид Сергеевич Ивановский. Он знает, что председатель уже давно ждет того дня, когда технику передадут колхозу. Артель богатая — около четырех миллионов годового дохода. И все же Ивановский спрашивает, чуть улыбаясь:

— Ну, что, Иван Александрович, покупать технику будешь или повременишь?

— Садись,— коротко заключает председатель,— посчитаем. Десять тракторов у тебя возьму, два комбайна, косилок штуки три, летучку, бензовоз один...

Большой список представил бы председатель директору МТС, да позвали на собрание. Клуб полный, пора начинать.

И вот Иван Александрович Федосеев уже на трибуне.

— Такие перемены — большая радость для нас. Вот с трактористами: они твои и не твои, хозяина у них два, а споров и неурядиц сколько. Теперь конец этому.

— Намечаемые изменения жизнью продиктованы,— поддерживает бригадир комплексной бригады А. Горюнов.— Ведь что получалось? Два работника в поле: колхозник и тракторист. Одному урожай нужен, доход, а другому — гектары, сводка. А вот когда техника станет нашей да трактористы будут свои, тогда совсем другое дело...

— Есть еще такой вопрос...— с места говорит колхозник М. Булыгин.

Многим хочется сегодня высказаться, только женщины почему-то молчат. Кто-то из них заметил еле слышно:

— Пусть уж мужчины отговорятся, а мы потом...

И действительно, женщины заговорили после собрания. Шумно в клубе, но по отрывкам фраз можно догадаться, что их волнует. Конечно, лучше теперь будет женщинам, у которых в семье механизаторы. Как-никак, а до МТС пятнадцать километров. Зимой мужья или сыновья уйдут ремонтировать машины, не видишь их по неделе, а то и больше...

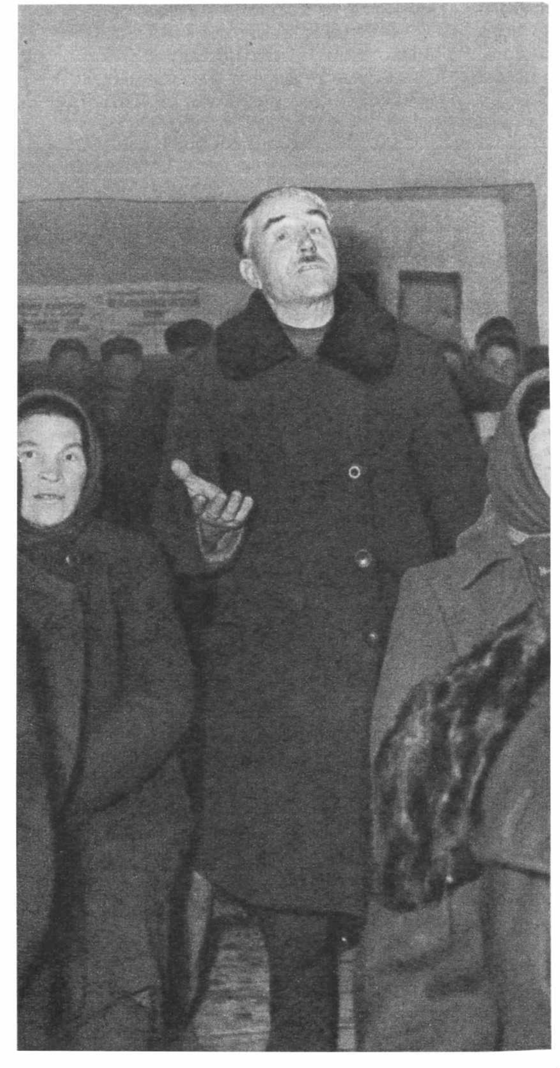
После собрания председатель колхоза пошел провожать директора МТС. Вот они уже попрощались. А разговор все продолжается.

— Давай отойдем, видишь, твой трактор нам дорогу чистит,— говорит Иван Александрович.

— Какой мой, теперь уж он вроде колхозный,— отвечает Ивановский.

— Ну, договорились, значит? — смеется Федосеев.

Слушают...

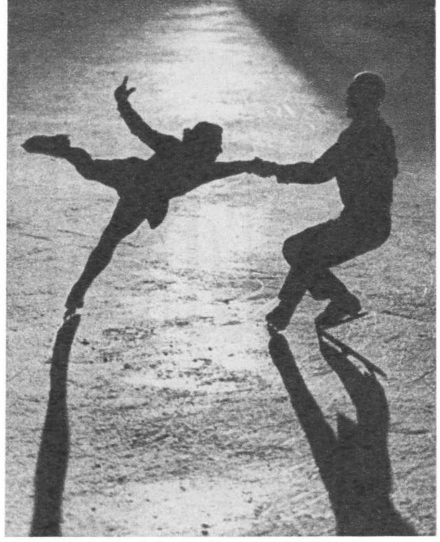


— Есть еще такой вопрос...— с места говорит колхозник М. Булыгин.

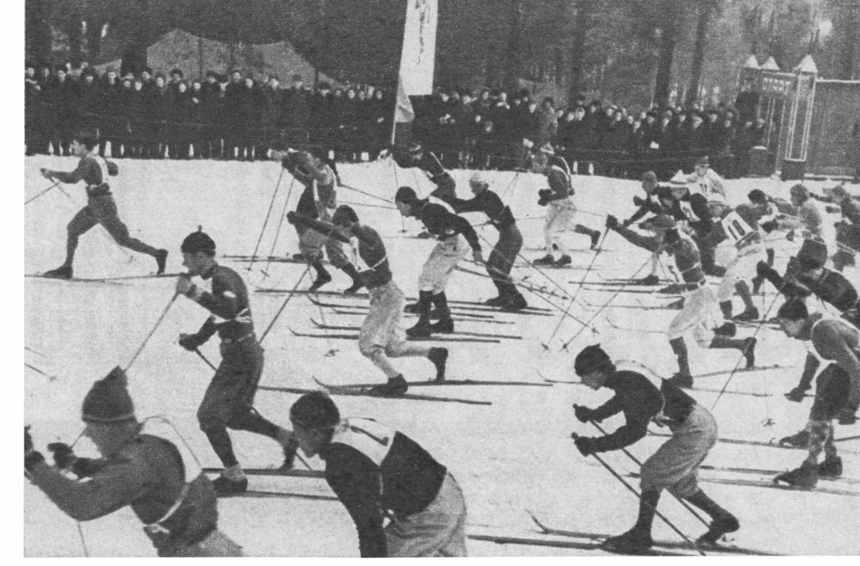
В зале: — Почем тракторы покупать будем, не слыхал?

— Ну, договорились, значит!

Фейерверк в честь спартакиады.



Фигуристы Нина и Станислав Жук.



Лыжная эстафета началась...

НА КАТКАХ И ЛЫЖНЯХ СПАРТАКИАДЫ

В минувшее воскресенье завершилось одно из крупнейших спортивных событий нынешнего сезона — зимняя спартакиада народов РСФСР. В Свердловске, на Центральном стадионе, были подведены итоги напряженной трехмесячной спортивной игры, в которой приняли участие более трех миллионов физкультурников.

В течение последней недели на пяти стадионах, превращенных в катки, в сосновом бору на склонах знаменитых Уктусских гор проходили финальные соревнования спартакиады. Более тысячи лыжников, конькобежцев, фигуристов, хоккеистов защищали спортивную честь своих городов и областей. В соревнованиях участвовали также гости — спортсмены братских республик. Никогда еще в Свердловске не собиралось столько мастеров зимних видов спорта.

Конькобежцы — скороходы и фигуристы — разыгрывали не только первенство РСФСР, но одновременно боролись и за первенство Советского Союза.

Всю неделю были заполнены стадионы. Местная студия телевидения показывала радиозрителям интересные встречи на ледяных полях. Несомненно, в эти часы были включены все 54 тысячи телевизоров Свердловска и области.

В раздевалке катка «Динамо» мы разговорились с мастером спорта, инженером-механиком по профессии, известным теперь всему миру конькобежцем Владимиром Шилыковским. В Свердловск он приехал из Норвегии, как говорится, с корабля на бал.

— Очень радует,— сказал Шилыковский,— что наряду с известными мастерами в финальных соревнованиях участвует много талантливой молодежи. Думаю, что не обойдется без сюрпризов.

И действительно. Ввиду наступившей оттепели соревнования скороходов на 5 тысяч метров проходили ночью. Уже закончил дистанцию чемпион мира Олег Гончаренко, закончил и Владимир Шилыковский. Как будто определились первое и второе места. Многие ушли со стадиона, а утром с удивлением узнали, что чемпионом СССР и РСФСР в беге на 5 километров оказался мало кому известный доселе москвич Виктор Косичкин. Он опередил чемпиона мира на 0,7 секунды.

Немало сюрпризов было и у лыжников.

В гонках на 15 километров участвовало около 250 спортсменов, среди которых было 50 мастеров спорта. А третьим эту дистанцию закончил 23-летний перворазрядник Иван Утробин, слесарь из

ЧЕМПИОНЫ ЕВРОПЫ

Борьба «большой пятерки» подходила к концу. Все шло своим чередом, если не считать неожиданной ничьей наших хоккеистов в матче с чехословацкой командой. Советские спортсмены имели полную возможность одержать победу, но упустили ее за... несколько секунд до финального гудка. Было потеряно одно очко.

Канадцы шли без поражений и почти во всех встречах выиграли с двузначными числами забитых ими шайб.

Сборная команда СССР одержала победы над хоккеистами США и чемпионом мира Швецией и к последнему дню турнира, к 9 марта, вышла на состязание с канадцами, потеряв лишь одно «чехословацкое очко». Это ставило нас в несколько неравные условия: советским хоккеистам необходимо было последний матч выиграть, а канадцам достаточно было сделать ничью.

Нечего и говорить о том, что эта решающая встреча собрала полный стадион, который очень чувствительно реагировал на все перипетии игры. То и дело раздавались аплодисменты, выкрики, звуки каких-то звоночков, трещоток. Игра проходила под сплошной гул.

На сей раз канадцы встретили достойных себе соперников. Их тактика «силового давления», когда шайба от борта отскакивала в центр и к ней устремлялись нападающие, терпела крах. Как правило, шайбу перехватывали наши защитники Иван Трегубов и Николай Сологубов. Отлично парировал удары вратарь Николай Пучков.

Наши нападающие красиво комбинировали, и вскоре Вениамин Александров открыл счет...

Нет надобности описывать ход матча: он описан уже во всех газетах, да и передавался по радио,— но хочется все-таки сказать, что такого сильного, красивого, темпераментного, я бы сказал, спортивного матча в хоккей мне не приходилось видеть. Накал борьбы был велик, обе команды были хороши, трудно отдать предпочтение какой-нибудь из них. Впрочем, мне казалось, что наши играли красивей.

Матч проигран со счетом 2 : 4, но, тем не менее, советские хоккеисты оставили великолепное впечатление.

В спорте бывает всякое.

Канадцы настолько обрадовались победе, что их капитан Гарри Синден обнял кубок, долго его целовал и даже всплакнул...

Итак, канадцы — чемпионы мира.

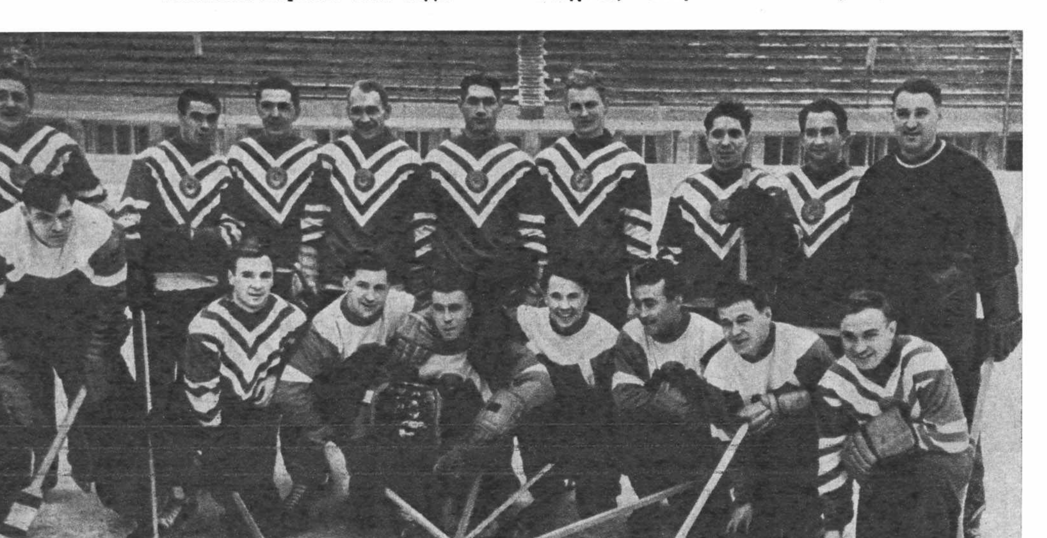
Президент европейского союза хоккея на льду господин Ахерн вручил советским спортсменам кубок Европы.

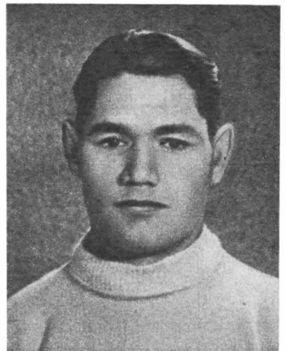
Вечером на приеме были вручены медали и призы. Приз «справедливой игры» — игры корректной — получили спортсмены чехословацкой команды. Лучшим вратарем признан Владимир Надрхал (Чехословакия), лучшим защитником — Иван Трегубов (СССР) и лучшим нападающим — Чарли Барнс (Канада).

Раздача медалей и призов была последним актом этого исключительно интересного спортивного турнира сильнейших хоккеистов мира.

Николай ОЗЕРОВ,
заслуженный мастер спорта.

Сборная хоккейная команда Советского Союза, завоевавшая звание чемпиона Европы 1958 года.





Хоккеист Иван Трегубов, признанный лучшим защитником мирового чемпионата.

Фото А. Бочинина.

На Уктусских горах. Болельщики на финише женской эстафеты.

Томска, начавший заниматься лыжным спортом всего 3 года назад.

Неприятный сюрприз чемпиону СССР по хоккею с мячом команде Свердловска преподнесли хоккеисты Московской области. 16 угловых ударов было у ворот упрямых москвичей, и все они оказались безрезультатными. Но один мяч, влетевший в ворота хозяев поля, решил исход матча.

Всего 2 месяца назад мастером спорта стала Лида Скобликова,

Абсолютная чемпионка РСФСР по скоростному бегу на коньках Тамара Рылова.

студентка Челябинского педагогического института. А теперь она является серьезной соперницей многих известных скороходок. 1 500 метров она пробежала за 2 минуты 36,6 секунды и стала на пьедестале почета рядом с чемпионкой мира Ингой Артамоновой и известной спортсменкой Валентиной Стениной. Время Скобликовой является новым всесоюзным рекордом для девушек.

— Это был мой последний девичий рекорд. 8 марта мне исполнилось 19 лет, и я уже перешла в разряд взрослых спортсменок,— говорит Скобликова.

Все напряженнее становилась борьба на ледяных и лыжных дорожках Уткусска. Каждый день приносил неожиданности. Болельщики торопились с одного стадиона на другой, боясь пропустить интересную встречу. Даже поздней ночью, когда соревнования конькобежцев затягивались, на стадионе оставалось немало болельщиков. Нельзя было пробиться на малый каток стадиона «Динамо», где шли соревнования фигуристов. У всех на устах имя Нины и Станислава Жук, Льва Михайлова. Бурей восторга встретили свердловчане победу своей землячки Риммы Жуковой в беге на 3 тысячи метров. С напряжением следили все за исходом борьбы чемпионки мира Инги Артамоновой с Тамарой Рыловой. Победила Рылова.

В моем старом блокноте за 1954 год сохранилась запись, сделанная во время розыгрыша первенства СССР по конькам: «Тамара Рылова из Вологды, 22 года, учится в 8-м классе вечерней школы, мастер пятисотки».

— Что переменилось за эти годы? — спрашиваю я ее.

— О, многое! На 4 года «постарела». Стала ленинградкой, окончила двухгодичную школу тренеров. А сейчас учусь на педагогическом факультете института имени Лесгафта. За это время установила ряд всесоюзных и мировых рекордов. Своими результатами на спартакиаде довольна. На будущее думаю добиться большего...

Спущен флаг спартакиады народов РСФСР. Названы победители. Наряду с прославленными, известными всей стране спортсменами здесь немало молодежи. Тысячи рабочих, служащих, колхозников, учащихся привлечены к занятиям зимними видами спорта. Возникли сотни новых коллективов. На финальные соревнования в Свердловске приехало 265 мастеров спорта, а уехало спортсменов с почетным званием гораздо больше. 36 перворазрядников стали мастерами. Это лучший итог спартакиады народов РСФСР.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото О. Кнорринга и И. Тюфякова.

Лида Скобликова (в центре) с подругами А. Пашковой (слева) и Т. Моховой.

Матч-реванш мирового шахматного первенства

Первые партии

Москвичи уже привыкли, что крупные шахматные соревнования организуются в Концертном зале имени Чайковского. На этот раз любителям приходится ехать несколько кварталов дальше от центра. Но какое значение имеют кварталы для шахматного болельщика, когда играют Василий Смыслов и Михаил Ботвинник!

Итак, новый «шахматный адрес»: Ленинградский проспект, 32. Концертно-театральный зал. Здесь еще не так давно был Дом кино. На экране шли веселые и грустные кинофильмы. В зале можно было смеяться и уронить слезу. Сейчас можно только «болеть». Попробуйте громко вздохнуть — и сразу же появится сигнализация «Соблюдайте тишину».

В Москве еще в прошлом веке, в 1896 году, состоялся матч-реванш на первенство мира по шахматам. В нем сражались Э. Ласкер и В. Стейниц. Два иностранца в Москве! А сегодня по этому же поводу встретились два гражданина Советского Союза, два москвича! «Небольшая» разница!

Василий Смыслов — первый чемпион мира, который спустя десять месяцев после победы приступил к новому матчу. В прошлом чемпионы мира «отдыхали на лаврах» минимум два года.

Почетное звание чемпиона устраивает, разумеется, любого гроссмейстера. Более того, оно является мечтой каждого шахматиста. Несомненно, что Смыслов доволен своей короной. Но доктора Ботвинника, как шахматиста, не устраивает маленькая приставочка «экс». Вот из-за этого «экс» возникает двухмесячный шахматный конфликт.

Когда Смыслов в первой партии сыграл 1. е2—е4, то многие шептали соседу: «Я так и знал!» Да, этот ход «предвидели» все, его ожидал и Ботвинник. В прошлом году Смыслов систематически начинал игру королевской пешкой (10 раз из 11 партий), и Ботвинник испытывал затруднения в ряде дебютов. Интересно, как будет защищаться Ботвинник в этом году, что он придумал за 10 месяцев домашней подготовки? Ответ последовал тут же: 1... с6. Первый ход в матче — первый сюрприз! Хорошо известно, что в защите Каро — Канн Ботвинник в нескольких партиях усиливал игру белых. Он одержал ряд побед, из них самая известная его 12-ходовая победа над Р. Шпильманом в Москве 1935 года. Но черными Ботвинник никогда не применял защиту Каро — Канн. Она не пользуется хорошей репутацией.

Любопытно, что английский мастер А. Александер недавно обработал несколько тысяч партий и доказал, что почти в каждом из дебютов преимущества (по результатам) добиваются белые. В статистике Александера защита Каро — Канн попала на последнее место, как самая плохая! Но это сказано слишком сильно. Я сам десятилетиями «мучаюсь» с этим дебютом, но должен все же протестовать против такой его оценки.

Так или иначе, но с первого же хода видно было, что Ботвинник расширил свой репертуар. Исполняемая Ботвинником «премьера Каро — Канн» прошла успешно. Партия была отложена с двумя лишними пешками у экс-чемпиона. «Это мы уже видели в 15-й партии прошлого года. Смыслов может спастись»,— надеялись его поклонники. Но при доигрывании история не повторилась. Ботвинник любит шутливую поговорку: «Не каждый день суп с клецками!»

Во второй партии Ботвинник опроверг стратегию Смыслова в дебюте. Вторично чемпион мира попал в сильнейший цейтнот. На крупных электрических часах зажглась красная лампочка: осталось 60 секунд.

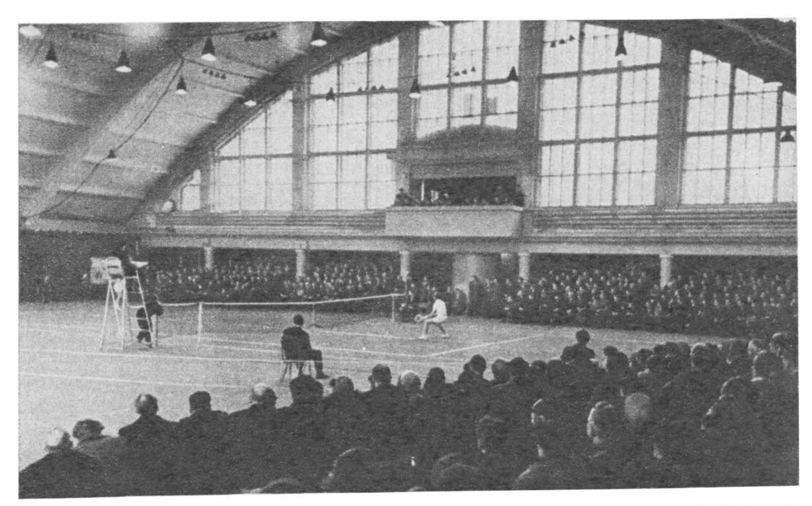
В футболе гонг раздается за пять минут до конца. За это время можно что-нибудь придумать, но что значат для шахматиста 60 секунд? Остается только следить за тем, как бы не упал флажок: задумываться над решением проблем не приходится.

Ботвинник отложил партию в выигранной позиции. На следующий день состоялась только одноминутная встреча в Центральном шахматном клубе. Чемпион мира убедился, что Ботвинник записал самый «неприятный» для него ход. Смыслов подал руку партнеру и расписался на бланке.

Болельщики нервничают, хотя матч только начался. Но мне пока нечего комментировать. Зорко наблюдаю, но молчу.

Сало ФЛОР

Состязание теннисистов



На закрытых кортах стадиона «Динамо» во время международных соревнований.

Фото А. Бочинина.

Несколько дней на закрытых кортах стадиона «Динамо» проходил турнир сильнейших теннисистов Бельгии, Франции и Советского Союза. Москвичи имели возможность посмотреть игру француженок С. Ле Бенере и Ж. Бийаз, а также К. де Мерселиз (Бельгия). Отличное впечатление оставили Р. Айе (Франция) и Ж. Бришан (Бельгия). В финальной встрече они показали высокий класс тенниса: свободные удары справа и слева, сильные смэши, красивую игру у сетки.

Выиграл в четырех партиях Робер Айе.

У женщин победительницей оказалась К. де Мерселиз.

Единственные советские теннисисты, которые в этом турнире выступали в финале, были молодые спортсмены Т. Лейус и Я. Пармас.

В одиночном разряде наши теннисисты успеха не имели. В полуфинале потерпели поражение С. Андреев и В. Тамм.

Наша молодежь оставила хорошее впечатление. Разнообразной и сильной игрой порадовали С. Лихачев, А. Потанин, Т. Лейус, Я. Пармас, А. Дмитриева, В. Трошкина, В. Анисимов, А. Бойцов.

Встречи с французскими и бельгийскими теннисистами, несомненно, принесут им большую пользу.

←Строительство доменного цеха.
Фото П. Н. Шарма.

НА ЗЕМЛЕ ИНДИИ

Английская газета «Таймс» 28 января 1958 года опубликовала статью своего делийского корреспондента под заголовком «Соперники по оказанию помощи. Расширение сталеплавильной промышленности Индии». Мы печатаем эту статью.

В Бхилаи, в центральной Индии, 100 русских инженеров сейчас по-отечески руководят молодыми индийскими стажерами, собирающими воедино и монтирующими сложные стальные детали и высокие кауперы, коксовые батареи и доменные печи. В Руркела, в 150 милях к востоку, их западногерманские коллеги руководят, подобно терпеливым полицейским-регулировщикам, потоками живописно одетых местных жителей, несущих на головах корзины с землей, только что замешанным цементом и огнеупорными кирпичами. В Дургапуре, в Бенгалии, полдюжины английских подрядчиков заняты выравниванием холмов с помощью гигантских бульдозеров и самоопрокидывающихся вагонеток, закладкой водоотводных труб, железнодорожных подъездных путей и железобетонных фундаментов.

Хотя на нынешнем этапе строительства трудно составить представление о том, как будут выглядеть три новых металлургических завода Индии после завершения их строительства, все же размер уже выполненной работы и темпы, которыми она продвигается вперед, ясно показывают, что планы индийского правительства об увеличении в четыре раза выплавки стали к 1961 году неуклонно приобретают четкие очертания. Как завод в Бхилаи, так и завод в Руркела, строительство которых началось в конце 1955 года, дадут первую плавку чугуна в конце 1958 года, а стали — спустя несколько месяцев, тогда как завод в Дургапуре должен быть пущен в эксплуатацию на год позже.

После завершения строительства каждый из этих трех заводов будет иметь производственную мощность в 700—800 тысяч тонн стального проката в год, причем предусматривается последующее повышение этой мощности почти вдвое; и на каждой стройке строительные работы идут рука об руку с созданием просторного, по индийским стандартам роскошного заводского городка для 10 тысяч рабочих и их семей.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Индийские представители весьма правильно не позволяют делать неуместных сравнений между тремя соперничающими новостройками, каждая из которых ведется в некоторой степени благодаря иностранному интересу и великодушию; но неизбежно, что на этих новостройках лежит в некоторых отношениях печать различных национальных особенностей и методов. Самая первая из задуманных новостроек, Руркела, имеет некоторые признаки роскоши: обсаженные деревьями улицы, бунгало, нарочито отличающиеся друг от друга по размерам, торговый центр, больница и школы, уже раскинувшиеся по ту сторону широкого пруда, в поросших лесом холмах Ориссы; они удобно отделены цепью холмов от пыли и шума самого завода.

Несмотря на эти значительные меры по обеспечению домашнего комфорта, большинство немецких инженеров явно не имеет опыта работы в джунглях, и этот опыт вызывает у них несколько романтический энтузиазм, который не может не привлечь внимания случайного посетителя, хотя этот энтузиазм, может быть, иногда раздражает их индийских коллег.

В то время как бесконечные вереницы носильщиков (юмористически прозванных «индийский конвейер на головах») медленно двигаются взад и вперед, среди их немецких руководителей можно обнаружить некоторое удивление, что сложный завод вообще может строиться такими методами; в то же время некоторые из индийцев, которым эти методы привычны, естественно, считают, что при несколько большей координации и темпах строительство могло бы, возможно, вестись быстрее.

БЕСПОКОЙСТВО ИНДИЙЦЕВ

Так же неизбежно, что индийцы выражают некоторое беспокойство по поводу того, что до сих пор поставлено лишь небольшое количество тяжелых строительных конструкций. Немцы, несомненно, справляются с положением, и к тому времени, когда будут заложены все фундаменты, строительные конструкции должны начать поступать для установки их на фундаменты; они по-прежнему уверены, что завод начнет производство в намеченный срок, может быть, на несколько недель раньше или позже. Но несомненно и то, что индийцы, которые помнят о недавних событиях в Суэце и о задержках грузов в портах, были бы более спокойны, если бы, как в Бхилаи, налицо уже имелось 100 тысяч тонн строительных стальных конструкций и арматуры.

Быстрота, с которой русские начали поставку оборудования, является, конечно, большим достижением. Другие две стройки используют перегруженный Калькуттский порт, а русские доставляют материалы через небольшой порт Висакхапатнам, который они частично переоборудовали для этой цели. Одной из главных достопримечательностей стройки в Бхилаи является огромный склад ожидающих сборки конструкций, выкрашенных в красную краску с четко написанными русскими буквами; это дает возможность начать возведение каждого сооружения, как только завершается укладка фундамента. Из всех трех строек лишь в Бхилаи глаз уже радуют знакомые очертания доменных печей и кауперов; и хотя трудно судить, до какой степени это строительство, осуществляемое русскими по частям, действительно обогнало Руркела с его более методическим прогрессом, это все же произвело впечатление на индийское общественное мнение.

Расположенный в пыльной и ничем не примечательной равнине, Бхилаи сегодняшнего дня оставляет, несомненно, впечатление работы по-стахановски. Для русских инженеров, ветеранов Урала и Сибири, работа в центральной Индии явно представляется довольно обычной, если не считать перемены климата. Система очередности работ строго соблюдается. В городе пока что построены бунгало лишь самых маленьких размеров, которыми — вопреки индийской традиции — в данное время должны довольствоваться руководители и специалисты всех рангов; а такая роскошь, как бетонированные дороги, посадка деревьев и разбивка садов, должна ждать того времени, когда будут выполнены более неотложные задачи.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

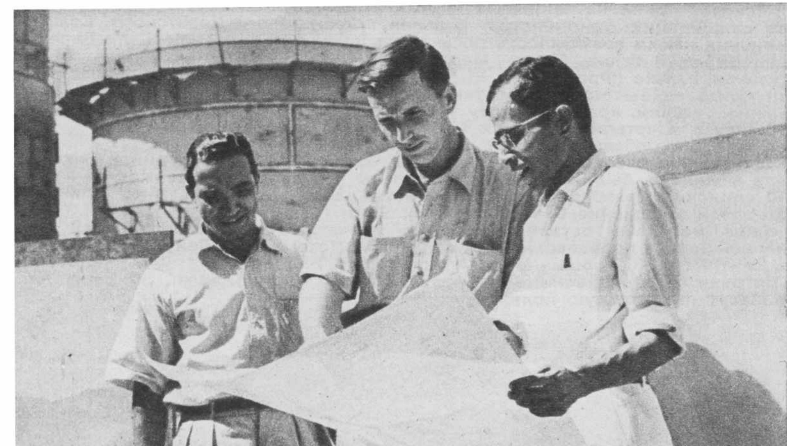
На стройке после некоторых первоначальных опытов и ошибок была достигнута договоренность, в силу которой прямое руководство рабочей силой оставлено за индийскими инженерами, тогда как русские консультируют ведение операций. Пока что новая система действует беспрепятственно. Русским больше не приходится вплотную заниматься сложными вопросами незнакомой им организации труда; и молодые индийцы, многие из которых — двадцатилетние парни, недавно вернувшиеся после шестимесячного обучения в Советском Союзе, с восторгом несут возложенную на них ответственность. Даже неквалифицированные рабочие, кажется, захвачены этой общей обстановкой, и, хотя нет никаких «норм», они двигаются не с обычной восточной медлительностью, а несколько быстрее.

Личные отношения на строительстве являются довольно хорошими, и нет никаких признаков каких-нибудь политических осложнений. Есть больше шансов увидеть красный флаг на какой-либо чайной плантации в Бенгалии, чем на строительной площадке в Бхилаи. За пределами строительной площадки братание представляется скорее исключением, чем правилом. Во всяком случае, незнание языка является препятствием; и в свободное время большинство русских предпочитает собираться в своем спартански обставленном общежитии, где под картинами, изображающими революционные события и вождей революции, они развлекаются игрой в бильярд и слушают приглушенные звуки московского радио. Они не скрывают, что будут рады вернуться домой, когда работа будет закончена. Но пока что их поведение может служить образцом иностранного технического сотрудничества в Индии; если иметь в виду недавнее соглашение о строительстве с помощью русских еще пяти промышленных предприятий,— создается впечатление, что западные подрядчики и поставщики оказались перед перспективой конкурентного сосуществования в течение ряда лет.

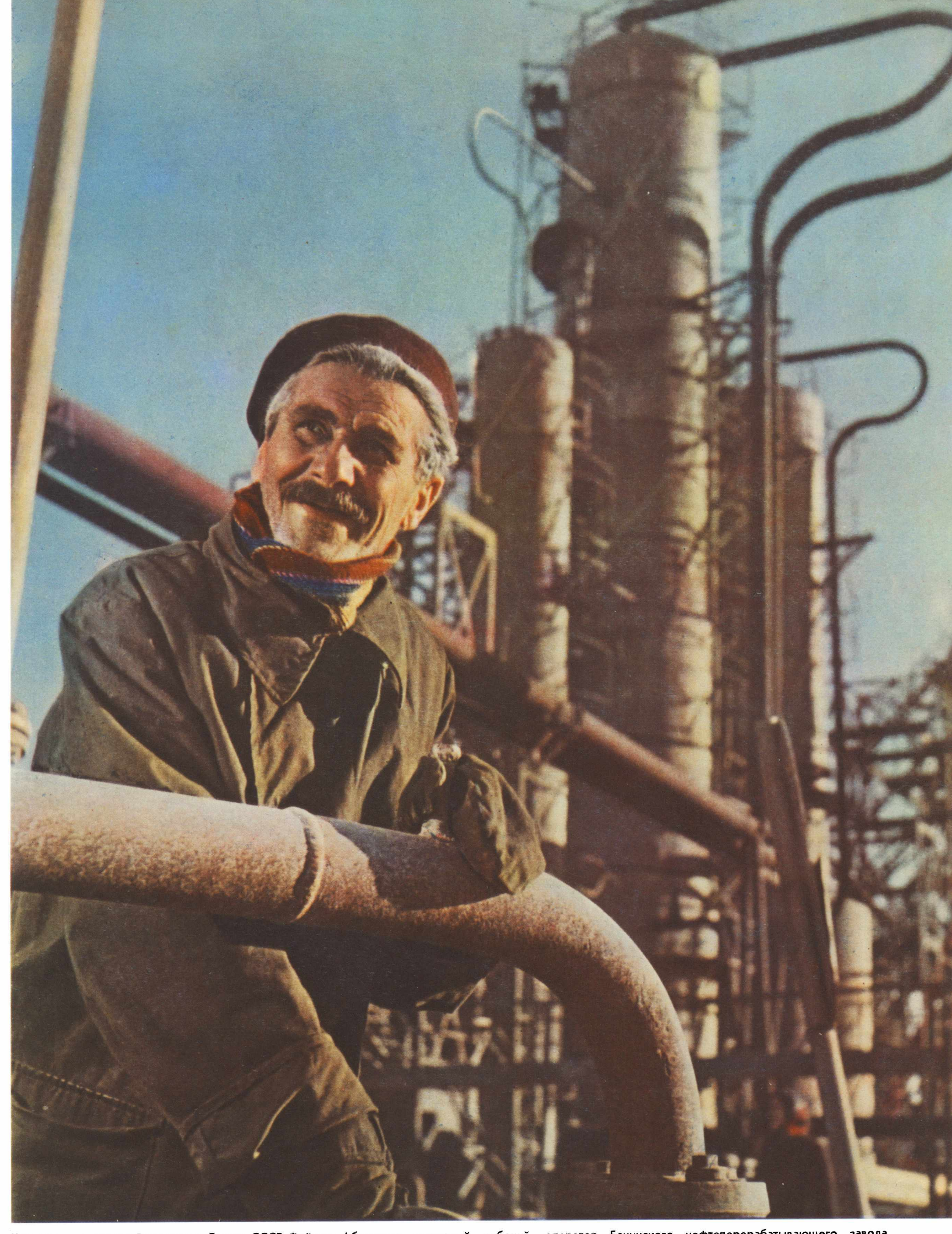
БЛИЗ УГЛЯ

Однако эта перспектива не такова, чтобы в каком-либо отношении тревожить или угнетать английских подрядчиков в Дургапуре, где на мрачных холмах угольного бассейна Западной Бенгалии воздвигается третий металлургический завод. Хотя работа на новостройке ведется менее года и все еще в значительной степени находится на подготовительных этапах, строительная площадка уже имеет свою собственную характерную атмосферу деловитости. Английские фирмы, представленные в консорциуме, который заключил основной контракт на строительство завода, относятся к числу самых опытных не только по своей основной специальности, но и в деле выполнения договоров за границей, в частности, в условиях тропического климата; и приятно обнаруживать, что если в Бхилаи заботливо нянчатся, а Руркела иногда требует уговоров, индийские официальные лица вполне удовлетворены строительством в Дургапуре и разрешают ему идти своими темпами, будучи полностью уверенными в том, что оно будет завершено в срок.

При нынешних затруднениях Индии с иностранной валютой эти три новых предприятия вместе с одновременным расширением двух частновладельческих заводов компаний «Тата» и «Индиан айрон энд стил компани» все больше становятся основными мероприятиями второго пятилетнего плана. В совокупности они за пять лет поднимут выплавку стали в Индии с 1 300 тысяч тонн до 6 миллионов тонн — рост, для которого Англии потребовалось 20 лет — с 1850 до 1870 года. Хотя стоимость новых заводов ежедневно становится все более внушительной и сейчас, вероятно, составляет в общей сложности 330 миллионов фунтов стерлингов, что более чем на 60 миллионов фунтов стерлингов превышает первые наметки,— сталь, которую они дадут, заменит скудный и дорогостоящий импорт, обеспечит, как надеются, безотказный источник выгодного экспорта и, что важнее всего, впервые даст Индии возможность удовлетворять основные потребности ее растущей промышленности в сырье.



Советский инженер В. Горожный и индийские инженеры Айер (справа) и Балджекар (слева) на строительстве в Бхилаи.

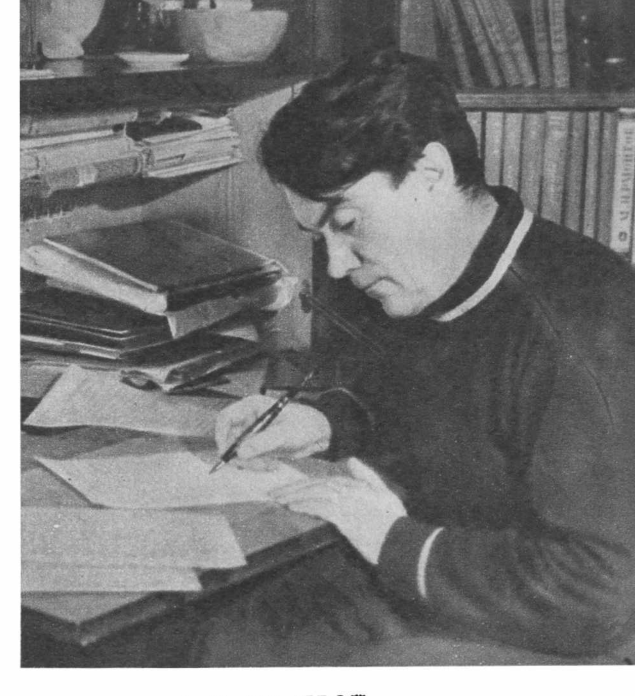


Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Фейзула Абдуллаев, кадровый рабочий, оператор Бакинского нефтеперерабатывающего завода имени Сталина.

Фото Я. Рюмкина.

Баку. На прогулке.

Половодье



Б. Н. ПОЛЕВОЙ
К пятидесятилетию со дня рождения.
Фото Я. Рюмкина.

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА.**

Давно, еще с военных лет, мечтаю я написать книгу о тружениках советского тыла, подвиг которых в дни титанического поединка советского народа со всеми силами мирового фашизма был вровень с бессмертным подвигом наших воинов. Последние годы я работал над этой книгой. Теперь я ее заканчиваю. Это будет роман «Глубокий тыл». Действие происходит на большой текстильной фабрике, поднимаемой из руин после изгнания оккупантов, на фронте и за линией фронта, на временно оккупированной территории. В центре повествования многочисленная рабочая семья Калининых, три поколения русских текстильщиков. Главная героиня — средняя дочь Калининых, Анна, ремонтный мастер, которую в трудный момент коммунисты избирают секретарем парткома. Если мне повезет и замыслы мои осуществятся, я покажу, как эта вчерашняя ткачиха, человек нелегкой судьбы, с помощью коммунистов, с помощью матери, старой большевички, постепенно овладевает мастерством очень трудной, благородной и увлекательной партийной работы.

Ниже публикуется заключительный эпизод второй части романа.

АВТОР

...И вот когда ценою стольких усилий дело, казалось бы, наладилось и люди радовались, предвкушая победу в предмайском соревновании, на ткацкую фабрику «Большевичка» нагрянула новая и совсем уже неожиданная беда.

Заскочив однажды перед сменой на реку, Галка Мюллер вбежала на вал и замерла от изумления: лед еще не трогался, но вода подняла его так высоко, что, казалось, он был уже на уровне фундаментов фабрики.

Как всегда в эту пору, на валу возбужденно гомонили мальчишки. Несколько рыболовов, забросив с берега подъемки, дремали над ними. Очнувшись, садились на конец шеста, медленно выволакивали сеть. И если в ней трепетала хотя бы одна крохотная, похожая на перочинный ножик плотвичка, принимались громко вспоминать какой-то счастливый год, когда река вот тут, у вала, возле самой фабрики, была так щедра, что рыбу уносили ведрами.

Все было, как всегда, но на вершине вала Галка заметила группу озабоченных людей. Они что-то встревоженно обсуждали, показывая то в сторону реки, то на вал, то на фабрику. Среди них был и секретарь райкома Северьянов, и директор фабрики Слесарев, и Анна Калинина. Галка, разумеется, сочла долгом подойти послушать, о чем они так оживленно говорят.

— Я же сказал, порядка два метра сорок за сутки — это очень большой дебит, — докладывал незнакомый Галке тощий человек в жестком брезентовом плаще с капюшоном и широкой шляпе с опущенными полями, делавшей его похожим на гриб-поганку, каких немало росло в укромных уголках фабричного двора.— Редкое, весьма редкое явление. Лишь в 1904 году...

— Постойте, постойте, историю пока оставим,— нетерпеливо перебил Северьянов.— По вашим данным, подъем воды продолжается?

— Метр двадцать в сутки—это десять сантиметров в час? — считал вслух Слесарев. Он пришел, должно быть, прямо из кабинета, был без пальто, без шляпы, не успел даже снять сатиновых нарукавников.— А сейчас какой прирост?

Гремя своим плащом, незнакомец спустился к воде, где стояла полосатая рейка.

— Сейчас порядка девятнадцати сантиметров в час.

Северьянов и Слесарев переглянулись.

— Так что же, к ночи река перекатит вал? — вскрикнула Анна. В голосе ее звучал страх.— Так? Да?

— Без паники, без паники,— прервал ее Северьянов.— Послушаем, что наука скажет. Вы полагаете, что фабрика в опасности и надо демонтировать моторы?

«Демонтировать моторы? Как же это можно?» — подумала Галка. Все так наладилось в эти последние дни. И Валька, и Женька, и даже тетя Клава — все уже позади. Еще немножко нажать, и Галка со сменщицей опередят лучших ткачих. И, не выдержав, Галка бесстрашно встряла в разговор:

— Как это так, демонтировать?.. Хорошенькое дело! И уж главное, зачем? Зачем?

Все были так озабочены, что даже не удивились появлению новой собеседницы.

— Вот именно, зачем? — поддержала Анна, даже не поздоровавшись с племянницей, и, обращаясь к человеку в плаще, с надеждой, даже с мольбой, спросила: — Ведь фабрике река пока не угрожает? Нет? Ведь нет?

— Ничего я точно не могу сказать, товарищ Калинина. Ведь я гидролог, а не господь бог. И потом вы же знаете, нам ничего не известно о состоянии льдов и снегов на верховьях. Там же еще немцы... Могу только точно сказать, что старожилы не упомнят такого наводнения.

— Э-э-э, эти старожилы только и существуют, чтобы чего-нибудь да не упомнить! — махнул рукой Северьянов.— Вы специалист, и люди ждут от вас совета, как быть: останавливать фабрику, или можно продолжать работу?

— Повторяю, я не бог, я обыкновенный человек. Нет, нет, решайте сами, а я могу только сказать: надо быть ко всему готовым...

Весь этот день фабрика была в большой тревоге. В перерыве многие бегали на реку. Лед еще стоял, но уровень воды продолжал повышаться. Теперь нетрудно было заметить, что она действительно немного выше уровня берега. Лишь полоса старого вала защищала теперь фабрику от воды. Подходя к крайним станкам, что были у окон, ткачихи опасливо косились в сторону реки: а вдруг прорвет, вдруг, выдавив рамы, вода потоками хлынет в цех. На валу уже работали люди—штатские и военные, они носили, укладывали, трамбовали землю, забивали колья. Но станки требовали внимания. И работницы отходили от окна, унося все возраставшую тревогу.

Смену дотянули кое-как. Перед дверью, ведущей в цех, посреди коридора стоял стол. И как только отзвучал гудок, стол этот сразу оказался окруженным большой, глухо гомонившей толпой. Когда выходили последние, здесь было уже тесно.

Вскарабкавшись на стол, Слесарев подал руку Анне. Он был бледен, хмур, скулы на его лице так и ходили. Но говорил он, как всегда, неторопливо и деловито. Ходят слухи, что станки и моторы будут демонтировать и переносить на верхний этаж. Нет, это не вызывается необходимостью. Пока этого не будут делать. Пока решено наращивать земляной вал. Хозотдел и воинские части за это уже взялись. Но вода все же прибывает, и дирекция просит всех рабочих, техников, инженеров, служащих сразу же после смены идти на вал. У кого дома маленькие дети, пусть сбегают к ним и возвращаются поскорее. Ясли и детские сады получили распоряжение работать круглые сутки. Фабричная столовая обеспечит всех работающих питанием.

Пока Слесарев тяжело слезал со стола, Северьянов успел шепнуть Анне:

— Горячей, горячей! Зови, как в атаку.

И вот звонкий голос Анны, прорезав шум толпы, понесся по коридору:

— Ткачи «Большевички»! Опасность! Спасайте свою фабрику! Коммунисты и комсомольцы, вперед!

Вокруг стола все пришло в движение. Слушать Анну любили, ждали, что она скажет. Но она добавила только:

— Каждая секунда дорога. На реку! — И, соскочив со стола, стала пробираться к выходу.— Откройте обе двери! — приказала она вахтерам.

Это было сказано вовремя. Густой вал людей катил за ней и, уплотняясь в проходе, туго выплескивал на улицу.

Галка была, разумеется, среди тех, кто явился на реку, не заходя домой, прямо с работы. Вместо солнечного, весеннего приволья увидела она массу людей и машин, сделавших вал похожим на огромный растревоженный муравейник. Все суетились, все двигались, и трудно было ей даже понять, кто и что делает. Все заняты, да так, что к ним и подступиться неловко. Знакомых, как на грех, не попадалось. Только вдали, возвышаясь над всеми, маячила круглая голова механика Лужникова.

Галка направилась было к нему. Четыре женщины, подбадривая себя криками «дружно», «взяли», поднимали мешки с песком и клали механику на спину. Лужников перехва-

наполненными ею носилками чувствовала, что работается легче и легче. И когда, совершив несколько маршрутов, ее учитель снова вернулся, он похвалил:

— Молодец, козявка!

За козявку Галка уже не обиделась. Она подмигнула и беззлобно отбрехнулась одной из дедовых поговорок:

— Не в бороде честь, она и у козла есть!

Людей становилось все больше. Подходили рабочие других смен, добровольцы с соседних фабрик. На валу уже кружилось несколько живых конвейеров. Земляная насыпь росла на глазах.

Капитан с темными петлицами сапера, которому было поручено руководство всем этим делом, едва успевал отдавать распоряжения. Был он маленький, невидный, рябоватый. Плохо пригнанная шинель болталась на нем балахоном, фуражку, чтобы ее не сдуло ветром, он надвигал на уши. Но невидный человек этот сразу проявил такую спокойную уверенность, а в делах оказался таким решительным, быстрым, что бестолковщина первых часов начала быстро рассасываться. Каждый уже знал свое место. Одни разгружали машины, другие носили песок. Женщины набивали его в мешки, люди покрепче таскали их на вал. Опытных саперов, которых было немного, освободили от всех других дел. Теперь они загоняли в свеженасыпанные откосы колья, оплетали их лозняком. Почувствовав, что все наладилось, что вожжи в опытных, умелых руках, Анна снова взялась за лопату.

Как-то совсем незаметно на валу появился секретарь горкома. Он о чем-то оживленно разговаривал с Северьяновым и Слесаревым. Они долго бродили по всему фронту работ, беседовали с людьми, исчезали и вновь появлялись в этой человеческой кипени, которая теперь, когда стемнело, вырисовывалась в свете прожекторов с подчеркнутой отчетливостью, будто все это виделось не в жизни, а на киноэкране.

К ночи положение оставалось по-прежнему острым. Дамбу к тому времени удалось нарастить больше чем на метр, но и река прибыла. Она уже достигла гребня прежнего вала и теперь начала подниматься по той части, которая была только что насыпана и не успела слежаться и затвердеть. Люди на дамбе как бы соревновались с рекой. Рос вал, и поднималась вода. Кто победит? Теперь уже работали молча. И Анна слышала лишь стук топоров, вгонявших колья, резкий звон лопат да собственное тяжелое дыхание...

— А, вот где она! — произнес у нее за спиной знакомый голос секретаря горкома.

Сильным движением воткнув лопату в грунт и поправляя сбившиеся на лоб волосы, Анна, обернувшись, весело ответила:

— Где и положено — с массами.

— А положено, Анна Степановна, секретарю парткома быть с массами и во главе масс,— серьезно и даже не без упрека сказал ей собеседник.— Вы землю бросаете, а сейчас вот надо решать, останавливать фабрику или нет, и брать ответственность за это решение.

тывал груз, подсаживал его повыше и, перегнувшись, тащил наверх, будто мешок был набит не песком, а сеном. Девушка попробовала было присоединиться к этим женщинам, но пятой не требовалось, она только мешала. Ее прогнали.

Очень этим огорченная, она принялась искать тетку. Анна, как всегда, оказалась где-то в центре этого человеческого водоворота. Уже переодетая в свой старый рабочий комбинезон, в косынке, перехватившей волосы и сбившейся на затылок, она работала лопатой, нагружая песок на носилки. Осторожно зайдя сзади, Галка тронула ее за локоть.

— Ну, что тебе? — сердито спросила Анна, отводя рукавом пряди мокрых волос, сбившиеся на лоб.

— Что бы уж мне поделать?

— Работы ей нет! — рассердилась Анна.— Коль ты такая разиня, другим не мешай, уйди из-под руки!

Носилки унесли, поднесли другие... Анна выпрямилась, чтобы перевести дух. Обиженная Галка все еще стояла у нее за спиной.

— У всех дело, а мы ходим, как тараканы какие...

— Кто это мы?

— Да мы, наша смена. Пришли, а тут уже и без нас тесно. И никому дела нет, что уставшие люди попусту зябнут.

— Ух, организаторы! — В сердцах Анна добавила к этому несколько приличествующих случаю эпитетов и сунула Галке свою лопату.— На, бери, будешь вместо меня землю насыпать.

И вот уже у самого вала послышался ее резкий, звучный голос. Но Галке было уже не до этого. Яростно, но неумело тыча лопатой в песок, она еле поспевала. Несколько носилок задержались возле нее. Люди, может быть, и рады были невольной передышке, но с дамбы сердито торопили:

— Землю! Эй, носилки! Чего рты поразевали? Давай землю!

Тогда один из носильщиков, пожилой, плохо выбритый человек в ватнике, сердито сказал:

— Эх ты, зюзя! — И, отобрав у Галки лопату, неторопливо, но умело нагружая носилки за носилками, ворчал: — И начальнички хороши, дают инструмент ребенку!

Очередь носильщиков быстро продвигалась, а Галка стояла возле, и карие глаза ее заплывали слезами. «Зюзя, ребенок!.. Ну, нет!» Красная от злости, она вырвала лопату, стиснула зубы, вся напряглась и стала быстро-быстро бросать песок. Дело пошло. Но когда унесены были последние носилки, девушка почувствовала, что ей трудно даже дышать. Но нет, она не сдастся. Зюзя! Вот посмотрите, какая она зюзя. И, действуя изо всех сил, все в том же судорожном и потому изнуряющем темпе, она нагрузила еще несколько носилок.

Тут опять пришла очередь давешнего небритого человека в ватнике. Понаблюдав за Галкой, он только покачал головой:

— Этак-то надолго ли тебя хватит, милая? Без сноровки-то и вшу не убьешь. Дай-ка я побросаю, а ты гляди. Вот так ставь, потом толкни лопату ногой и на себя, теперь левую руку пониже по черенку и поднимай. Не бойся! Так и мозолей не набьешь.

Учиться Галка умела. Наблюдательная, переимчивая, она, быстро сообразив, в чем дело, стала подражать. И вот с каждыми вновь

Анна провела ладонью по вспотевшему лицу, будто снимая с него паутину. Что это, выговор? Вся усталость, что накопилась за день, нахлынула на нее.

Втроем они поднялись на дамбу. От прожекторов вода казалась густой и темной, как нефть. Напирая друг на друга, то целыми полями, то тесной массой, то бурым месивом снежной крошки шел лед. Человек в брезентовом дождевике по-прежнему стоял внизу, у кромки воды, возле полосатой рейки.

— Ну, как там?

— Прибывает. За последний час порядка четырех сантиметров,— донесся с реки деревянный голос.

Четыре сантиметра! Никогда не думала Анна, что такая маленькая мера—сантиметр— может вдруг оказаться такой большой, такой грозной. В эту минуту она боялась гидролога, который спокойно и, как ей казалось, равнодушно вещал о несчастье, надвигавшемся на всех этих людей. Она просто ненавидела его, будто бы именно он со своими «порядка столько-то» был виновником грозного половодья.

Меж штабелей дров маленький капитан-сапер организовал что-то вроде помещения штаба. На поленнице висела карта — схема участка, испещренная его пометками. Все расселись на толстых березовых плашках, лежавших на земле, перед этой картой. Тут и решалась судьба фабрики.

Слесарев предлагал сейчас же, не теряя времени, отделять моторы станков от пола и заблаговременно уносить их на второй этаж, в безопасное место. Даже если фабрику и зальет, моторы уцелеют; откачав воду, их можно будет поставить на место. На это уйдет не больше двух недель.

Две недели! Но сколько ткани для воинов можно изготовить за это время, тревожно думала Анна. И потом — прервать предпраздничное соревнование сейчас, когда оно в самом зените. Как это подрежет крылья всем, кто снова набрал высоту! Как это размагнитит людей! Но и в доводах Слесарева был серьезный резон. Если вода зальет станки и моторы, нужны будут месяцы и месяцы, чтобы снова все запускать.

— Мы ж не в очко играем. Мне рисковать нельзя,— доказывал директор. Он даже тут, на дровах, сидел, словно у себя в кабинете, как бы олицетворяя собой практический, спокойный разум.—А главное, зачем, во имя чего я пойду на риск?

Но разве творческий заряд коллектива, обретенный в эти весенние дни, разве успехи вновь организованных бригад, называвших себя фронтовыми, разве соревнование комсомольцев, затеянное Зиной Кокиной и Галкой Мюллер, разве весь этот подъем, могучий и животворный, обретенный с таким трудом, разве все это не стоило риска? Да так ли велик этот риск?

— А я за то, чтобы станков не трогать,— сказала Анна.— Василий Андрианович, ты погляди, погляди, вон люди как работают. Неужели не отстоим? — И она страстно, с фанатической уверенностью произнесла: — Отстоим, кровь из носу — отстоим!..

— А вы, капитан, что думаете? — спросил секретарь горкома.

— Технически удержать воды возможно,— спокойно, обыденным голосом ответил тот,— но, конечно, есть риск: ведь мы не знаем, сколько все это продолжится — день, два... Но все зависит от людей, как будут работать. Пока все идет как надо, но надолго ли хватит пороху?.. Как говорится, все в руках человеческих.

— А определенней,— настаивал секретарь горкома.

— За своих, за военных, я ручаюсь, я их знаю и знаю, что они выдержат и день и два, а если надо, и пять. Бывало.

И тогда Анна сказала спокойно и твердо:

— А я знаю своих и ручаюсь за ткацкую.

— Вот это говорит партработник! — с удовольствием выговорил секретарь горкома.— Я к вам, Анна Степановна, присоединяюсь.

Все же приняли компромиссное решение. Станки и моторы от пола отделить, но с места не трогать. Бороться с водой, но быть готовыми в случае чего быстро эвакуировать оборудование на верхний этаж, бросив на это всех, кто работает на валу.

Ночь выдалась для этой поры необыкновенно теплая. Сначала с реки тянуло туманом, и густой, будто банный, туман этот, который здесь звали снегоедом, жадно пожирал последние грязные сугробы, что лежали у стен фабрики, у заборов, возле домов. Но туман продержался недолго. Порывистый ветер быстро размел потускневшие было ночные пейзажи, и над рекой, над валом, где работали люди, в почерневшем небе пробрызнули звезды. Все вокруг: земля, вода, лед — синевато засветилось.

Но воздух по-прежнему был влажен. Пахло отогретой за день землей, водой и еще чем-то неуловимым, не имеющим ни названия, ни уподобления.

Да, все в руках человеческих! И где-то близко к полуночи тот же самый гидролог в брезентовом дождевике сказал наконец тем же бесстрастным голосом:

— Уровень воды пошел на снижение. За последние полчаса снижение порядка четырех сантиметров и продолжает нарастать...

— Сколько, сколько? — радостно переспросила Анна.

— Четыре с десятыми...

Наконец-то! Движимая желанием поскорее поделиться радостью со всеми этими уставшими людьми, Анна схватила гидролога за рукав его жесткого дождевика, поволокла к ближайшей машине, сама, будто ребенка, подсадила, а вернее, перевалила его через борт, встав на колесо, вскочила за ним в кузов и, сложив ладони рупором, закричала что было мочи:

— Эй, все! Слышите, вода идет на убыль! Убывает! Мы побеждаем!.. Вот этот самый человек — профессор; он говорит: мы побеждаем, река уже отступает!..

В свете прожекторов четко вырисовывалась фигура женщины с выброшенной вперед рукой. К грузовику бежали люди с лопатами, с кирками. Косой луч освещал сотни вскинутых лиц.

— Что вы, какой я профессор, с чего вы взяли? — сердито шептал гидролог. — Я говорю только, что вода убыла за последние полчаса на четыре сантиметра с десятыми...

— Профессор говорит, что за последние полчаса убыль — четыре сантиметра с десятыми... Товарищи, борьба не кончена, борьба продолжается. Мы побеждаем, но всем быть начеку...

Когда Анна слезла с грузовика, капитан саперов принял ее на руки и бережно поставил на землю. Она виновато посмотрела на него.

— Сердитесь? Не посоветовалась? Знаете, ну не стерпела, честное слово! Так захотелось людей порадовать!

Рябоватое лицо капитана осветилось конфузливой и довольной улыбкой.

— Что вы, что вы! — успокоил он.— За что же тут сердиться? Вы правы, люди подвыдохлись, их надо подбодрить.— И вдруг ни с того ни с сего добавил: — Мне бы в батальон такого, как вы, комиссара!..

Вода продолжала заметно падать. Она опустилась на полметра от наивысшего уровня, четко прочерченного по откосу вала полоской желтой пены. Решено было, не распуская людей, вести их на фабрику сушиться, греться и отдыхать. На дамбе же оставить надежные посты. У той же поленницы дров намечали караульных. Анна называла людей, капитан записывал.

— А меня? — послышался вдруг голос.

Перед усталыми членами штаба по борьбе с наводнением стояла Галка. Но в каком виде: кокетливый кротовый жакет ее был мокр и будто облизан. Косынку она где-то потеряла. Волосы ее, обычно пышные и волнистые, свисали сосульками. И только непобедимый Галин румянец по-прежнему полыхал на смуглых щеках.

— Сия девица сегодня изрядно потрудилась,— сказал капитан.— Ну что, доверим ей пост? А?

Анна, знавшая коварный характер племянницы, с сомнением подняла было бровь, но возражать не стала. После полуночи, когда вал совсем обезлюдел, Галка заступила на дежурство.

Весь вал, отгораживающий фабрику от реки и как бы охватывающий ее полукольцом, капитан разбил на участки. Галкин участок был тихий, за поворотом реки, как раз там, где корпус ткацкой подступал к самому валу. Соседом слева на острие мыса, на самом ответственном месте, оказался Лужников, а справа — пожилая ткачиха тетя Поля, член партбюро.

Дежурным было вменено в обязанность следить за своим участком и в случае опасности немедленно поднимать тревогу. Для этого им были вручены милицейские свистки. Получив свой свисток, Галка тут же его испытала, издав длинную переливчатую трель, и, убедившись, что свисток голосистый, спрятала его в карман.

В сущности, она уже бранила себя за то, что напросилась на дежурство. Подумаешь, дело — торчать на валу одной, как пугалу огородному! Да еще ночью, да еще когда каждая косточка ноет. На фабрике сейчас тепло, много девчат, и саперы, наверное, там — есть с кем поболтать, попеть и сплясать можно. А тут... Хоть бы соседи интересные были, а то старушенция тетя Поля, бабушкина подружка, да этот Лужников — дядя Пуд, как его прозвали фабзайцы... Вот и кукуй одна целых три часа!

Впрочем, понемногу ночь взяла девушку в свой колдовской плен. В настороженной тишине все вдруг приобрело свои голоса. С мелодичным бульканьем клубилась вода, тихо позванивала льдина, выпертая другими на гребень вала и теперь на теплом ветру распадавшаяся на продолговатые куски. С протяжным вздохом опускался жухлый снег. И только лед двигался совсем бесшумно, как в кинокартине, когда вдруг пропадает звук. Галка смотрела на него, и ей казалось, что не лед идет вниз по реке, а она сама вместе с валом, с фабрикой плывет ему навстречу, влекомая неведомой силой. От этого чуть-чуть кружилась голова.

Подложив под себя деревянную лопату, де-

вушка уселась на льдину и стала следить за рекой. Проплыл кусок дороги с сосновой вешкой. Что это темное? Ага, стог сена. Прозевали колхозники! Впрочем, может быть, и не колхозники, лед-то идет верховой. Говорят, там еще фашисты. Ну что ж, плыви, плыви, сено, лучше тебе утонуть, чем попасть в брюхо короткохвостых упитанных немецких коней... А вон кусок дороги и что-то на нем. Ага, указатель — желтенькая дощечка на палке и по-немецки: «Минен». Значит, мины. Гм... Где ж они были, эти мины? В воде? Чудно... Доска проплывет, и опять лед, только лед, какой плыл по реке и до войны, и сто, и двести, и двести тысяч лет назад, когда не было вовсе никаких войн.

С войны Галкина мысль сворачивает на сержанта Лебедева... Что же ему ответить, любит она его или нет? И вообще, что такое любовь? Ну, в романах — там ясно: «...Он притянул ее к себе и прижался губами к ее ослабевшим теплым губам». Это понятно: целуются. Но ведь нельзя целоваться по почте: «Я вас мысленно целую». Смешно!.. А чувство? Что, собственно, она чувствует? Ну, ждет писем. И что? Просто любопытно узнать, как он живет, кто его товарищи, как они там все лупят этих проклятых оккупантов... Ой, какой чудак этот Лебедев! О своих товарищах пишет больше, чем о себе. А о себе: «поймали «языка», «был на вылазке в тыл врага», «перехватил немецких лазутчиков»... И все. Это можно и в газете прочесть. И все-таки она, должно быть, его любит. Как свободная минута, так думает о нем: где-то он, цел ли, не ранен ли?.. И на сердце беспокойно: а вдруг убили?.. Но, может, и это ничего не говорит? Ведь и за Марата Шаповалова беспокойно, и за дядю Филиппа беспокойно, и за дядю Колю... И еще хочется Галке, чтобы сержант Лебедев приехал в Верхневолжск. Пройтись бы с ним под ручку по фабричному двору навстречу возвращающейся смене: вот вам, смотрите на моего. Хорошо бы, и сейчас был он. Пусть бы, как в романе, его руки притянули ее к себе и к ее ослабевшим теплым губам прижались губы... старшего сержанта Лебедева И. С. А впрочем, так ли? Хочется ли ей этого?

— Ой, хоть бы с кем-нибудь посоветоваться, что ли! — томится Галка, вздыхая. И никого кругом, ни души... Что это темнеет на льду? Батюшки, человеческое тело! Ну да, старик в полушубке. Лежит навзничь, бородой вверх. Мертвый, наполовину в льдину вмерз... Кто же это тебя, бедный дедушка, так? Война, война... Может быть, в эту минуту и сержант Лебедев лежит, вот так же запрокинув голову, где-нибудь на льдине, и река несет его тело невесть куда...

Но льдина со стариком прошла, а о грустном Галка долго думать еще не умеет. Ага, наконец кто-то идет по валу. Грязь чавкает под сапогами. Вот сейчас уж наговорюсь всласть! Нет, это старый усатый сапер идет проверять посты. Вот ведь начальство, не могут помоложе кого на это определить.

— У тебя как, красавица, тихо тут?

Галка вскакивает, бросает руку к воображаемому козырьку.

— Так точно, товарищ начальник, происшествий нет.

Сапер смотрит на реку, удовлетворенно улыбается.

— Спадает, заметно спадает. Похоже, красавица, одолели-таки мы ее, бесстыдницу. Закурить нет? Хотя что я, какой ты к шуту курец! Ну, смотри в оба.

Чавкает под подошвой грязь, и сапер как бы растворяется в весенней, темно-синей, густо обрызганной звездами мгле... Да и что с него толку! Разве с ним посоветуешься о таком важном деле, как любовь? И опять только приглушенный клекот воды, шорох проплывающих льдин, осторожно трогающих друг друга боками. Галка зевает и с хрустом потягивается, потом настораживается: что это?

Откуда-то, кажется, от фабрики, доносятся звуки баяна. Ведь вот же везет людям! Тепло... Музыка... Поют... И, конечно же, это «Шумел камыш», без которого не обходится ни одна вечеринка, где собираются старые работницы. Ага, а вот уже «Барыню» завели, и слышно, как кто-то лихо задробил каблуками. Даже стекла звенят.

Не стерпев, Галка соскальзывает вниз и начинает пританцовывать на сухом утоптанном местечке. Но что за радость танцевать, когда никто на тебя не смотрит? Ах, дернуло же ее напроситься на стариковское караульное дело! Потом, когда кто-то грудным голосом запевает старую фабричную песню, Галка застывает. Знакомый голос. Кто это? Неужели тетка Анна?

Девушке так интересно, что она привстает на карниз, подтягивается на руках к окну, к тому месту, где занавешивающая его маскировочная штора прилегла неплотно и пропускает косой луч. Но виден лишь кусок потолка и шевелящиеся на нем тени. А поет, конечно же, Анна Калинина. Вот новости!.. Сгорая от любопытства, Галка карабкается еще выше, встает на цыпочки, приникает к стеклу. Но прежде чем ей удается что-нибудь рассмотреть, незнакомый звук привлекает ее внимание: блю, блю, блю...

Девушка спрыгнула с подоконника. Тревожно оглянулась. Откуда это? Вбежала на вал. Ничего. Обошла свой участок. Лед идет. Все в порядке. Только у места, где она услышала странный звук, у подножия вала, расплывается мутная лужа. При свете звезд отчетливо видно, как на поверхности ее быстро крутятся щепки, стружки, какой-то сор.

— Просос? — произносит Галка вслух слово, которое много раз слышала она сегодня, но смысл которого уразумела только сейчас.

Ну да, где-то просачивалась вода сквозь вал. От этого и лужа.

Галка растерялась. Все наставления разом вылетели из головы. Впрочем, может быть, не так уж это и страшно. Надо запломбировать эту окаянную дыру, заткнуть, завалить место, откуда бьет родник. И все. Не долго думая, девушка подбежала к мешкам с песком. Аккуратным штабелем лежали они шагах в двадцати от прососа. Она схватилась за один мешок, за другой, за третий, но все они, несмотря на небольшие размеры, так тяжелы, что ей не удалось их даже шевельнуть. А мутная вода, крутя щепки и стружки, быстро расползалась у подножия вала. «Батюшки-матушки, прозевала! Прохлопала. Что же теперь будет? Доверили дуре серьезное дело!» Нужно свистать тревогу. Галка вбежала на вал. Сунула руку в карман, выхватила свисток, но он выскользнул из ее занемевших пальцев и упал в реку. Маленький всплеск — и все. Будто электрический ток перебрал волосы у Галки на голове. Она снова бросилась вниз, к мешкам, вскочила на штабель, вцепилась в один из мешков, рванула его и поставила напопа.

Отчаяние, что ли, придало ей силу. Она соскользнула вниз и рывком взвалила мешок на спину, но закачалась и села с ним прямо в лужу, бросив рядом свой груз. Но тут же опять забралась на штабель и повторила все снова. На этот раз ей удалось устоять. Перед глазами расплывались разноцветные круги. Ее качало. «Упаду, ой, мамочка, сейчас упаду и умру!» — думала она. Но не упала и не умерла. Медленно переставляя дрожащие ноги, она пошла прямо по луже. И когда достигла центра, вокруг которого крутились щепки, сбросила туда тяжелую тушку. Второй мешок дался ей легче, но третий она не донесла и упала вместе с ним, задыхаясь, обливаясь слезами.

Блю, блю, блю... Зловещее бульканье звучало отчетливей, чаще. А оттуда, с фабрики, доносилось пение. И от этого пения Галке стало особенно страшно... Люди доверились ей. Они спокойно отдыхают, не чуя беды, а

она... Вскочив, Галка схватила лопату и, размахнувшись, ударила ею по раме: раз, другой, третий. Посыпались стекла. Над рекой разнесся отчаянный вопль:

— На помощь! Вода!.. Помогите!..

«Уже и через дамбу»,— с ужасом догадывается Галка. Чувствуя, что в горле у нее сразу пересохло, она представила себе, как вот сейчас вода раздвинет промоину и, сшибая все на своем пути, река ринется на фабрику...

— А-а-а! — кричит девушка и, сбежав с откоса в воду, бросается грудью на насыпь, телом своим загораживая промытое место. Она уже не звала и не кричала. Она только хрипела, и хрип этот был так тих, что слышала его лишь она сама.

Первым на крик прибежал Лужников. Он увидел расплывающуюся за дамбой лужу, центр ее, где из-под мешков бил ключ, увидел трещину в теле вала и уже после всего этого заметил темную жалкую фигурку, преграждающую путь потоку.

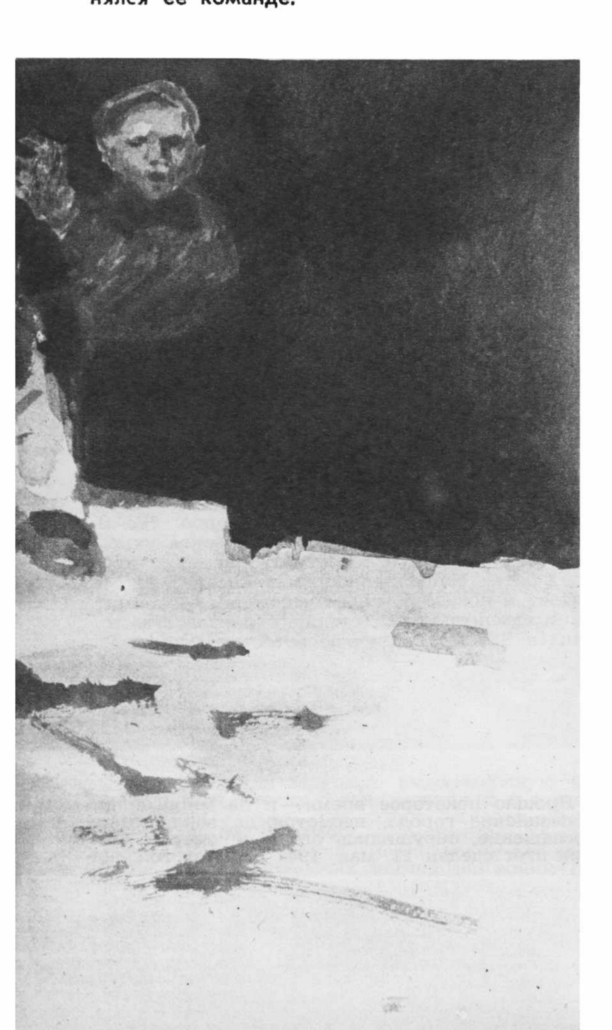
Механик рванулся к девушке, чтобы вытащить ее, но Галка, онемев от холода и страха, яростно мотала головой. Она что-то зло кричала. Это можно было лишь угадать по движению ее губ. Оставив Галку, он бросился вниз, принес целый куль песку и, осторожно опустив его перед Галкиным носом, закрыл им зловещий ручеек, будто пила, разрезавший вал. Потом он вытащил Галку из воды и даже встряхнул, как котенка.

— Марш на фабрику, в медпункт! Пусть ототрут спиртом!

Сам же он, бегом нося мешки, расчетливо, быстро укладывал их. Заложил русло ручейка и, сбежав вниз, принялся закладывать мешками просос.

Ну, а Галка? Вы, может быть, думаете, что она, вытаращив глаза, прибежала на фабрику, рассказала обо всем случившемся и там, переодетая в сухое и теплое, сидит сейчас в медпункте, пьет горячий чай с коньяком и, вызывая общее восхищение, рассказывает любопытным, как ей удалось предотвратить бедствие? Как бы не так! Вы ее мало знаете, если что-нибудь подобное пришло вам в голову. Еще не оправившись после ледяной ванны, она уже ловко действовала лопатой, прикапывая приносимые Лужниковым мешки. Она работала так старательно, что окоченение прошло, и ей даже стало жарко.

— Вот сюда, сюда мешочек и сюда,— показывала она, и Лужников, не споря, подчинялся ее команде.



Когда наконец подоспела подмога, Галка, маленькая Галка, как-то незаметно ухитрилась сделаться вожаком тех, кто действовал теперь на участке, который она мысленно называла своим. Она так толково, так безапелляционно, так властно указывала, куда забивать колья, куда валить камень, куда нести хворост, что никому и в голову не пришло оспаривать это ее будто бы обретенное в страшные минуты право.

Но то, что случилось на Галкином участке, оказалось лишь началом новой атаки реки. Ниже фабрики, у поворота, получился зажор. Огромное ледяное поле, приплывшее сверху, встало поперек русла. Застряв на повороте, мелкие льдины, теснимые напором воды, начали карабкаться на него, нырять под него. Так постепенно создалась плотина, преграждавшая русло от берега до берега. Лед остановился. Слышался скрежет и треск, похожий на орудийную пальбу, и вода снова стала прибывать.

Зажгли прожекторы, и стало видно, как река вспухала, быстро приближаясь к давешней отметке.

Гидролог, снова появившийся у полосатой рейки, бесстрастно сообщал наверх:

— Подъем порядка десяти сантиметров в час.

Десять сантиметров! Но люди уже закалились, поверили в силу своих рук. Они были уже другими, чем те, что пришли сюда утром. С баграми бросались они на напиравшие на вал льдины, отталкивали, отворачивали, кололи их пешнями. Это напоминало рукопашный бой, в котором смешались свои и чужие, и слышно только тяжелое дыхание, кряканье, зубовный скрежет, крик боли и брань.

В этой борьбе было даже что-то захватывающее. Одолев, оттолкнув баграми какую-нибудь большую льдину или заставив ее тихо вползти на вал, не повредив откоса, люди радостно кричали, приплясывали. Анна никогда не забудет момента, когда одна из таких льдин, подпираемая сзади сотнями, тысячами других, полезла на берег, острым углом нацелясь на откос вала. Три багра, упиравшиеся в нее, сломались один за другим. Несчастье казалось неизбежным. Когда острие льдины было уже в метре от берега, Лужников, спрыгнув в воду, уперся в нее плечом, а ногами в вал и стал медленно ее отталкивать. Разве забыть это налитое кровью лицо с яростными глазами, с венами, вспухшими на висках, эти до крови закушенные губы? Огромный человек, напрягаясь, дрожал, как канат, который вот-вот лопнет. Не забыть, как, воодушевленные примером механика, начали сбрасывать шинели, сапоги и полезли в воду бойцы-саперы. И вот уже стена загородила вал живой броней, и побежденная льдина стала поворачиваться и медленно отходить, не причинив валу вреда.

Но людей из воды пришлось выволакивать. Механика Лужникова и одного из бойцов до грузовика уже несли, их прямо с берега отправили в военный госпиталь.

Но в этот день секретарю парткома довелось получить еще один наглядный урок. В разгар борьбы неизвестно кем был пущен слух, что где-то ниже река прорвала дальний обвод, хлынула на улицы и, разливаясь, затопляет поселок. У многих женщин дома оставались дети. Началась паника.

Женщины стали исчезать сначала незаметно — по две, по три. На это не обратили внимания: пусть их, народу хватит. И это было ошибкой. Паника разрасталась. Рождались откуда-то дикие подробности: залило подвалы, развалился размытый дом. Народу на валу заметно убывало. Бежали уже толпами. Атаковали грузовик. Забились в кузов и грозили шоферу лопатами: быстро в поселок, если хочешь быть живым.

Анна, Слесарев, капитан бегали от одной группы к другой, пытались убедить, что никакого прорыва нет и быть не может, что массивным каменным зданиям и в случае прорыва воды не угрожает никакая опасность. Но их не слушали. Анну просто оттерли в сторону, и машина, набитая женщинами, зарычав, двинулась вперед.

Вот в эту минуту в толпе появилась Варвара Алексеевна. Расставив руки, старая большевичка преградила машине дорогу:

— Не пущу!

Старуха была без платка. Она, должно быть, перед этим долго бежала. Лицо ее было мокро, ветер трепал седые стриженые волосы, губы не слушались ее, и только черные глаза горели гневом.

— Не пущу!

Машина легонько напирала на нее радиатором, а она, отступая перед ее механической силой, продолжала повторять те же два слова. Потом вдруг легла на землю, преградив ей дорогу.

Все оцепенели. Машина остановилась. Женщины стали выпрыгивать из кузова. Варвара Алексеевна, вскочив, схватила одну из них за рукав.

— Фабрику предаешь? Да?

И самое удивительное было в том, что рослая, крупная женщина эта, мгновение назад грозившая шоферу лопатой, разом как-то обмякла.

— Дети ж,— виновато пояснила она.— Дети ж, Алексеевна, там, дома...

— А что дети есть будут, если фабрику затопит?.. Вы слышите, что? Дети? Да чей поганый рот этот слух пустил? Язык тому вырвать. Я сейчас оттуда. Никакой там воды нет.

Женщины отступали, опуская глаза. Заметив, что уже достигнут перелом, что теперь подействуют и разумные доводы, Анна бросилась на подмогу к своей матери.

— Раньше, раньше надо было смотреть! — сердито сказала ей старуха и, переходя на миролюбивый тон, продолжала, обращаясь к работницам: — Вы подумали, как это можно фабрику воде отдавать? Из пепла подняли, и на тебе, воде... Ну, кто здесь трус, кто бабьему вранью верит, кому на фабрику наплевать — ступайте. Вези их, парень, в поселок, пусть в своей дури убедятся. Ну, садитесь, кто?

И никто не сел в машину.

Потом, когда все еще было окутано предутренней мглой и только вершина фабричной трубы розовела в солнечных лучах, налетели самолеты. Сначала на них не обратили внимания. Мало ли летало в те дни своих и чужих! Но они сделали круг, другой и, зайдя к солнцу, приглушили моторы. Людей точно сдуло с дамбы. Все бросились на землю, кто где был: грязь — так в грязь, лужа — так в лужу. Но кто-то уже успел разглядеть на крыльях звезды.

— Свои!.. Это ж свои!

Басовито рванулся залп. Реку будто встряхнуло. Густой рокот прокатился над стеснившимися льдами. Острые зеленые фонтаны воды возникли над бурыми дымами. И когда самолеты, будто грачи над пашней, сверкая крыльями в лучах восходящего солнца, уже уходили, масса льда шевельнулась, робко тронулась и, рассредоточиваясь, стала приходить в движение.

Лед снова тронулся. Вода начала спадать. Гидролог в брезентовом плаще сообщал снизу:

— Идет на убыль.

— Быстро?

— Да порядка двадцати сантиметров в час, с нарастанием порядка два сантиметра пять миллиметров.

И никому уже этот человек не казался ни зловещим, ни неприятным. Все находили, что он хороший, знающий дело и даже симпатичный специалист. Все с удовольствием слушали его излюбленное: порядка стольких-то целых и стольких-то десятых.

В это утро в госпитале, не приходя в себя, скончался один из саперов. Льдина раздавила ему грудную клетку.

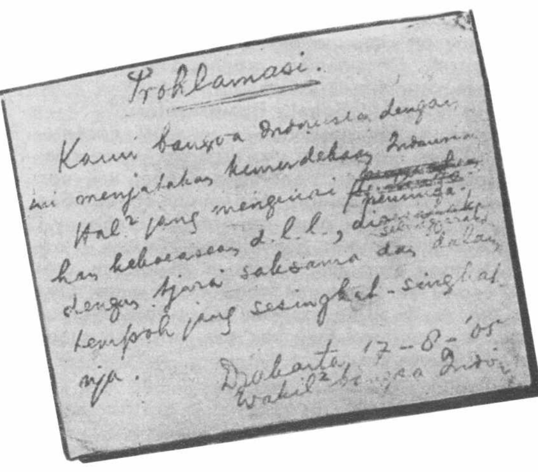
В это утро механика Лужникова, у которого оказались сломанными три ребра, заковали в гипсовый корсет.

В это утро Северьянов, возвращаясь домой, по пути завез Галку домой. Термометр показал 39,5. Врач констатировал острое воспаление легких. Но Галка не унывала. Бабушка передала ей три письма: от матери, от сестры и, конечно же, от сержанта Лебедева И. С.

В это утро, обдумывая по пути домой все совершившееся, Анна Калинина впервые в полную меру ощутила, какая же это интересная вещь — партийная работа, и, ощутив, поняла, как мало она еще знает и умеет в этом новом для нее, очень сложном деле.

ИНДОНЕЗИЯ ОБВИНЯЕТ

Печать и радио сообщили о новом заговоре против Индонезийской Республики. Сколько раз за последние тринадцать лет международный империализм тайно и явно предпринимал разбойничьи попытки восстановить свое господство в стране трех тысяч островов! Мы публикуем сегодня фотографии, которые обвиняют колониализм, рассказывают об истории заговоров против Индонезии, о борьбе ее народа за независимость.



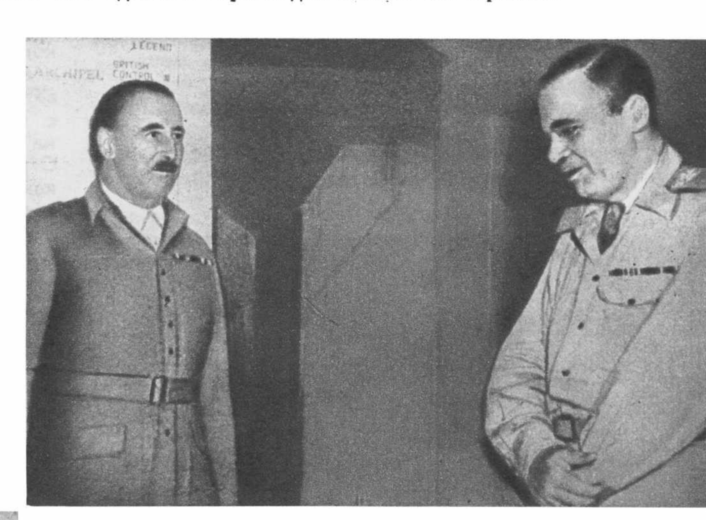
Proklamasi.
Kami bangsa Indonesia dengan
ini menjatakan kemerdekaan Indonesia
Hal² jang mengenai pemindahan
kekoeasaan d.l.l., diselenggarakan
dengan tjara saksama dan dalam
tempoh jang sesingkat-singkat
nja.
Djakarta, 17-8-'05
Wakil² bangsa Indo...

Маленький листок бумаги. Но сколько мук, горя, слез, человеческих жертв понадобилось, чтобы могли появиться простые слова, возвестившие, что трехсотлетняя борьба индонезийского народа против иностранных захватчиков завершилась провозглашением независимого индонезийского государства! Слова эти, написанные рукой Сукарно, «брата Карно», 17 августа 1945 года, облетели весь мир.

• И сразу же на народ, заявивший о своей независимости, обрушились бомбы и артиллерийские снаряды английских колонизаторов. Это произошло в Сурабае в 6 часов утра 10 ноября 1945 года, через два месяца после окончания второй мировой войны. Снимок этот сделан в первые дни английской агрессии.

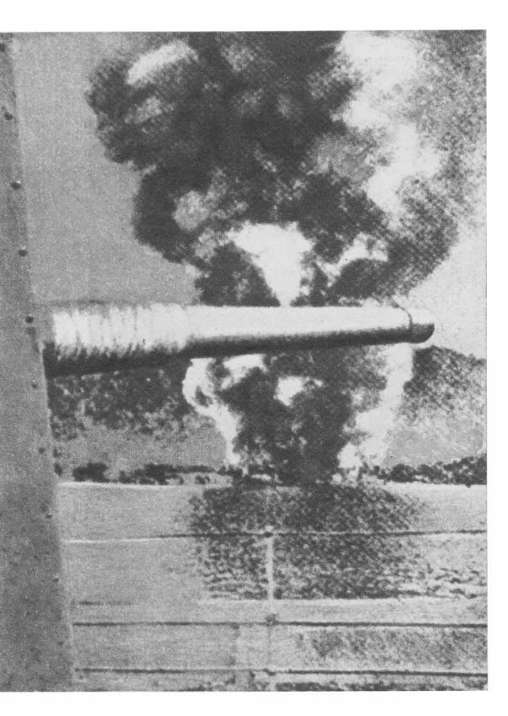
«Самые мягкие люди на земле», как любили называть индонезийцев голландские плантаторы, оказались тверже стали. Против захватчиков поднялся тогда весь народ. Вооруженные трофейным оружием, еще плохо обученные, они героически сражались с англичанами и голландцами, которые высаживали на острова все новые и новые ↓части.

Фото из книги «Illustrations of the Revolution 1945—1950», а также агентств Синьхуа и Кэмпен.



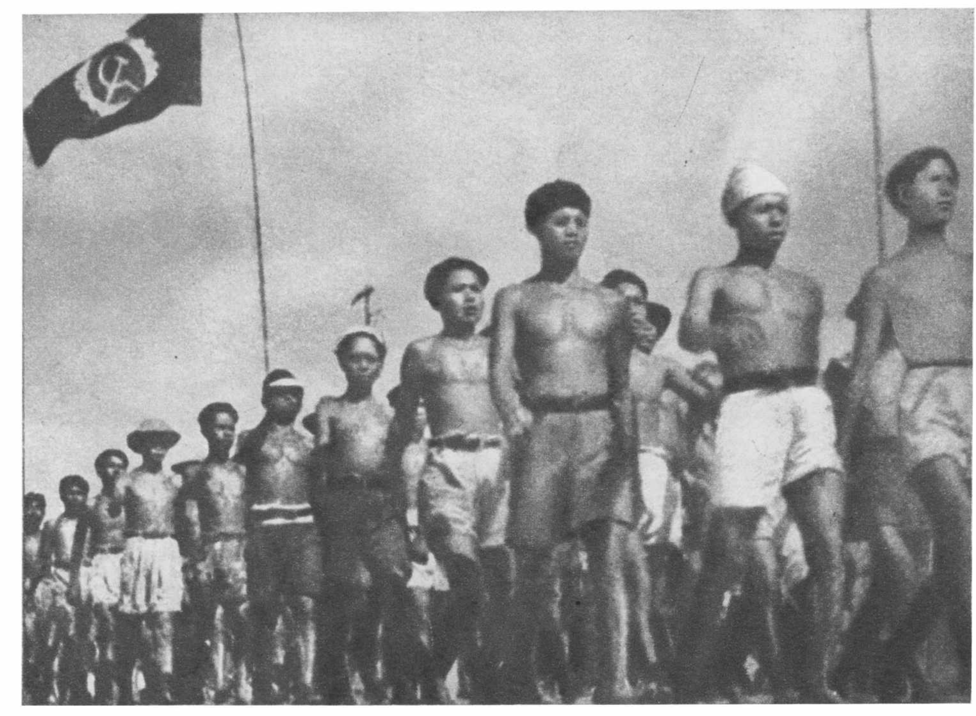
Мощная военная машина оказалась бессильной перед народом, воодушевленным идеей освобождения от колониального гнета. Краснобелый флаг независимой Индонезии нельзя было уничтожить. Его поднимали руки миллионов людей в разных концах страны, от Суматры до Западного Ириана. Империалистам пришлось пойти на переговоры. На этом снимке вы видите участников переговоров. На лицах европейцев играет дипломатическая ухмылка. Они надеются выиграть время, чтобы успокоить общественное мнение и подготовиться к новым военным действиям. Запомните лицо «джентльмена», стоящего справа. Это голландец Ван Моок. Он еще встретится нам.

Прошло некоторое время — и на мирные индонезийские города, несмотря на заключенное соглашение, обрушились огонь и смерть. Снимок этот сделан 12 мая 1947 года с голланд-



ского эсминца «Бэнкерт» после «удачного» залпа по беззащитному индонезийскому городку.

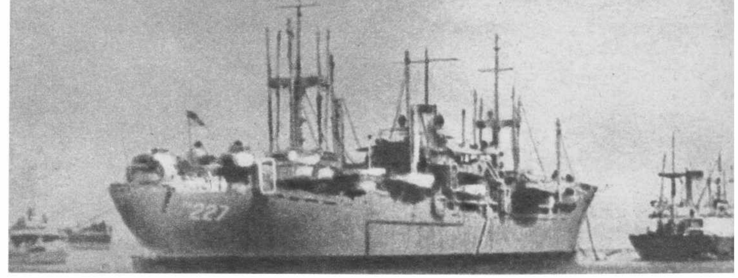
Все национальности, населяющие Индонезию, были едины в борьбе. Посмотрите на этого старого индийца. Несмотря на свой возраст, он взял в руки винтовку и стал в ряды партизан.



И снова вся Индонезия поднялась на защиту завоеваний своего народа. В первых рядах борцов выступал индонезийский рабочий класс.

Теперь взгляните на человека, изображенного на переднем плане. Это уже знакомый нам Ван Моок. Благодаря его подрывной деятельности, при финансовой помощи «заинтересованных» стран, колонизаторами было создано марионеточное «государство восточной Индонезии» со своим «правительством», «спикером парламента» и всеми прочими маскарадными должностями. На снимке Ван Моок запечатлен в момент объяснения «задач» этого «государства». Потом были созданы еще с десяток подобных «государств» на территории Индонезии. Вот откуда идут корни нынешнего так называемого «революционного правительства» Центральной Суматры. Господа империалисты повторяются.

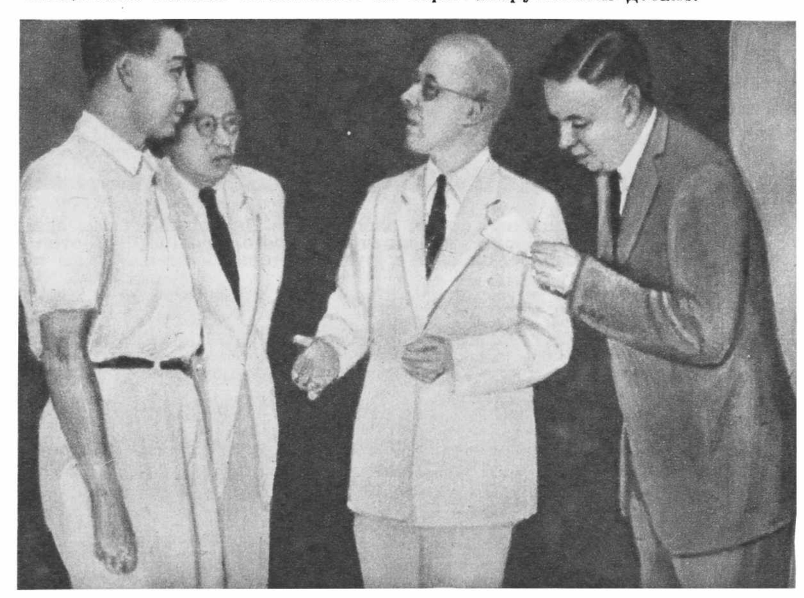
В стремлении задушить индонезийскую национальную революцию объединились империалисты многих стран. Англичане и голландцы действовали открыто. Заправилы США поступали хитрее: они хотели таскать каштаны из огня чужими руками. Но народы разгадали эту политику. Возмущенные демонстранты в Сан-Франциско требовали: «Прекратить использование американских военных материалов для убийства индонезийцев!», «Никаких американских займов для войны Голландии против Индонезии!».



Но народ Индонезии героически продолжал сопротивление. Снова захватчики вынуждены были пойти на переговоры. Местом для них был выбран... американский военный корабль «Ренвилль», который не случайно оказался у индонезийских берегов. Там, на палубе мощного военно-

го судна, колонизаторы, видимо, должны были чувствовать себя спокойнее. Соглашение 1948 года положило конец военным действиям. Надолго ли?

Нет, не надолго. Всего год прошел после этого соглашения, и вот внезапно, как грабители, интервенты напали на безоружную Джокьякарту, столицу Индонезии. Выбрав момент, когда в городе не было войск, интервенты начали высаживать на берег вооруженный десант.



Джокьякарта пала. Смотрите, как доволен этим господин Беел, глава голландской администрации в Индонезии, сменивший известного нам Ван Моока. Действительно, Индонезия оказалась в очень тяжелом положении. Экономически слабая, раздробленная на шестнадцать «государств», она потеряла своего вождя: президент Сукарно в качестве пленника был отправлен на один из маленьких островов около Суматры. «Мы наведем порядок в этой стране, мы восстановим закон!» — хвастал Беел.

Но индонезийский народ не хотел терпеть такого «порядка», не хотел подчиняться иноземному произволу. Снова, в который уж раз за эти годы, вспыхивает партизанская борьба. Бойцы сопротивления держали в своих руках джунгли. Они контролировали дороги, охраняли подступы к деревням.

Захватчики натолкнулись на непробиваемую стену народного сопротивления. Весь прогрессивный мир требовал прекращения грязной колониальной войны, требовал освобождения лидеров индонезийского народа. Грабители вынуждены были уступить. Президент Сукарно возвратился в Джакарту, встретился со своей семьей.

Колонизаторам пришлось отказаться от надежд подчинить Индонезию силой. В конце 1949 года Голландия формально признала независимость Соединенных Штатов Индонезии. Но хотя в 1950 году в Индонезии была восстановлена единая республика, при поддержке из-за рубежа активизировались различные сепаратистские элементы, банды «Дар-уль-Ислама» и другие.

Империалисты применили и другую меру — попытались задушить Индонезию экономически. В конце прошлого года крупнейшие иностранные компании в стране получили распоряжение перевести все капиталы за границу. Для обеспечения безопасности страны правительство республики взяло под контроль все иностранные предприятия. Заговор международного империализма был сорван. На этом снимке запечатлен момент, когда представители индонезийских трудящихся предъявляют администрации голландской пароходной компании «КПМ» постановление о взятии ее деятельности под контроль индонезийского правительства.

←
Голландцам, не занимавшимся полезным трудом, было предложено покинуть Индонезию и возвратиться на родину. Не очень-то уверенно чувствует себя этот представитель «высшей расы» колонизаторов.

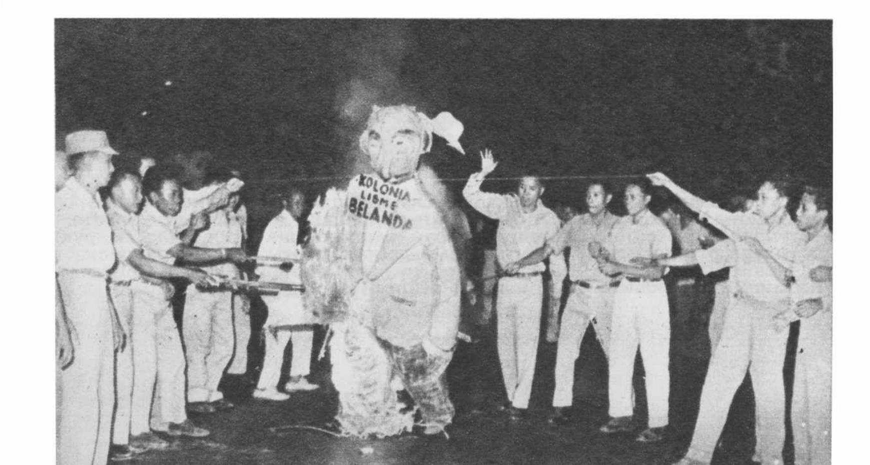
Теперь приведен в действие механизм нового заговора. При помощи США, Англии и Голландии на Центральной Суматре образовано так называемое «революционное правительство» Индонезии, которое потребовало удаления из нынешнего правительства премьер-министра Джуанды всех патриотических элементов. В качестве платы за помощь и поддержку мятежники на Суматре обещали американским нефтяным компаниям значительные привилегии в Индонезии.

Такова краткая история империалистических заговоров против индонезийского народа. Это путь крови, насилия и наживы.

Индонезия переживает сейчас трудные дни. Но во всем мире прогрессивные люди уверены, что мужественный, свободолюбивый индонезийский народ, вновь вставший на защиту своих прав, и на этот раз добьется победы. Заговор международного империализма провалится, как и все предыдущие.

Нам кажется очень символичным снимок, сделанный недавно на улице одного из индонезийских городов, где демонстранты сжигают уродливое чучело колониализма.

Генрих БОРОВИК



«Огонек».

Г. А. Чиринашвили. КОЛХОЗНИЦА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

А. К. Кутателадзе. СБОР ЧАЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Ж. К. Медзмариашвили. ПОРТРЕТ ХЕВСУРКИ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Б. В. Горгадзе. РУСТАВИ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

Фото Г. Сиротина.

Встречи в горах

Вниз идти легче, чем наверх. Этот вывод я сделал совершенно самостоятельно и готов поспорить со всеми, кто осмелится утверждать обратное. Мы совершали исполинские прыжки, но ночь спускалась быстрее нас.

Фотокорреспондент Сиротин неожиданно остановился. Я налетел на него и, чтобы не упасть, нежно обнял за плечи. Мы находились в узкой расщелине, стиснутой двумя скалами, готовыми, казалось, расплющить нас в лепешку. Крайне неприятное ощущение. То же самое, я думаю, испытывает муха, которую засушивают между страницами толстой книги. Я хотел поделиться с Сиротиным придуманным мной сравнением, но в этот момент он заявил, что мы заблудились. Помолчав, он добавил, что не уверен в этом, но у него возникло такое впечатление.

Я предложил вернуться на то место, откуда мы начали спуск. Это было, несомненно, хорошо придумано, но вся беда в том, что никто из нас не знал, как туда добраться. Мрак сгустился. Ветер, забираясь под одежду, воровал накопленное тепло.

Вы знаете, что такое ночь в горах? Я уверен, вы не знаете, что это такое! Возьмите чистый лист бумаги, нарисуйте на нем несколько скал, дерево, двух крохотных козявок, которые будут условно обозначать заблудившихся путников, затем достаньте обыкновенный флакон с тушью и вылейте тушь на бумагу. Лейте больше, не бойтесь переборщить. Если после этого вы что-нибудь увидите на вашей бумаге, значит, вы счастливее нас и ночь в горах вам не страшна.

Окончание. См. «Огонек» № 11.

Сиротин сказал, что, по-видимому, придется ждать утра. Подумав, он мрачно прибавил, что было бы неплохо разжечь костер. Еще бы! Я ничего не имел против. Еще лучше было бы поджарить на костре того самого яка, из-за которого мы лишний час проторчали на вершине. Но, поскольку ни у Сиротина, ни у меня не было спичек, эта идея зачахла на корню.

Мороз крепчал. Я подумал, что в век искусственных спутников Земли обидно замерзнуть самым первобытным образом в полукилометре от собственной машины. Но вот откуда-то сверху раздался голос. Обыкновенный, спокойный мужской голос довольно приятного тембра, не очень громкий, но и не тихий. Каждое слово было хорошо слышно.

— К сожалению, я не могу помочь вам,— отчетливо произнес мужчина.— Болезнь зашла слишком далеко.

После короткой паузы послышался умоляющий шепот женщины:

— Прошу вас, сделайте что-нибудь, я еще так молода...

Я схватил Сиротина за плечо. Он молча рванулся вперед. Мужской голос по-прежнему звучал вверху, служа ориентиром, но мы уже не прислушивались к словам. Забрезжил тусклый огонек. Мы удвоили усилия и через несколько минут очутились перед большой черной массой, оказавшейся при ближайшем рассмотрении юртой. Голос раздавался отсюда. Гавриил Павлович, пригнувшись, вошел в юрту. Я последовал за ним.

Юрта была освещена керосиновой лампой. У стены на соломенной циновке сидел молодой тувинец в ватных штанах и белой рубашке с расстегнутым воротом. Перед ним стоял низенький столик. На столике блестело складное зеркало. В пластмассовой чашечке пузырилась мыльная пена. Юноша неторопливо водил безопасной бритвой по подбородку. Увидев нас, он не особенно удивился.

— Здравствуйте. Сейчас я закончу. Вы из района?

Кроме него, в юрте никого не было. Подняв брови, Сиротин выразительно посмотрел на меня. Я пожал плечами. В этот момент снова послышался тот же самый мужской голос, который так встревожил нас несколько минут тому назад. Он бодро сообщил:

— Литературная передача закончена. В двадцать часов музыкальный антракт.

Молодой человек приподнялся, протянул руку к этажерке, на которой рядом с книжными корешками стоял ящичек радиоприемника «Турист», и повернул рычажок. Стало тихо.

— В батареях заряд кончается,— пожаловался юноша.— Приходится слушать только самое интересное. Садитесь. Чай будем пить!

Мы сели и, не поднимая глаз, выпили по стакану соленого чая. Не знаю, какие чувства при этом волновали Сиротина, а мне было просто стыдно. И не оттого, что я не узнал обыкновенного радио,— всякий может ошибиться, особенно в таких условиях. Мне было стыдно, что я поверил в рассказы о том, будто и сейчас в горах Тувы пастухи живут почти в первобытных условиях.

Хозяин юрты, пастух колхоза «Красное знамя» Оржак Талбык, рассказал нам о яках и о своей работе.

Яки — животные капризные. Они не станут есть самое лучшее сено, если им предложить это сено не на вершине горы, а чуть пониже. В остальном про них нельзя сказать ничего худого. Дают очень вкусное молоко с большим содержанием жира, прекрасную шерсть, ухода не требуют. Даже от волков защищаются сами, без посторонней помощи. Увидев хищников, нападают первыми, и тем далеко не всегда удается унести ноги.

Что касается работы, то она Талбыку нравится. Чабанами были и его отец и дед. Но, конечно, они не знали того, что известно Оржаку. Оржак окончил в колхозе зоотехнические курсы. Он сумеет в случае надобности вылечить заболевшее животное. В походной аптечке есть шприц и лекарства. Бо́льшую часть года он живет в горах вместе с помощниками и семьей. Жена и дети сейчас спят в жилой юрте. Та юрта, где мы его застали, нежилая. Это красный уголок. Тут есть библиотека, состоящая из ста книг, музыкальные инструменты, шахматы и шашки.

Талбык хорошо разбирается в колхозной экономике. Со знанием дела он рассказывает о перспективах расширения общественного производства. Из-за того, что поселок расположен на неудачном месте, посевов у колхоза недостаточно, страдает и животноводство. Нужно перенести усадьбу ниже, в долину, где есть плодородные земли. Но районные руководители который год обещают рассмотреть этот вопрос и все откладывают. Придется, видно, Оржаку вместе с председателем Чылбок-Оолом съездить весной в Кызыл, к секретарю обкома. Секретарь, сам бывший пастух, живо разберется, что к чему.

Оржак Талбык проводил нас к машине, в которой крепким сном спал шофер. Когда его разбудили, он сказал, что не находил себе места от беспокойства за нас.

Мы прощаемся. «Победа» медленно съезжает в долину. Сиротин мрачнее тучи. Он раздосадован: хороший снимок не получился. А я доволен. И не только потому, что путешествие окончилось благополучно. Я карабкался в горы, ища вчерашний день, а нашел, как и следовало ожидать, сегодняшний. Разве это плохо?

Золотое руно

Вскоре после того, как машина пересекла границу Улуг-Хемского района, на пустынном грейдере вырос силуэт прохожего. Это был молодой парень в полушубке и валенках. Его брови заиндевели, а лицо покраснело от холодного ветра.

— Не подвезете? — спросил он охрипшим голосом.— Мне бы до совхоза.

— Считайте, что вам повезло,— ответил шофер.— Мы как раз едем туда.

Вскоре показались строения совхоза «25 лет РККА». Он был создан в 1930 году на основе ТОЗ — товарищества по совместной обработке земли. Мне рассказывали, что недавно здесь произошло несчастье: крупный

ХУДОЖНИКИ ГРУЗИИ

Изобразительное искусство Грузии впитало многовековую художественную культуру народа и сохранило наиболее типичные национальные черты и традиции.

В грузинских залах Всесоюзной художественной выставки представлено множество живописных произведений, графических рисунков, скульптур. В них чувствуются и поиски новых форм, и молодой задор новаторов, и устоявшийся почерк художников старшего поколения. Все произведения отражают окружающую действительность ясно, отчетливо, реалистично.

По картинам, экспонированным на выставке, можно проследить за большой, интересной жизнью социалистической Грузии. Она видна и в полотне Бидзина Горгадзе «Рустави», где показана жизнь металлургического гиганта, и в жизнерадостных произведениях Аполлона Кутателадзе «Сбор чая» и «Сбор урожая», и в напоенной солнцем картине молодого Гурама Геловани «Молодость».

Любовь к природе, желание показать ее по-своему мы наблюдаем в пейзажах Джибсона Хундадзе, Михаила Хвития и Гурама Кутателадзе — несомненно способных молодых живописцев.

Творчество всех художников объединяет любовь к родным полям, чайным плантациям, горным селениям, а больше всего любовь к новому человеку.

Очень хорошее впечатление оставляет портретная живопись. Прежде всего хочется отметить работу Жанго Медзмариашвили «Портрет хевсурки». Привлекают внимание работы Кетеваны Магалашвили, Рено Туркия, Нелли Чиковани, Зураба Нижарадзе.

Особо хочется сказать об одном из старейших и самобытных художников Грузии — Ладо Гудиашвили, выставку которого недавно видели москвичи. Гудиашвили — отличный живописец, график, театральный декоратор, иллюстратор книг. Он известен и за пределами нашей страны. Его картины имеются в галереях и в частных собраниях Парижа и других городов Европы. Он создал очаровательные акварельные рисунки, а также иллюстрации к крупнейшим произведениям грузинской классики. В творчестве Гудиашвили видны черты национальной живописи, которую он полюбил с юношеских лет, когда исполнял копии древнегрузинских фресок. Это и легло в основу его произведений.

М. МЕРЖАНОВ

На строительстве «Тува-кобальт».

падеж скота. Прежний директор снят с работы, назначен новый — Александр Гаврилович Панков, приехавший в Туву откуда-то с Кубани.

Поселок привольно раскинулся у подножия гряды гор со снежными шапками.

На крыльцо конторы вышли два человека. Один постарше, без головного убора, с густыми черными волосами, другой помоложе, в костюме военного покроя, с усталым и, как мне показалось, недовольным лицом. Мы поздоровались. Пожилой мужчина, оказавшийся директором совхоза, сказал, что покажет хозяйство позже, когда освободится. Молодой человек — зоотехник Заркевич — нахмурился. Видимо, наш приезд был для обоих неприятной неожиданностью.

— Не дождемся мы его! — вздохнул Панков, обращаясь к Заркевичу.— Наверно, передумали в Кызыле.

В этот момент его взгляд упал на нашего случайного попутчика, выбравшегося из машины.

— А вы тоже из редакции будете?

— Нет,— ответил тот.— Я гидротехник. Работать к вам.

Он назвал фамилию. Как сразу прояснились лица директора и Заркевича! Они бросились к гидротехнику, наперебой пожимали ему руки, хлопали по плечу, любовно заглядывали в глаза.

— Наша взяла! — торжествующе воскликнул Панков.

Наверно, на моем лице ясно отпечаталось изумление, потому что директор, улыбнувшись, сказал:

— Если бы вы знали, что для нас означает приезд товарища гидротехника!..

Вечером, усталые и голодные, мы зашли в совхозную столовую. За ужином я попросил Панкова рассказать, почему для совхоза так важен приезд гидротехника. Директор переглянулся с Заркевичем и с некоторым колебанием ответил:

— Не знаю, стоит ли... Дело прошлое. А впрочем...

По его рассказу нам представились минувшие события.

...Старый чабан Балажик, казалось, не слышал того, о чем говорили на собрании. По его морщинистому лицу трудно было понять, о чем он думает. Между тем молодые чабаны ждали, что скажет Балажик.

— Вы поймите, товарищи! — охрипнув, снова повторял страдающий одышкой директор Евсюков.— Сейчас все зависит только от вас! Сами знаете, урожай был плохой, кормов запасли мало. А поголовье скота увеличилось. Если хотим сохранить овец, надо немедленно выгонять отары в горы. Конечно, мороз нешуточный, вам будет нелегко, но мы все должны собраться с силами, товарищи! Надо спасать овец!

Чабаны молчали, переглядывались.

— Ну что же ты, Балажик? — тревожно шепнул сидящий рядом ветеринарный врач Вохрин.

Старик встал, медленно пригладил редкие, но еще черные, без седины волосы. Все притихли. Евсюков смотрит с надеждой, ждет, что Тюлюш Дамдыкаевич первый согласится отправиться с отарой в горы, подав пример другим. А разве не он накричал на Балажика в прошлом году: «Ты, старик, ничего не понимаешь в науке!»? Но получилось все так, как предсказывал опытный чабан: кормов не хватило. Приходится выводить овец из теплых кошар на обледеневшие горные склоны.

А почему не хватило кормов?

Всем известна старая истина: тот, кто хочет развивать животноводство, должен сначала позаботиться о земледелии.

В совхозе с давних времен сеяли пшеницу, просо, ячмень. По сухой степи еще в 1930 году были проложены арыки, снабжавшие водой посевы. Пока овец было мало, кормов хватало. Но поголовье скота с каждым годом увеличивалось, а кормовая база оставалась прежней. Для того, чтобы расширить посевы, необходимо было расширить поливную систему, выстроить плотину. На эту работу требовались деньги. Но денег совхозу не давали. В Кызыле были люди, считавшие, что поливное земледелие пора забросить: засыпать арыки и перейти на травопольную систему.

В 1954 году все лето лили обильные дожди. Это было особенное лето. Такие в этом краю выдаются один раз в пятьдесят лет. И урожай в совхозе собрали невиданный. Пшеницей и ячменем были завалены все амбары. А осенью совхозу было окончательно отказано в средствах на строительство плотины. Работники треста рассудили, что поскольку урожай и без поливки прекрасный, незачем зря тратить деньги. Можно поливную систему в совхозе списать за ненадобностью.

Тогда-то и пришел к директору чабан Балажик.

— Что же это делается? — спросил он.— Через год ведь плакать будем. Поезжай в Кызыл, Евсюков! Тебе говорю: поезжай! Пусть отменят свое решение, пока не поздно.

Но не послушал Евсюков чабана. Не послушал он и коммунистов совхоза, советовавших опротестовать неправильное решение треста.

И вот результат. В следующем году урожай был плохим, потому что поля остались без воды. А овец за это время стало чуть ли не вдвое больше. Еще снег не выпал, как запасы кормов кончились. Настал декабрь с пятидесятиградусными морозами, гололедицей, буранами. Не решится хороший чабан выгнать овец в горы в такую погоду. Но ведь иного выхода нет!

...Вместо того, чтобы бросить директору справедливый упрек, старый Тюлюш Балажик коротко сказал:

— Надо спасать овечек!

На рассвете распахнулись ворота семи кошар. Тысячи овец потянулись в горы, каждая отара на свой участок. Еще вчера пастбища были строго распределены между чабанами.

Над землей стелился холодный белый туман. Под копытами животных звонко похрустывал снег. Балажик вел под уздцы тяжело нагруженную лошадь. На нее была навьючена юрта. Другие лошади везли домашний скарб, кошмы для спанья, железные печки. Два помощника Тюлюша Дамдыкаевича помогали коням взбираться на крутые склоны. Обычно чабаны кочевали в горах вместе с семьями, но в этот раз Балажик велел старухе остаться в поселке. Земля была скована таким крепким морозом, что он побоялся подвергать риску жену.

На другой день овцы достигли пастбища и с жадностью принялись разрывать снег в поисках травы. Балажик следил, чтобы животные шли широким фронтом, не вытаптывали корм, расположились кольцом вокруг горы. В полдень туман рассеялся. Старый чабан хмурился. Он заметил, что овцы разбивают копытами ледяную корку и натирают на ногах кровавые мозоли. Так они отстанут от стада. Стоит лишь один день плохо попасти овец — назавтра отару не узнать! Перевязывать раны нельзя: овцы могут отморозить ноги. Рекомендуется смазывать мозоли специальной эмульсией. Однако эмульсия от мороза загустела...

Старик разжег костер, разогрел эмульсию и принялся за лечение. Он на руках носил овец к костру и смазывал им раны. В этой тяжелой работе прошли день и вся ночь. От усталости Балажик и его помощники еле держались на ногах. Но отдыхать было некогда. Томимые жаждой, овцы поедали снег. Вода из снега получается невкусная, пресная. Нужно давать животным соль. Чабаны достали из мешков привезенную с собой каменную соль и разбросали вокруг костра. Овцы жадно облизывали грязно-белые комки.

Потянулись дни, заполненные тяжелым трудом. На рассвете Балажик объезжал горы, выбирая пастбища. Он предпочитал крутые склоны и вершины, так как в этих местах ветер сдувал лишний снег и обнажал траву. Кроме того, на вершинах осенью не скоплялась влага, трава не подгнила, а сразу замерзла, как бы законсервировалась, не утеряв вкусовых качеств.

В январе и феврале стояли суровые морозы, доходившие до пятидесяти пяти градусов. Отара Балажика не потеряла ни одного животного. Старик уже начал надеяться, что скот благополучно перезимует, но беда была недалеко... Настал март. Подули теплые южные ветры, снег под горячим солнцем быстро потемнел. Потекли ручейки. При первой же оттепели вся трава полегла и быстро загнила. А через несколько дней ударили заморозки. Склоны оделись в ледяной панцирь. Животные были не в силах его разбить, да и трава уже испортилась. Овцы остались без еды. Через день—два должен был начаться массовый падеж.

Осунувшийся и похудевший Балажик всю ночь сидел возле юрты с потухшей трубкой в зубах. В прежние времена, пытаясь спасти животных от джута, араты забирали наиболее слабых овец в юрты, кормили их тем, что ели сами. Но это имело смысл тогда, когда овец было немного. А куда денешь девять тысяч совхозных овец? Где взять столько юрт? Да и кто согласится жить вместе с животными?

Балажик крикнул помощникам:

— К соседям, однако, заглянуть надо!

Он объехал все пастбища, повидался с чабанами. Те одобрили его замысел. Затем старик поскакал в совхоз. Поздно ночью он постучал к директору. Разговор с Евсюковым был короткий. Растерянный и испуганный директор, давно понявший, что совершил непоправимую ошибку, без возражений согласился с чабаном. И Балажик, не дожидаясь утра, отправился по домам работников совхоза. Его выслушивали молча и отвечали:

— Конечно, Балажик! Рассчитывай на нас!

Много можно рассказать о том, как ухаживали за животными трактористы, строители, учителя, как ухитрялись доставать сено и пшеницу, отрывая корм от собственных коров и свиней. Конечно, не всех овец удалось отстоять. Но основная масса была сохранена. Настоящий подвиг совершили чабаны и рядовые работники совхоза...

— Теперь вы понимаете, что означает для нас приезд гидротехника? — закончил Панков.— Это значит, что весной мы начинаем строить новую плотину, рыть арыки, расширять посевы.

Старая чинара

Симон **ЧИКОВАНИ**

Как же так, чинара! Почему
Постарела ты, скажи на милость!
Словно в сердце что-то надломилось,
Словно свет убавился в дому.

Тень твоя состарилась заметно,
Обветшал наряд.
Раньше листья грохотали медно,
А теперь, как жесть, они бренчат.

Есть закон, придуманный не мною:
Годы клонят долу все земное,
Отцветает буйная весна,
И мелькают пестро дни за днями,
Но твоими властными корнями
Молодость моя оплетена.

Перевел с грузинского
А. МЕЖИРОВ.

Зоотехнику Григорию Заркевичу тридцать лет. Отец этого смуглого, похожего на цыгана молодого человека всю жизнь проработал директором научной зоотехнической станции в Саратовской области. С детства Григорий мечтал стать ученым-животноводом. Работа для Заркевича никогда не была буднями. В его окне свет частенько горит до рассвета. Обложившись журналами, учеными трудами, он ведет зоотехнические дневники, разрабатывает наиболее рациональный способ выведения новой, высокопродуктивной породы овец, приспособленной к специфическим условиям Тувы.

Я разговариваю с Заркевичем, и меня не покидает ощущение, что я уже знаком с ним. Эта мысль преследует меня всю дорогу. И лишь вечером, когда Барун-Хемчикский район остался позади, я понял, что не ошибся.

...Это было в Тодже. Может быть, у тамошних учительниц Саши Врублевской и Вали Прокофьевой иные характеры, но у всех этих людей одинаково горячие сердца и руки, жадные к работе. Во время поездки по области мне больше всего, пожалуй, запомнились вот такие страстные люди, готовые перенести любые трудности во имя своей большой мечты.

Тува-кобальт

Перед тем, как ехать в Огневку, мы решили побывать на золотом прииске. Шофер с сомнением покачал головой, но свернул на проселок. При этом у него было такое выражение лица, словно он не чаял увидеть родных и близких. До сих пор мы разъезжали по Туве в приятной уверенности, что путешествуем по очень глухим местам. Какое заблуждение! Лишь очутившись в Байтайгинской чаще, мы поняли, что такое настоящая глушь.

Корни деревьев выползали из-под снега, как огромные змеи, задавшиеся целью ухватить «Победу» за колеса. Напрасно наша машина совершала чудеса акробатики, протискиваясь между замшелыми скалами и героически ныряя в крутые овраги. В конце концов она все же угодила в таежный ручей и увязла всеми четырьмя колесами. Мы вытащили ее на руках и поехали обратно, так как шофер заявил, что с него достаточно и что если мы любим острые ощущения, то должны подыскать для себя другую компанию. Повернули на Огневку.

Мы были так раздосадованы, что даже рассказ нашего спутника, участкового геолога Анатолия Николаевича Петрова, не сразу рассеял наше мрачное настроение. Это была типичная золотоискательская история. Впрочем, Петров клянется и божится, что не выдумал ни одного слова. Вот она.

Старатель Иван Тропин жил недалеко от Минусинска. Хозяйством он не занимался, круглый год бродил по тайге с ружьишком да с деревянным лотком. Май в Восточных Саянах — месяц цветов. Шел однажды Тропин по тайге и любовался разноцветными коврами, наброшенными щедрой рукой природы на крутые склоны гор. Привал сделал у озера. Хотел котелком зачерпнуть воду из ручья и отшатнулся. Дно было, словно крупной солью, посыпано золотым песком.

Целую неделю гнался Тропин за жилой, сжигаемый азартом и нетерпением. Как-то раз поднял он золотой самородок весом килограммов в пять, похожий на лошадиную голову. Даже не удивился Тропин: когда человеку идет фарт, все может случиться, в том числе и чудо! Ручей спрятался в ущелье. Перекрестившись, нырнул Тропин в синюю тень. И открылась перед ним пещера, полная сокровищ. В скале отчетливо змеился дразнящий след золотой жилы. Иван принялся кайлом отбивать кусок породы, но не рассчитал. Камень обвалился, защемив левую руку.

Очнувшись, старатель дотянулся до ножа, помедлил. Иного выхода не было! Он отрубил руку возле локтя, отдышался и побрел прочь. По траве за ним тянулся кровавый след. Погиб бы Тропин, но повстречался ему охотник-тувинец. Он отвез раненого домой. Золотой самородок пришлось подарить тувинцу, но Тропин не горевал. Он считал себя миллионером.

Поправившись, Тропин рассказал знакомому купцу о находке и предложил разделить барыш пополам. Купец не поверил однорукому старателю. Много раз тщетно пытался Иван заинтересовать своим открытием денежных людей. А сам уже не мог идти в тайгу. А потом началась война, потом революция... Так и помер Тропин в нищете, не увидев заветной пещеры!

Это не сказка, не легенда. Самородок, отданный Тропиным охотнику, обойдя множество рук, попал к советским геологам. Уже начались поиски загадочной пещеры. Найдено и нанесено на карту горное озеро, названное «Чашей Тропина». Но золотая жила пока прячется. Пусть! Геологи — люди упрямые, найдут.

— Да, тайга не мать родная! — пробормотал Сиротин.

В это время машина взлетела на пригорок, и нашим глазам открылось море огней. Вместо безмолвия зимней ночи — могучий гул большого города, вместо мрака глухой тайги — сияние электричества. Мы молчали, ошеломленные.

— Тува-кобальт! — торжественно сказал геолог. — Его продукцию с нетерпением ждут сталевары, медики, зоотехники. Кстати, кобальт здесь был открыт так же случайно, как тропинская пещера. Только судьба этой находки другая.

Несколько лет тому назад отряд геологов, занимаясь съемкой, забрел в Хавы-Аксинскую тайгу, к подножию Танну-Ола. Начальник Унксов и его помощник Бобров зашли в гости к Огневу, чья заимка стояла в тайге уже много лет. Странный был мужик этот Огнев. Людей сторонился, жил бобылем. Был великим знатоком тайги. В геологии, конечно, не разбирался, но на всякий случай собирал разные любопытные камушки. На этот раз Огнев был не один. За столом сидел пожилой тувинец, оказавшийся председателем сумонного Совета Хойтпак-Оолом.

— Прослышали мы про твою коллекцию, Савелий Филиппович, — сказал Унксов. — Похвастайся, будь другом!

Огнев повел геологов в амбар и вытащил мешок с образцами.

— Где ты нашел вот это? — спросил Унксов, вертя перед глазами кусок зеленоватой породы.

— Возле ручья, недалеко...

— На горе Баш-Таг много таких камней есть! — прибавил Хойтпак-Оол.

Вчетвером отправились на гору Баш-Таг, в густом подлеске наткнулись на длинный карьер в виде щели. По бокам высились кучи выбранной породы. Спрыгнув на дно, Бобров поднял каменное кайло.

— Ты понимаешь, что это такое? — воскликнул Унксов. — Древние выработки медной руды. Этому кайлу две тысячи лет, не меньше!

На другой день на карьер поднялись остальные участники экспедиции. Предметы древнего быта и производства попадались на каждом шагу. Больше всего повезло геологу Богомолу. Он наткнулся на скелет человека. Рядом валялись медные серьги, браслеты и кривой бронзовый нож. Через год, поехав в Ленинград в отпуск, Богомол отвез драгоценные находки в Эрмитаж. Там они хранятся и сейчас.

Но вы спросите, почему мы превратились в археологов? Дело в том, что нас, конечно, интересовали не столько древние кости, сколько куски породы, в которых поблескивали кристаллы. Это был кобальт!

Вы знаете, что такое «кобальт» в буквальном переводе на русский язык? «Злой дух»! В восемнадцатом веке в Швеции на медном руднике металл плохо выходил из печи, несмотря на богатое содержание его в породе. Химики предположили, что выделению мешает какая-то примесь, и называли ее «кобольдом», то есть «злым духом»!..

Но я отвлекся. Закончив разведку, мы вернулись в Кызыл. О находке сообщили в Москву. Были отпущены средства. Ровно через год к подножию Танну-Ола пришла армия строителей. В долине стало тесно от экскаваторов, бульдозеров, подъемных кранов и бурильных машин. Одновременно приступили к строительству комбината «Тува-кобальт» и рабочего поселка городского типа. Этот поселок решили назвать «Огневкой» в честь пионера Хавы-Аксинской тайги.

Привстав, Петров сказал:

— Приехали!

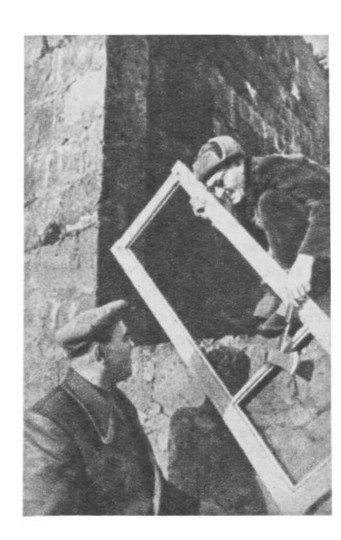
Было поздно. Знакомство со строительством пришлось отложить до утра. Я долго не мог уснуть, вспоминая о неудачнике Тропине и о чудесной находке советских геологов. Да, верно говорят о тайге: кому она мать, а кому и мачеха! Жил бы Тропин в наше время — не пропала бы сказочная пещера!..

В сердце Тувы, в глухой тайге, растет социалистический город. Цифры часто кажутся неинтересными; статистиков принято считать людьми, лишенными романтики. Но когда я вспоминаю о том, что мне рассказывали в Кызыле о школах, выстроенных в горах, о колхозах-миллионерах, родившихся на месте нищих аалов, о росте благосостояния тувинских аратов и называли цифры, я видел за ними людей, которые только при Советской власти узнали, что такое счастье.

...Машина поднимается на холм. Огневка исчезает, вокруг снова тайга, а за нею голубеют далекие вершины. Теперь меня не обманет глушь и заброшенность этой чащи. Я вижу романтику не в медвежьей черной пещере и не в тонкой цепочке соболиных следов на снегу, а в могучей стреле подъемного крана, внезапно появившегося из-за горы, в добротном доме, выросшем посреди угрюмой пустыни. Прекрасны фиолетовые вершины Тувы, великолепны янтарные закаты, до боли трогает сердце нежной и грозной красотой неистовый Улуг-Хем, но ничто не сравнится с величием человека, подчиняющего своей воле этот суровый край!

Маленький тувинец.

СТРОЯТ МАХАРАДЗЕВЦЫ



На стройке школы. Плотник Гавриил Квачадзе и председатель Гиви Цитлидзе.

Фото В. Джейранова.

В зимнюю непогоду, когда в колхозные конторы набивается чуть ли не полсела, когда все вокруг спорят, шумят и только счетовод с невозмутимым видом стучит костяшками счетов, в эту именно пору и затевается горячий разговор: что будем строить на селе и как строить?

Как и во многих других местах, толкуют о строительстве и чаеводы Махарадзевского района Грузии. За последние годы здесь появилось 90 новых капитальных хозяйственных строений, более двух сотен силосных башен, десятки складов. Но жизнь требует гораздо большего: и школ, и клубов, и жилых домов.

И махарадзевцы решили: будем строить всем районом, организованно, рассчитав на три года вперед. В «общий котел» сложили отчисления из неделимых фондов колхозов, личные доходы колхозников, пожелавших строить себе новые дома, фонды совхозов и предприятий, бюджет исполкома. И собралась изрядная сумма — 183 миллиона рублей.

Тут же выяснилось, что в Макванети следует проложить дорогу на Гомскую гору, богатую строительным лесом. До сих пор об этом лишь мечтали, потому что дорога стоит 9 миллионов рублей. А теперь все колхозы будут строить ее сообща: лес нужен каждому. Также и с месторождением строительного камня в селе Шемокмеди, добывать который было не под силу одному селу, и с известковым производством в Дзимити.

При райсовете создали комиссию по культурно-бытовому строительству, которая сосредоточила в одних руках все производство местных стройматериалов.

Три года, конечно, срок немалый, но и строить-то сколько надо: 21 школу, 34 дома культуры и клуба, 22 бани, 651 жилой дом для колхозников, 132 дома для рабочих совхозов, 8 больниц, 72 детских сада, 9 приморских колхозных домов отдыха, 19 водопроводов, 110 мелких мостов, около 30 километров асфальтированных дорог; провести повсюду электричество, радио, телефоны... Для того, чтобы все это выполнить, нужно организовать новые кирпичные и известковые производства, открыть каменные карьеры, лесопилки, подготовить кадры специалистов.

Большое дело начинается в Махарадзе!

М. ИЕВА

НА ВОЗДУШНЫХ ДОРОГАХ ТРЕХ СТОЛИЦ

Много воздушных авиационных линий идет от каждой из этих столиц — Москвы, Лондона и Дели,— но никогда еще не было регулярных авиационных путей, соединяющих их прямым сообщением. Пока вы еще не найдете их ни в одном авиационном справочнике. Но штурманы уже прокладывают маршруты этих линий, аэродромные специалисты готовят техническое оборудование для приема машин, выделяются самолеты и комплектуются экипажи, которым придется летать на новых воздушных дорогах. Что же это за маршруты?

...Москва — Дели. До сих пор между двумя столицами существовал длинный воздушный путь через Европу, который занимал 34 часа полета. Но достаточно посмотреть на карту, и станет ясно, что между Москвой и Дели через Гималаи проходит самая короткая дорога. Именно о возможности открытия этой линии вели переговоры в середине февраля представители Аэрофлота СССР и авиационной индийской компании «Эйр — Индиа Интернэйшнл». Индийскую делегацию возглавлял вице-президент компании господин Патель. Он заявил:

— Предполагается, что с советской стороны на линии будет летать самолет «ТУ-104». Он вылетит из Москвы, приземлится в Ташкенте, «перепрыгнет» Гималаи и сядет в Дели. Весь путь займет 7 часов. Индийскому самолету «Супер-Констелейшн», чтобы попасть в Ташкент, придется облететь Гималаи кругом, но и его путь до Москвы займет всего 12 часов. Мы обсуждали с Аэрофлотом технические и коммерческие аспекты открытия линии. В ближайшее время правительственные делегации наших стран встретятся для подписания государственного соглашения.

...Москва — Лондон. Не успела индийская авиационная делегация покинуть Москву, как прибыла авиационная делегация Великобритании, представляющая известную английскую компанию «Бритиш Юропиен Эйрвейс Корпорейшн». Ее руководитель, президент авиакомпании, маршал авиации Великобритании лорд Дуглас оф Кертлсайд по приезде в Москву сказал:

— Вот уже три года, как я мечтаю об установлении прямого воздушного сообщения между Москвой и Лондоном. После того, как

Лорд Дуглас и заместитель начальника ГВФ генерал-лейтенант авиации Н. Захаров в самолете «ИЛ-18».

Фото О. Цесарского.

в прошлом году Англию посетил главный маршал авиации Жигарев, стало ясно, что мои планы близки к осуществлению. И вот я здесь, чтобы окончательно договориться об открытии авиалинии.

В Москве лорд Дуглас и главный маршал авиации П. Ф. Жигарев подписали соглашение о взаимном предоставлении услуг. Оно является развитием правительственного соглашения о прямом воздушном сообщении между Москвой и Лондоном, подписанного в прошлом году в столице Англии.

Полеты по прямому маршруту значительно сэкономят время для пассажиров и будут проходить в более комфортабельных условиях, чем прежде. Так, например, для «ТУ-104», чтобы долететь до Лондона, нужно около 4 часов, для английского турбовинтового «Вайкаунта» — около 6 часов.

Обе линии откроются летом этого года.

С. ЩЕРБАТОВ

Станция Советская

Эти строки пишутся в далекой Антарктиде, где продолжает нести трудную вахту отряд советских людей. Здесь недавно вступила в строй еще одна станция — Советская. Как известно, туда был совершен тяжелый переход санно-тракторного поезда.

После многодневного пути внутриконтинентальный поезд прошел от Мирного 1 420 километров и наконец достиг намеченной точки.

В течение шести суток 27 человек при морозе, доходившем до 59 градусов, работали не покладая рук — строили южно-полярную научно - исследовательскую станцию Советская.

В общем блоке разместились электростанция, радио- и метеостанции, жилое помещение, камбуз и склад. Одновременно создавались аэродром и метеорологическая площадка, аэрологический павильон, поднимались стальные радиомачты. И вот 16 февраля в точке с координатами 78 градусов 24 минуты южной широты, 87 градусов 35 минут восточной долготы, на высоте 3 720 метров над уровнем моря в торжественной обстановке был поднят флаг СССР.

Станция Советская, расположенная в районе полюса относительной недоступности Антарктиды, начала регулярную научную работу по программе Международного геофизического года.

Вокруг станции простирается безжизненное снежное плато. Над его просторами дуют жгучие морозные ветры. В этот «теплый» для нас период года температура здесь колебалась в пределах 32—59 градусов мороза.

Какова же тут зима? По теоретическим расчетам зарубежных ученых, в зимний период южно-полярной ночи в этих районах можно ожидать 80 градусов мороза и даже более.

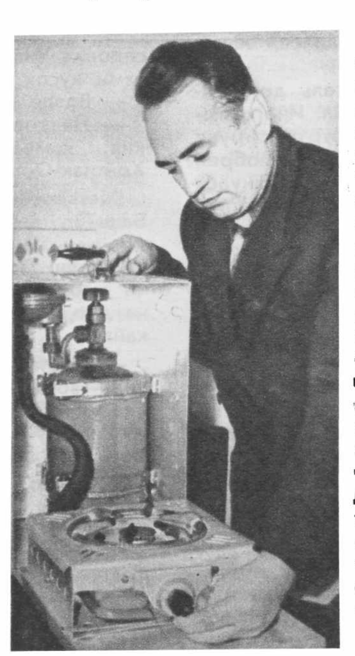
Для зимовщиков созданы максимально благоприятные условия. Помещение станции теплое, уютное. Есть художественная, научно-техническая литература, кинопередвижка с 20 кинокартинами, магнитофон. Регулярно слушаем радиопередачи из Москвы.

Коллектив хорошо акклиматизировался в условиях высокогорья и низких температур и энергично готовится к предстоящей суровой зиме.

В. БАБАРЫКИН,
начальник станции
Советская в Антарктиде.

Передано по радио.

Эту кухню можно брать в дорогу



Краснодарский штамповальный завод Крайместпрома изготовил первые образцы походной, портативной газовой кухни «Турист», которая может поместиться в чемодане. Вес кухни —12 килограммов (с газовым баллоном на 5,5 литра). Это хороший подарок для туристов, рыболовов: запаса газа достаточно на 72 часа беспрерывного горения. Практически это означает, что кухня будет действовать примерно полмесяца. А если учесть, что в комплект кухни входит два баллона, то, значит, пользоваться газом можно в течение месяца. В текущем году будет выпущено свыше тысячи походных кухонь «Турист». **На снимке:** начальник цеха Е. Мержанов осматривает газовую кухню «Турист».

Фото В. Хломова.

Новые салонные пианино

Таллинская фабрика роялей начала выпускать новые салонные пианино конструкции главного инженера этой фабрики Эрнста Андреевича Хийса. Новые пианино выше своих предшественников на 12 сантиметров и имеют семь с четвертью октав.

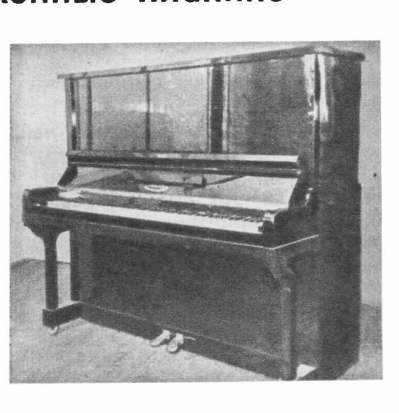


Фото С. Розенфельда.

Редкий портрет Гастелло

Владимирский Дом офицеров подготовил фотогалерею Героев Советского Союза — уроженцев и жителей Владимирской области. Таких оказалось более ста пятидесяти человек. Среди них — легендарный капитан Николай Гастелло.

Муромский горвоенкомат прислал в Дом офицеров портрет Гастелло-юноши.

До войны он работал железнодорожным мастером в Муроме. После окончания школы военных летчиков служил в бомбардировочной авиации, участвовал в боях на Халхин-Голе и в войне с белофиннами.

26 июня 1941 года капитан Николай Гастелло совершил подвиг, слава о котором разнеслась по всему свету: бесстрашный летчик направил охваченный пламенем самолет на скопление вражеских танков и автомашин, которые взорвались вместе с самолетом героя. Гастелло погиб, когда ему было 34 года.

Л. ЛЕМСКИЙ

«Иван Иванович»

Курсанты 3-й роты военного училища имени Верховного Совета РСФСР собрались в ленинской комнате, ожидая гостя. К будущим офицерам должен приехать старый коммунист, окончивший училище еще в 1920 году. Но кто он, этот ветеран, курсанты не знали. Было известно лишь, что гостя зовут Иван Иванович и что в гражданскую войну он был командиром пулеметного взвода. Естественно, что все думали встретить кадрового военного офицера, может быть, генерала. Но каково же было их удивление, когда в ленинскую комнату неторопливо вошла пожилая женщина невысокого роста!

— А говорили, что Иван Иванович приедет! — удивленно произнес кто-то.

Гостья услышала и, улыбнувшись, сказала:

— Я и есть «Иван Иванович». Так в 1920 году меня звали в училище.

...Это было в 1918 году. Белые подступали к советскому Баку. Елизавета Барская и ее брат, 16-летний Леня, одними из первых пришли в боевую дружину, организованную для защиты города. В одном из боев брат геройски погиб.

Дружинники под натиском превосходящих сил врага были вынуждены оставить город и с боями пробиваться в красную Астрахань. Отсюда Елизавету послали на учебу в Москву. Но учиться не пришлось. Деникин рвался к Орлу, над столицей республики нависла угроза. Тысячи московских коммунистов-рабочих по зову партии отправились на фронт. Особый отряд сформировал и возглавил известный революционер Камо. В составе отряда была и коммунистка Елизавета Барская. В одном из боев Камо, разгромив крупную белогвардейскую часть, взял пленных. Офицеров предстояло отправить в Москву. Конвоирами были назначены Барская и еще несколько бойцов-коммунистов. Прощаясь с Лизой, товарищ Камо спросил ее:

— Хотите учиться и быть красным командиром?

— Конечно! — ответила девушка.

— Хорошо. Сдадите в Москве пленных и поступите в распоряжение начальника школы имени ВЦИК.

Так Елизавета Барская стала кремлевским курсантом. Но, поступая в школу, она опасалась, что к ней, как к девушке, будут относиться с обидным снисхождением, и поэтому решила выдавать себя за парня по имени Иван Иванович. О том, что курсант «Иван Иванович» — девушка, знали немногие: начальник и комиссар школы, командир третьей роты.

Барская ходила в обычной мужской курсантской форме, а про себя говорила в мужском роде: «Я прибыл, я стрелял»...

«Иван Иванович» — Е. Я. Барская. 1920 год.

Но хитрость вскоре была разгадана.

Однажды курсанта «Ивана Ивановича» назначили часовым на пост № 27 в Кремле, у квартиры В. И. Ленина. Был уже поздний час, когда Владимир Ильич возвратился с работы. Он подошел к дверям квартиры, поздоровался с часовым и, как обычно, стал расспрашивать о службе. Часовой рассказал Ленину, что недавно получил письмо от друзей.

— А ответ вы написали?

— Нет, еще не написала,— ответила Барская и тут же спохватилась, надеясь, что Ленин не заметит ее оплошности... Но Владимир Ильич, всегда внимательный к собеседнику, конечно, разгадал маленькую тайну часового и, чуть прищурив глаза, с некоторым удивлением спросил:

— Так вы, оказывается, девушка?

Барской оставалось лишь сознаться во всем.

— Вы присядьте. Наверное, устали,— предложил Ленин.

— Боец Красной Армии не должен уставать,— ответил часовой.

«Иван Иванович», окончил в 1920 году военную школу. Барская была произведена в красные командиры. Спустя несколько месяцев она командовала комсомольским отрядом, который действовал против Врангеля.

После гражданской войны Елизавета Яковлевна Барская вернулась в Москву, работала в государственном аппарате, затем преподавала основы марксизма-ленинизма. Сейчас она персональный пенсионер.

М. ПЕВЗНЕР,
Э. РОЗОВСКИЙ

Близнецы Чжи-моу и Ци-мэн

На снимке — китайские мальчики-близнецы Чжи-моу и Ци-мэн, по фамилии Ван. Им скоро исполнится два года. Только недавно они научились ходить и говорить. Однако малыши уже завоевали большую популярность не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. В Военно-Морском Флоте нашей страны многие знают имена этих близнецов. В Н-ское подразделение Тихоокеанского флота часто приходят письма от «подшефных» близнецов, за которых пока пишут родители. В ответ с кораблей уходят дружеские письма и посылки с подарками малышам.

Чем же так знамениты близнецы?

Чжи-моу и Ци-мэн родились в Шанхае 20 июня 1956 года, в тот день, когда сюда с визитом дружбы вошли советские корабли — крейсер «Дмитрий Пожарский» и эскадренные миноносцы «Вдумчивый» и «Вразумительный». Родители — Ван Цзянь-го и Ся Гуй-лань — решили назвать близнецов именами советских кораблей: Чжи-моу («Вдумчивый») и Ци-мэн («Вразумительный»). Весть об этом быстро разнеслась по городу. Дошла она и до советских моряков. Поздравив родителей, моряки преподнесли близнецам подарки: две морские фуражки, матросские костюмчики, детскую коляску, игрушки...

С тех пор между посетившими Шанхай экипажами советских кораблей и семьей Ван Цзянь-го завязалась крепкая дружба. В одном из своих писем Ван Цзянь-го, рассказывая о детях, пишет морякам: «Я все время помню ваши добрые пожелания моим детям и высказанную вами надежду об их счастливом будущем. Теперь они уже подросли, пополнели и стали еще более милыми... Я положил ваши подарки — две морские фуражки — в один футляр, ожидая того дня, когда мои сыновья вырастут и станут настоящими моряками. Я и моя жена сделаем все для воспитания наших детей, чтобы они всегда помнили вашу дружбу и заботу о них и, беря с вас пример, стали доблестными бойцами за мир».

Полковник Я. КАДУЛИН

Санаторий восьми колхозов

В центре курортного района города Пятигорска, на тихой Лермонтовской улице, выросло красивое трехэтажное здание. Это новая пятигорская здравница — санаторий восьми колхозов, Егорлыкского района, Ростовской области. Он построен для колхозников на средства артелей. Здесь будут лечиться одновременно восемьдесят, а в летнее время — сто человек.

На снимке: здание нового межколхозного санатория в Пятигорске.

Л. ИВАНОВ
Фото автора.

Здесь лечат голос певца

Болгарка Татьяна Коларова, студентка Московской консерватории, на приеме у В. И. Петрова.

Фото Ф. Коротчевича.

Когда одна из лучших певиц Болгарии, народная артистка, лауреат Димитровской премии Райна Михайлова, потеряла голос, лечиться она приехала в Москву.

И вот Райна Михайлова в фониатрическом отделении (фониатрия — наука о лечении голоса певца) лаборатории экспериментальной фонетики при Московской консерватории имени П. И. Чайковского.

Бессменный руководитель лаборатории кандидат медицинских наук Вячеслав Иванович Петров, имеющий наряду с медицинским и музыкальное образование, прежде всего тщательно выяснил причины потери певицей голоса, которые в основном были связаны с чрезмерной профессиональной нагрузкой.

В результате систематических специальных занятий у певицы был восстановлен голос и так называемая певческая трудоспособность. Вскоре она вернулась на сцену Софийской оперы и стала вновь исполнять самые ответственные партии. В письме в лабораторию артистка пишет: «Я уже пою, и голос мой звучит лучше, чем прежде... Благодаря вам я воскресла на сцене».

За 29-летнее существование лаборатории ее посетило более 13 тысяч певцов. Здесь ведется также повседневное наблюдение за студентами вокального факультета Московской консерватории.

Кроме того, врачи лаборатории читают студентам лекции по анатомии, физиологии и фониатрии.

Большой интерес деятельность лаборатории вызывает в зарубежных странах.

Е. ОСИПОВ

Дружба продолжается...

Перед нами красивые цветные открытки с видами Милана, Мессины, Рима. И это не просто открытки, а своеобразные музыкальные пластинки: положишь эти яркие прямоугольники на патефонный диск и услышишь звонкие итальянские песни.

Вот уже полгода посылает «музыкальные приветы» в Москву Джанни Ланин, двадцатишестилетний парень из Милана. Он был в советской столице во время VI всемирного фестиваля, познакомился с москвичкой Татьяной Коваленко и теперь регулярно шлет ей короткие весточки. Он пишет, что учится — хочет стать врачом — и одновременно работает. Об их переписке было рассказано в «Огоньке» № 1 за текущий год. Новогодний номер журнала попался на глаза Джанни, о чем он не замедлил сообщить своей московской знакомой на очередной музыкальной открытке с видом римского Колизея. На этот раз Джанни написал уже по-русски: «Дорогая подруга, я прочел о твоем приветствии в журнале «Огонек» и очень тебя благодарю».

А на второй карточке, где запечатлена улица Гарибальди в Мессине, короткая, тоже по-русски, фраза: «Это мой родной город. Но живу в Милане уже двенадцать лет».

Так продолжается фестивальная дружба, одна из многих, рожденных в памятные августовские дни.

В. ВАСИЛЬЕВ

Джанни Ланин.

Сделано из опилок

Армавирская колодочная фабрика выпускает в год до 550 тысяч пар колодок и свыше 10 миллионов каблуков для обувной промышленности. Отходы производства — опилки и стружки — составляют здесь 70 тысяч кубометров.

Нельзя ли использовать их для производства прессованных плит, которые могут идти на комнатные перегородки, потолки, полы и другие нужды строительства?

И вот на фабрике установили мощный тысячетонный пресс. В феврале получили первые образцы плит. Они достаточно прочны и хороши в обработке.

И. ЗАЙЦЕВ

Есть первая плита!
Фото автора.

Брат и сестра

Андро ЛОМИДЗЕ

Рисунок И. ГРИНШТЕЙНА.

Жаркий полдень. На ступеньках деревянного, крытого черепицей домика, в тени старой яблони, обвитой плющом, сидит смуглый мальчуган.

Тут же, под гранатовым деревом, растянулась рыжая дворняжка Бандура. Она прикрыла глаза, будто спит, а на самом деле зорко следит за взобравшейся на гранат серой белогрудой кошкой. Кошка поглядывает сверху на своего бодрствующего врага и спускаться с дерева не собирается. Иногда с ветки, шелестя, слетает высохший, будто покрытый ржавчиной лист. Бандура моментально бросает взгляд на кошку и опять зажмуривает глаза.

В просторном, затененном фруктовыми деревьями дворе тихо. Замолкли куры и индейки, спрятались в тени изгороди. Только один индюк мучается от жары. Туловище его в тени, а голова с раскрытым от зноя клювом мотается из стороны в сторону под палящими лучами солнца.

Время от времени просвистит птица.

Листья винограда уже стали бронзовыми, и черные, налитые гроздья свисают чуть ли не до самой земли.

На тополях, выстроившихся вдоль изгороди из трифолиаты, блестят под солнечными лучами, словно осколки стекла, оставшиеся кое-где листья.

Над деревней, раскинутой у лесной опушки, высоко парит орел.

Мальчик остановил свой взгляд на японской хурме. Поглядел на ее плоды, местами желтые, местами красные, как кровь, и, грустно улыбнувшись, воскликнул на своем языке:

— Мама!..

Дарико, бывшая в доме, услышала возглас мальчика, вышла и спросила:

— Ты меня звал?

Мальчуган несколько минут смотрел в большие темные глаза Дарико и внезапно, впервые, всем своим существом ощутил, что любит эту заботливую красивую женщину. Он вскочил и повис у нее на шее.

Дарико целовала его, приговаривая:

— Ну, что ты плачешь, мой хороший, успокойся.

— Я не плачу.

— Не плачь, а то и я расплачусь.

Мальчик разжал руки и спрыгнул со ступенек на землю.

Длинноусый, с сединой на висках мужчина отворил выкрашенную зеленой краской калитку, снял широкополую соломенную шляпу и не спеша зашагал к дому.

Дарико возле кухни стирала рубашку мальчика.

— Где он? — спросил мужчина, оглядев двор.

— А вон, на дереве.

Мужчина улыбнулся и, подняв голову, позвал:

— Сынок!

— Иду, папа Гиви! — донеслось с дерева.

Мальчик спустился вниз и побежал к Гиви.

— Собирал хурму?

— Да, полную корзину собрал.

— Беги домой, переоденься. Скоро подойдет поезд, нам пора идти.

Мальчик вернулся одетый в белый костюм. Гиви поставил на плечо корзину, и они отправились в путь.

На подъеме Гиви, запыхавшись, остановился.

— Давай помогу, папа.

— Подъем сейчас кончится, не надо. А вот когда состарюсь, тогда будешь помогать.

Вскоре дорога пошла под уклон.

Когда Гиви и мальчик пришли к железнодорожной платформе, Гиви купил билет до Батуми.

Подошел поезд. Гиви с мальчиком вошли в последний вагон. Поставив корзину у окна, Гиви погладил мальчугана по голове и вышел из вагона, сказав:

— В Батуми тебя встретит Медико.

Поезд тронулся. Мальчик подбежал к открытому окну, чтобы проводить взглядом Гиви: ладно сложенный, он быстро шагал с непокрытой головой по шоссе, окаймленному с двух сторон тополями и платанами. На ходу он размахивал правой рукой, левая же, раненная в Отечественную войну, висела как плеть. Когда платаны совсем скрыли Гиви, мальчуган задумался. До Батуми ехать недалеко. Там его встретит сестра, Медико. Она в этом году окончила педагогический институт, начала работать в Батуми и обещала ему, если он привезет хурму, купить двухколесный велосипед. Он столько времени мечтает о велосипеде! Трехколесный не годится. Он ведь большой уже, ученик третьего класса!

Смуглый, небольшого роста мужчина в белом костюме ласково потрепал мальчика по плечу и прошел дальше по вагону. Мальчуган с любопытством проводил его взглядом.

— В этом вагоне едут гости из Китая,— послышался чей-то голос.

У того купе, в которое вошел смуглый человек, группами столпились пассажиры. Мальчик тоже заглянул в купе и, увидев беседовавших между собой китайцев, очень разволновался и начал поспешно пробираться вперед. Он заметил китаянку, на коленях которой сидела девочка. Она смотрела в окно и кричала, дергая мать за рукав платья:

— Чай, наш чай! Как скоро мы приехали на родину!

Китайцы рассмеялись.

Мальчуган стоял, не отходя от дверей купе.

Его заметили.

— Посмотрите, как этот мальчик похож на корейца,— сказала женщина по-корейски худощавому лысому человеку в очках, сидящему напротив нее.

— Действительно, очень похож,— ответил кореец, разглядывая мальчика.

Мальчик поднял руки, точно желая обнять кого-то, потом повернулся, побежал за своей корзиной, втащил ее в купе и стал дрожащим голосом на корейском языке предлагать гостям хурму.

Они оборвали разговор. Особенно был поражен кореец, сидевший напротив женщины. Все молчали, и только девочка что-то тараторила. Но, увидев, что внимание матери обращено на этого незнакомого мальчика, девчушка тоже уставилась на него.

— Кто тебя научил нашему языку? — с плохо скрытым волнением спросил кореец.

— Я... я... кореец...

— У тебя здесь родные?

— Я... я раньше жил в Корее, у нас росла такая же хурма. Возьмите, пожалуйста, попробуйте... У меня были тогда другие родные. Мать и отца убил американский летчик. Потом пароход привез корейских детей сюда. И меня усыновили Гиви и Дарико. Они очень хорошие, и дочь у них хорошая, Медико; она теперь моя сестра, но я хочу свою маму...

В это время проводник просунул свою седую голову в купе и вежливо предупредил:

— Подъезжаем к Чакве, здесь поезд стоит недолго, прошу приготовиться.

Китайцы стали собираться, попрощались с мальчиком. А кореец ласково глянул в его полные слез глаза, поцеловал в лоб, отвернулся и ушел.

— Со мной в вагоне ехали китайцы и один кореец,— грустно сказал мальчик встретившей его Медико.

Девушка взяла корзину с хурмой, обняла мальчугана за плечи.

— А я сдержала слово, купила тебе красный велосипед, как раз такой, какой ты хотел.

Мальчик всплеснул от радости руками и засмеялся.

Брат и сестра быстро направились к выходу в город.

С грузинского перевел М. ЛОХВИЦКИЙ.

Признание

Эдишер **КИПИАНИ**

Рисунок Б. ЖУТОВСКОГО.

Что ж, каждая профессия по-своему однообразна, успокаивал себя обычно Димитрий, входя по вечерам в оперный театр с неразлучным гобоем в руке. Он молча, в знак приветствия, кивал оркестрантам, вытаскивал из черного деревянного футляра инструмент и начинал перебирать клавиши своими короткими пальцами. Затем в зале медленно гасли огни люстры, как будто кто-то постепенно приспускал фитиль огромной лампы, копошились в темноте опоздавшие зрители, за пультом появлялся дирижер, поднимал палочку, и из оркестровой ямы выплывали первые звуки увертюры. Если выступал какой-либо известный гастролер, Димитрий во время пауз осторожно приподнимался на носках и заглядывал на сцену. В остальные же вечера ничто не нарушало привычного однообразия.

Так было тридцать пять лет назад, когда Димитрий впервые пришел в оркестр и партии Абесалома и Дон-Хозе исполнял еще Вано Сараджишвили. Так было и сейчас. Димитрий наизусть знал партитуры классических опер. Новые же и хорошие так легко не писались, и поэтому даже премьеры не приносили ничего такого, что бы могло вывести из равновесия старого музыканта.

Разумеется, после премьеры появлялись рецензии, в которых разбиралась работа авторов-постановщиков, исполнителей и только где-то в конце отмечалось, что «оркестр звучал прекрасно».

Правда, во время войны правительство наградило Димитрия, как и некоторых других работников оркестра, за участие в концертных бригадах медалью. Вместе с другими сотрудниками театра и ему порой объявлялись благодарности за хорошую работу. Однако это опять-таки было «вместе с другими сотрудниками...», «как и других работников оркестра».

Конечно, Димитрий никогда и не думал, что он лучше других и поэтому его должны выделять из среды товарищей. Сохрани господь! Однако иногда перед сном, лежа с закрытыми глазами, Димитрий вдруг вспоминал молодость, родное село, девушек, парней, стариков и свою свирель. Скольких людей услаждал он этой свирелью, сколько сердец заставлял биться сильнее и как ему аплодировали, требуя играть еще и еще! Эти сердца и аплодисменты принадлежали тогда только ему... Только Димитрию и больше никому!

Город же как бы поглотил юношу, растворил талант Димитрия среди многих подобных и даже превосходящих его. Теперь уже аплодисменты были адресованы этим многим. Многие заставляли биться сильнее сердца слушателей. Правда, среди них был и Димитрий, но он являлся как бы частью целого, каплей прекрасного водопада.

И Димитрий привык днем репетировать, вечером играть в оркестре, поздно ночью возвращаться домой...

Нет, нет, позвольте! В этот вечер произошло нечто, вернувшее старому музыканту радость детских лет и ощущение своей значимости.

Поначалу все шло, как обычно. В театре была объявлена опера Захария Палиашвили «Даиси». Вернувшись домой с репетиции, Димитрий пообедал, отдохнул и снова отправился в театр, завернув футляр с инструментом в газету. Заворачивать его он стал после того, как однажды на улице подвыпившие молодые люди подняли на смех небольшого ростом Димитрия: «Бедняга, он не больше своего инструмента... Эй, ты! Брось его, не надрывайся!..» Димитрий не стал связываться с пьяными, однако после этого решил избавить от насмешек свой любимый гобой.

Вечер был теплый и ясный, народу высыпало на проспект много, но Димитрий шел так осторожно, что никому не приходилось уступать ему дороги. Вышел бы он сегодня на улицу или нет, ничего бы, кажется, не прибавилось и не убавилось в этом людском море.

Димитрий оглядел витрину кондитерского магазина и вспомнил, что жена просила купить ей чего-нибудь вкусного к чаю.

Когда же он вышел из магазина, то вынужден был прибавить шагу. Публика прогуливалась медленно, и поэтому Димитрий сошел на мостовую. Но надвигающийся сзади троллейбус заставил его тотчас быстро вскочить на тротуар. Вокруг послышались тревожные голоса.

И именно тогда, когда троллейбус с шумом промчался мимо Димитрия, обдав его пылью и дунув теплым воздухом в лицо, Димитрий услышал позади себя отчетливо произнесенные слова:

— Знаешь этого человека?

Димитрий едва сдержался, чтобы не оглянуться, и замедлил шаги. Он почувствовал, что говорят о нем.

— Нет. А кто он? — донесся приятный женский голос.

Димитрий насторожился, он ждал ответа с таким чувством, будто это был приговор, от которого зависела его судьба.

И мужской голос ответил:

— Без него не может начаться «Даиси»!

Мужчина добавил еще что-то, но его слова уже потонули в уличном шуме.

У Димитрия захватило дух. Радость? Нет, чувство гораздо более значительное и сильное, чем радость, теплом окутало все его тело. А сердце забилось в груди с такой силой, что, казалось, вот-вот выскочит наружу. Димитрий покраснел и оглянулся. Он увидел юношу и девушку, которые шли под руку и будто улыбались ему.

Рядом с ними шла еще одна пара. Это были пожилые люди. Они тоже, казалось, добро улыбались Димитрию.

А за ними — опять молодежь, студенты, ученики.

Вновь старики и пожилые.

Высокие и низкие.

Хорошо одетые, красивые.

Столько народу, что не видно самой улицы.

Столько, что земля не выдерживает и словно колеблется.

«Кто же из них это сказал?» — искал глазами в толпе Димитрий, неотступно повторяя про себя: «Без него не может начаться «Даиси».

Действительно, ведь именно его гобой начинает увертюру к этой замечательной опере!

Димитрий невольно стал напевать хорошо знакомую мелодию, выражающую грустную и протяжную жалобу. К гобою присоединяется кларнет, а затем и весь оркестр подхватывает мелодию. Жалоба куда-то исчезает, оркестр начинает борьбу с кем-то или с чем-то, воюет, разбивает противника. Однако сам он тоже слабеет, и в конце концов вновь слышится скорбная мелодия гобоя, вновь жалоба, воспоминания...

«Ну, конечно, без меня нельзя начинать!» — чуть было не вырвалось у Димитрия вслух, и он вдруг обратил внимание на то, что уже не идет, как раньше, а почти бежит в сторону театра.

Теперь все уступали ему дорогу.

Все смотрели на него.

Все улыбались.

И словно повторяли про себя слова того незнакомого человека.

Неожиданно кто-то остановил Димитрия. Он поднял глаза и узнал соседа по квартире.

— Зачем так спешишь, Димитрий? Еще есть время.

— Что поделаешь, такова наша служба, я должен являться раньше, — ответил Димитрий своим обычным тоном.

Однако в груди он чувствовал большую радость, о которой ничего не было известно соседу. Лицо Димитрия озаряла улыбка, и он не переставал думать: «Без меня нельзя начинать!»

За кулисы Димитрий вошел, насвистывая. Он чувствовал необычайную легкость, ему хотелось выкинуть какую-либо шалость: щелкнуть кого-нибудь или перепрыгнуть через стул. Между тесно стоящими пультами он прошел на свое место. Ему сильно захотелось курить. Время позволяло отлучиться, он поднялся в фойе, купил пачку сигарет и жадно затянулся... Сквозь приоткрытую дверь ложи Димитрий видел занавес и слышал нестройные звуки оркестра... О, как нравились, как пленяли его теперь эти звуки, какими волнующими, счастливыми казались минуты, оставшиеся до начала спектакля!

За первой сигаретой последовала вторая. У Димитрия начала кружиться голова. Он подошел к прилавку и попросил воды, поймав себя на том, что умышленно тянет время и не торопится.

«А вдруг они начнут без меня?!» — мелькнула мысль. И тут же другая: «Нет, это ведь невозможно...»

Фойе опустело, дверь ложи прикрыли. Димитрий быстро сбежал по винтовой лестнице, прошел за кулисы и когда, миновав коридор, очутился у двери, ведущей в оркестр, то увидел, как в зале медленно стали гаснуть огни люстры, словно кто-то постепенно приспускал фитиль огромной лампы, услышал, как копошились в темноте опоздавшие зрители. Все было, как обычно, если не считать того, что дирижер, прищурившись, смотрел в сторону двери. Видно было, что он волновался.

— Куда ты пропал? Тебя ждет дирижер! — с упреком и тревогой прошептал один из оркестрантов.

Димитрий покраснел, горло его вдруг сжалось. Он быстро нашел свой стул, приложил к губам инструмент, глубоко вздохнул и дунул в него.

Кроме дирижера, никто не заметил, что гобой в этот вечер слегка фальшивил.

С грузинского перевел И. БОГОМОЛОВ.

Свадебный танец.

Балет „Отелло"

Ю. КОНДРАТОВ,
заслуженный артист РСФСР

Фото Е. Умнова.

Луна едва освещает спящий город. Из мрака ночи возникает фигура, укутанная черным атласным плащом. Полы распахиваются, сверкает серебро камзола. Широкополая шляпа скрывает часть смуглого, почти черного лица, обрамленного белоснежным жабо. В порывистом танце устремляется влюбленный к балкону своей избранницы. Белым облачком возникает затем рядом с ним силуэт девушки. В лирическом дуэте раскрываются чувства влюбленных. Свидание прерывает шум на улицах. На опустевшей сцене остается лишь оброненный шарф...

Мы в Тбилисском театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Идет балетный спектакль «Отелло». Сейчас начнется суд над мавром, рассказ Отелло о его бурной и трудной жизни. Черный занавес с золотой подкладкой, подхваченный массивными кистями, красные мантии сенаторов — все это создает колоритную картину палаццо дожей. Мы смотрим картины боев — о них «говорит» Сенату Отелло. Бурные, воинственные танцы с мечами, воинский подвиг Отелло... Его пленение и печальная участь раба... Снова мы в зале Совета и видим склоненного к ногам дожа Отелло. «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним» — эти шекспировские строки словно прозвучали сейчас в его «говорящем» танце.

Новые яркие картины. Отшумел народный праздник на Кипре, полный радостных плясок. Но уже яд сомнений проник в мысли Отелло. Как белая птица, попавшая в западню, страдает и бьется в танце Дездемона, и тщетны усилия подруг ее развлечь.

...Притаившимся хищником ползет через сцену Яго к распростертому на полу в отчаянии Отелло. Наглый клеветник осмелел: он ставит ногу на грудь поверженного. Долго не смолкают овации зала, принявшего эту необычную трактовку сцены.

И вот наконец со свечой в руке, освещенный лунным светом, спускается по лестнице в опочивальню Отелло. Кажется, что со сцены звучат его не сказанные вслух слова: «Молились ли вы на ночь, Дездемона?». Трагически насыщенное адажио... Гаснет светильник, гибнет Дездемона. Окончена трагедия, воплощенная средствами музыки, танца и живописи. Единство усилий творцов спектакля принесло успех балету.

Яго — народный артист Грузинской ССР З. Кикалеишвили и Отелло — народный артист СССР В. Чабукиани.

Музыка А. Мачавариани мелодична, темпераментна, многогранна по формам. Ее богатая красками палитра позволила прозвучать в полную силу и лирической и драматической линиям сюжета. Композитор дает конкретные, яркие характеристики героев. Шекспировский мир больших чувств, глубокая человечность его произведения воодушевили композитора.

Декорации художника С. Вирсаладзе, знатока балетного театра, необычайно выразительны. Тонкий колорист, он в то же время предельно лаконичен. Спектакль оформлен просто, с учетом каждой отдельной детали, сочетания света и тени, цветовой гаммы. Помогая созданию картины эпохи, ее нравов и быта, каждого образа, художник как бы сберегает пространство сцены для танца.

В. Чабукиани выступает в балете и как постановщик-режиссер спектакля, и как либреттист, и как актер. Его разностороннему таланту под силу оказалось столь яркое воплощение шекспировского сюжета в хореографии. Фантазия балетмейстера поистине неистощима. Танцев так много, что, кажется, их хватило бы на два спектакля.

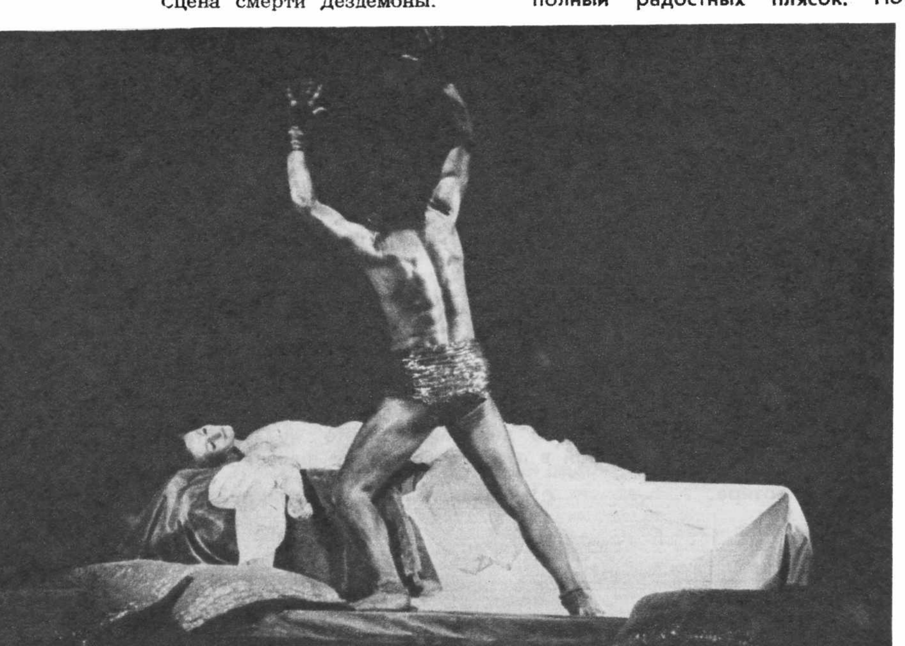
Отелло в исполнении В. Чабукиани — это художественная повесть, рассказанная артистом, эмоционально насыщенная до предела. Вот Отелло представляет гостям свою жену. В свадебном танце он «рассказывает» о своей любви к Дездемоне. Сцена, где он, мучимый ревностью, разрывает на себе одежду и, полуобнаженный, «говорит» о своей боли в сложнейшем и технически безупречном танце, потрясает зрителей. В. Чабукиани раскрывает все грани образа Отелло: мудрый правитель Кипра, он нежен и мягок в любви, яростен в ревности, требователен и властен с воинами. И почти все это передано в танце.

Или попробуйте представить себе Яго танцующим... тарантеллу на балу. Но постановщик смело ввел такой прием, и он удался. Образ Яго в спектакле — несомненная удача и талантливого актера З. Кикалеишвили и балетмейстера.

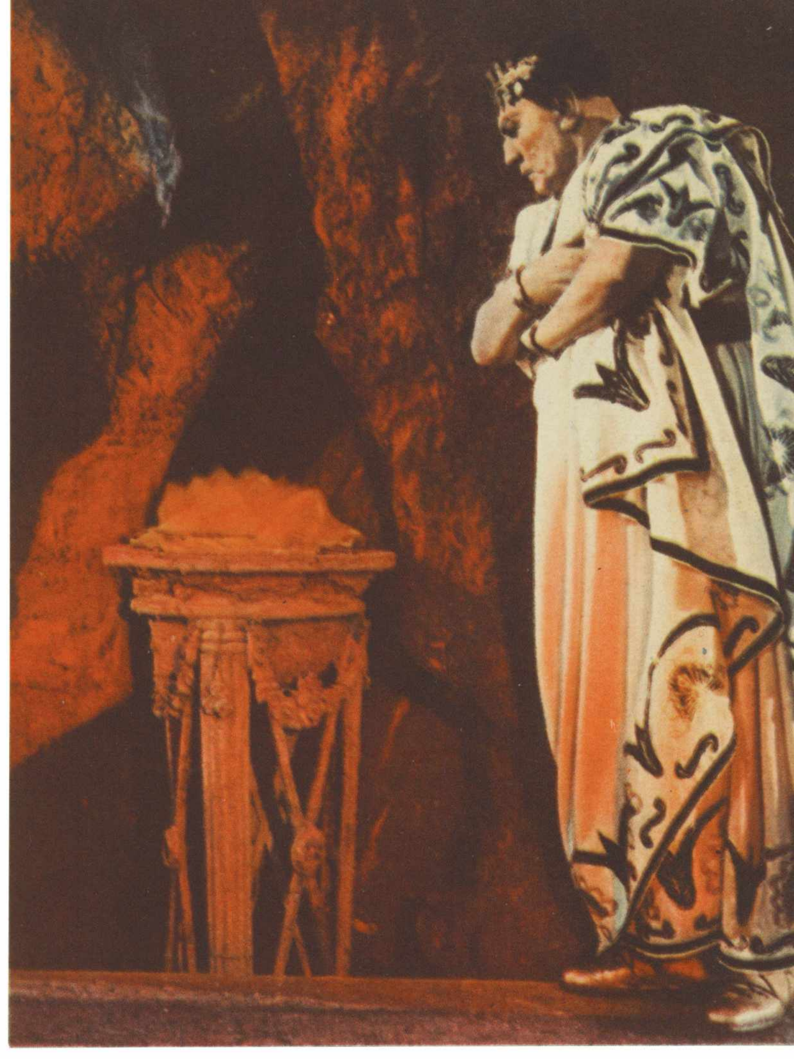
Тепло встречают зрители и В. Цигнадзе в образе Дездемоны. Богатые внешние данные и высокий профессионализм помогли артистке решить ее задачу.

В каждом значительном произведении искусства можно найти те или иные, пусть мелкие, недостатки. И спектакль «Отелло» можно упрекнуть, пожалуй, в некоторой растянутости, в недостатке сольных вариаций у Дездемоны, в излишне натуралистически решенной сцене ее смерти. Но все это ни в какой мере не снижает впечатления торжества искусства, которое оставляет балет «Отелло» в Тбилисском театре оперы и балета имени З. Палиашвили.

Сцена смерти Дездемоны.



Сцена из первого акта спектакля «Киквидзе» («Большое сердце») В. Дарасели в постановке Государственного русского театра имени А. С. Грибоедова.


Трагедия Софокла «Царь Эдип» в Государственном драматическом театре имени Ш. Руставели. Народный артист СССР А. Хорава в роли царя Эдипа.

Государственный драматический театр имени К. Марджанишвили. Пьеса «Изгнанник» по одноименному рассказу классика грузинской литературы Важа-Пшавелы. Сцена из второго акта — храмовой праздник. **Фото Е. Умнова.**

Вокальный самодеятельный коллектив профсоюзов Грузии.

Грибоедов с нами!

И. МЕСХИ

«Невеста Севера» Д. Торадзе в Театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Грибоедов — Ш. Кикнадзе, Нина Чавчавадзе — Л. Чкония.

Фото М. Квирикашвили.

На сцене стоял человек в очках, с характерным зачесом темных волос, и публика горячо аплодировала ему. В Театре оперы и балета имени Захария Палиашвили поставлена опера Дмитрия Торадзе «Невеста Севера» (постановщик — И. М. Туманишвили).

Образ автора бессмертной комедии, товарища декабристов, явился зрителям таким, каким он жил в нашем представлении еще со времен школьных занятий по литературе. Был он порывист, полон благородной смелости. В темпераментном исполнении актеров Б. Кравейшвили и Ш. Кикнадзе на сцене жил и действовал пламенный мечтатель, свободолюбец, человек сильных и ярких чувств.

Автор либретто поэт Иосиф Нонешвили глубоко увлекся темой любви Грибоедова к невесте. Художник С. Кабуладзе отобрал в своей палитре для пейзажей и костюмов предельно светлые краски. Со знакомого портрета будто что-то стерли, сгладили, обратив горечь в грусть, яркое пламя в ровный свет.

И, однако, это был он, Грибоедов! Грибоедов — старинный и нежный друг Грузии, Грибоедов — влюбленный жених... Закономерно было и таким видеть его на родине нового оперного спектакля и от всей души аплодировать ему. Ведь не может остаться спокойным сердце грузина, когда он видит родную Алазань и русского гостя, воспевающего в кругу жителей виноградной долины красоту этого края...

Человек большого сердца смотрит печальными глазами... А вокруг «ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека» и реют в вышине орлы, «потомки Прометеева терзателя». Ныне же здесь, на Тереке, зажигается новый «Прометеев огонь»: Грузия приступает к строительству мощной электростанции — Дарьялгэс. И среди зрителей, сидящих в зале, наверно, есть те, которые приложили или еще приложат к этому руки. Безучастных в таком деле не может быть.

С этим краем у Грибоедова были связаны лучшие годы его творческой жизни. Здесь писались главы, а по иным свидетельствам, полностью была написана его комедия «Горе от ума». На Востоке он созрел как государственный деятель. В семье передового грузинского поэта и общественного деятеля Александра Чавчавадзе нашел свою подругу.

Образ Нины Чавчавадзе (ее исполняют артистки Т. Тактакишвили, О. Кузнецова и Л. Чкония) — это образ преданного и любящего друга, символ породнившейся с Россией Грузии. В самом деле, Грибоедов был первым русским, столь многосторонне и тесно связанным с этим в ту пору еще мало для России знакомым краем. И как бы от имени народа, с которым Грибоедов связал свою судьбу, его юная вдова оценила глубину потери этого человека для всей России:

Ум и дела твои бессмертны
 в памяти русской,
но для чего пережила тебя
 любовь моя.

Эту надпись Нины на памятнике Грибоедову читают собирающиеся у могилы растроганные люди... В гроте на горе Мтацминда надгробие работы скульптора Кампиони — на черном мраморе барельеф писателя и бронзовая фигура коленопреклоненной женщины. Кому из присутствующих на спектакле не знаком этот памятник с надписью! Сейчас, разумеется, вокруг все выглядит иначе. На верхнем плато горы разбит большой парк культуры и отдыха, а с прошлого года гору увенчала телевизионная вышка. И к грибоедовскому гроту не зарастает народная тропа.

Если поднять старые, очень старые подшивки журнала «Огонек», то в № 10 за 1879 год в стихотворении Якова Полонского «Н. А. Грибоедова» можно прочесть строки, которые убеждают вас:

...Чтоб прочитали вы
Ту надпись, и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума...

...Спектакль окончен. Люди расходятся по домам. Засыпает ночной Тбилиси, город-красавец, окруженный кольцом гор. Громадным амфитеатром раскинулся он по склонам, сверкает огнями. Самые высокие здания не в состоянии его заслонить. Откуда ни глянешь — сверху ли, снизу, — виден! Куда ни кинешь взор — кусочек горы, парка или реки. Эта близость к природе, сочетание красоты естественной с красотою, созданной человеческим разумом, придают Тбилиси особое, неповторимое своеобразие. К тому же он в этом году юбиляр: ему исполняется 1 500 лет! И поэтому тбилисцы, как никогда прежде, вспоминают его многовековую историю, все его радости и беды, его недругов и друзей. И где-то среди самых ревностных его доброжелателей имя того, чей прах покоится на высокой горе.

Мир знает Грибоедова как блестящего драматурга и дипломата. Но в этих местах он дорог еще интимно, своими негромкими, но полезными делами, оставившими зримую печать на земле. Семь великолепных мостов перекинуты сейчас в Тбилиси через Куру. А в то время, когда обе части города связывал только один мост, и то старенький, деревянный, Грибоедов писал о построении хотя бы еще одного, второго. И мост был выстроен, позже, конечно, но именно на том месте, которое указал Грибоедов.

На одной из гор, вдоль которой пролегла зеленой стрелой Комсомольская аллея, высится древнейший памятник городской архитектуры — крепостная стена. Это живая история города, стена-летопись. Она могла не сохраниться, если бы Грибоедов своим вмешательством не предотвратил растаскивание этих камней солдатами Ермолова на строительство.

Работая в канцелярии управителя Кавказского края, Грибоедов заботился о том, чтобы новое градостроительство сохраняло особенности национальной архитектуры Тбилиси: его балконы с навесами, его крытые галереи. Вопросы ремонта города, разрушенного нашествием Ага-Махамед-хана, беспокоили писателя. С тем и была составлена его «Записка о лучших способах вновь построить город Тифлис».

Так вот он, вновь построенный город, по улицам которого идут его нынешние строители. Герои спектакля еще продолжают занимать их воображение, а где-то внутри уже перебрасывается мостик к заботам завтрашнего дня.

Этих юных подруг ждет студенческая лаборатория. Чем-то в своем облике одна из них неуловимо напоминает... Впрочем, познакомимся. Это Эка Гачечиладзе, праправнучка Нининого брата — «Давыдчика», как называл его Грибоедов. Она учится в Тбилисском государственном университете, отличница, скоро станет специалистом в области физики.

Но разве мог хоть один человек, живший в ту пору, мысленно заглянуть в Грузию наших дней?! Увидеть этих девушек, изучающих новейшие проблемы науки, представить себе трубы металлургического гиганта, грузинские автомобили и электровозы, железнодорожные составы с углем и марганцевой рудой? Однако ум и дела Грибоедова и для того времени простирались довольно далеко.

Большое будущее он пророчил грузинским винам, которые «...почти ничем не уступают лучшим французским винам». И ныне виноделие в Грузии завоевало себе прочную мировую славу. Грузинские вина и коньяки каждый раз на международных выставках забирают по нескольку золотых медалей.

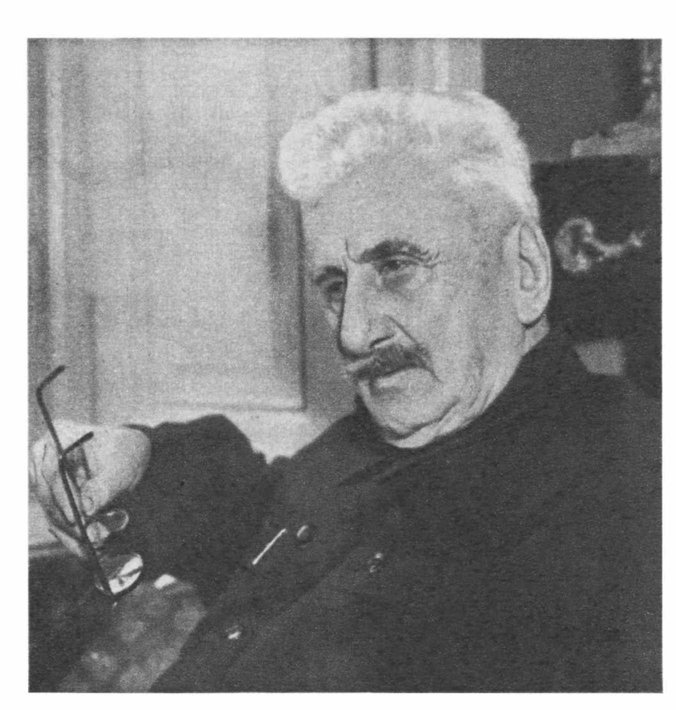
Обращал внимание Грибоедов и на выгоду для этого края шелководства. И Грузия вышла сейчас на первое место в стране по качеству шелкового сырья, а продукцию Тбилисской шелкоткацкой фабрики знают и за пределами Советского Союза.

Грибоедов писал о хлопчатой бумаге, табаке, красителях, лекарственных растениях. Он считал, что «все произведения жарких климатов с величайшим успехом могут быть присвоены сему краю». Да, и такие слова выходили из-под его пера.

Автор замечательного обличительного произведения, он дорог Грузии еще и как автор грандиозного проекта экономического преобразования Кавказского края, которое, по его мысли, должно было скрепить неразрывными узами «россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа». О том, как близки были эти идеи самым передовым людям этого края, говорит обнаруженный не так давно «Краткий исторический очерк Грузии», который был представлен Александром Чавчавадзе в качестве доклада царю и развивал те же мысли о будущем края.

Разумеется, и проект и очерк были оставлены без всякого внимания. А жизнь между тем взяла свое, жизнь подтвердила гениальную мысль Грибоедова о том, что «правильное разделение работ займет каждого по способностям, и в общем движении, направленном к истинно благим видам, край сей, можно сказать, возродится для новой, неведомой ему доселе, жизни».

И ныне аплодирует Грибоедову вся Грузия, словно он и вправду стоит перед глазами, живой...



Шалва ДАДИАНИ.
Фото В. Джейранова.

Былое и завтра

Он говорит спокойно, хмуря седые брови в поисках точнейшего, весомого и образного слова. Он вспоминает встречи с Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели, Важа Пшавелой... Перед его глазами встают отнюдь не выцветшие картины прошлого, согретые лиризмом воспоминаний. Были трудные годы, годы борьбы, поисков, разочарований, крушений, созидания. Сильные старческие руки, тыльная сторона которых напоминает поверхность самгорской земли, выразительно рассекают воздух...

Таким представляется всегда Шалва Дадиани, творческий путь которого берет начало в недрах грузинской классики и достигает наших дней. Как доброе грузинское вино с годами крепнет, мужает и обогащается, так талант этого великолепного старца на протяжении шестидесяти лет напряженного творчества кристаллизовался, приобретя неповторимый, только ему присущий аромат.

Сравнительно недавно, на восемьдесят третьем году жизни, Шалва Николаевич закончил свой новый роман, «Семья Гвиргвилиани», посвященный революционному прошлому нашей Родины, сложным и бурным годам кануна 1905 года. Несмотря на то, что хронологические рамки романа сравнительно невелики, произведение Ш. Дадиани воспринимается как монументальное эпическое полотно, посвященное судьбам Грузии начала XX века, написанное смелыми, решительными мазками.

Сложность композиции произведения и многоплановость романа порождены той действительностью, которая послужила материалом автору. Семья Гвиргвилиани принадлежит к обреченному на гибель паразитическому классу, которому писатель выносит суровый приговор. Нектарина, Беги, Барам и другие, являясь глубоко индивидуализированными персонажами, в то же время имеют большую обобщающую силу. Художественные характеристики Ш. Дадиани, порой находящиеся на грани гротеска, точны и убийственны.

Писатель не ограничился односторонним показом лагеря обреченных. Представители восставшего, борющегося крестьянства (хотя они и не занимают центрального места в произведении) обрисованы с любовью и мастерством. Как будто выхвачены из реальной жизни Джгереная, Бжалава, Обишхиа, Котиа, большевик, представитель революционной интеллигенции Тайя Гвиргвилиани...

Шалва Дадиани ярко показал дружбу и братскую взаимосвязь лучших сынов русского и грузинского народов, которыми двигала одна цель: видеть родину свободной и счастливой. Писатель создал запоминающиеся образы представителей великого русского народа. Таковы Марина Рябинина, Петр Батичко...

В новом романе Шалвы Дадиани нет эффектных сюжетных ходов, захватывающих интриг. Повествование льется спокойно и просто. Писателя больше интересуют характеры людей, дух времени, логика развития событий. Однако монументальность и эпичность произведения не исключают в нем колоритных жанровых эпизодов, в которых еще раз, с новой силой проявился искрящийся, умный юмор Шалвы Дадиани.

Роман чрезвычайно лаконичен, образен, оригинален без стремления к оригинальности, лиричен, но не слащав, порой пронизан страстной публицистичностью, но без намека на сухость.

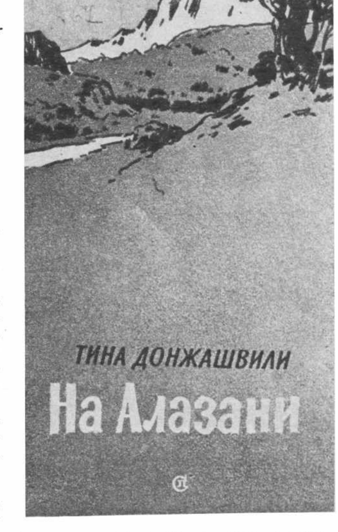
А главное, конечно, в том, что Шалва Дадиани окинул былое сегодняшним взглядом, взглядом правдивого партийного художника.

Нет, не постарел Шалва Дадиани, несмотря на все свои полновесные годы. Сейчас он пишет пьесу «Гани!». В переводе на русский язык это означает «Прочь с дороги!». В этой пьесе писатель хочет пригвоздить к позорному столбу носителей гнусных пережитков прошлого. Значит, есть еще порох в пороховницах, значит, писатель продолжает бороться, а это верный признак того, что старость еще не наступила!

Дэви СТУРУА

Шалва Дадиани. Семья Гвиргвилиани. Роман. Первая часть. Журнал «Литературная Грузия» №№ 1—5, 1957.

Народ судит



Отбушевали человеческие страсти. Перевернута последняя страница книги. И вот начинаешь разбираться в своих чувствах, которые пробудили в тебе герои произведения. Книга, написанная с сердечным увлечением, никого не оставит равнодушным. Она вызывает желание действовать — это поддержать, тому помешать. Роман грузинской писательницы Тины Донжашвили «На Алазани» обладает именно этими свойствами.

Скажем прямо: литературные достоинства романа «На Алазани» сравнительно скромны. Немало в нем наивных сцен, есть налет некоторой мелодраматичности. Писательница не всегда справляется со сложными психологическими задачами. Роман «На Алазани» интересен не условными любовными коллизиями. Роман привлек внимание читателя остротой и содержательностью поставленных в нем этических вопросов.

В центре романа — Гедеон Варамадзе, его судьба, его взлет и падение. Образ Гедеона Варамадзе — наибольшая удача произведения. В романе выражена мысль о неминуемом моральном поражении тех людей, которые мнят себя некоей сверхличностью, стоящей над массой.

Гедеон Варамадзе рос пытливым, беспокойным, творчески одаренным юношей. Он познал немало горя и страданий, закалился в суровых жизненных испытаниях. Не будь Октябрьской революции, не будь Советской власти, Варамадзе остался бы ничем не примечательным человеком. Советская власть дала ему крылья, подняла на вершину, обнаружила и развила его способности. Варамадзе стал видным деятелем, первым секретарем райкома партии, депутатом Верховного Совета СССР. Вначале Варамадзе трезво оценивает свою роль. Он негодует против той откровенной лести, той парадной шумихи, которая окружает его. Льстецы и подхалимы, а также люди, ослепленные успехами района, руководимого Варамадзе, расточают ему хвалу. Варамадзе активно сопротивляется лести. Он понимает, что силен поддержкой народа, поддержкой замечательных тружеников села, идущих за ним. Без них он пылинка. Без людей ведь не удержать головы не то что на высоте, а и вообще на плечах. Он переживает тяжелую душевную боль, вызванную мутным потоком лести. Но ему недостает душевных сил, чтобы разорвать паутину. Он невольно поддается лести, примиряется с нею. Варамадзе перестал сопротивляться угодническому заискиванию перед ним и отдался течению.

Гедеон утрачивает качества партийного деятеля, слабнут и исчезают его связи с людьми. Из его лексикона стали исчезать такие слова, как «народ», «наш», «мы», уступая место «я», «мой район», «у меня». На каждое дело он начинает смотреть с точки зрения его эффектности. Он лишился главного — доверия людей. Колхозники жестоко критикуют обанкротившегося секретаря райкома, которого когда-то горячо любили и почитали. Морально опустошенный, одряхлевший и сломленный, Варамадзе кончает жизнь бесславно, он гибнет как жертва своей слабости и карьеризма.

Георгий ЛОМИДЗЕ

Тина Донжашвили. На Алазани. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1957. 429 стр.

АМРИТЕ

Из «Индийской тетради»

Ираклий АБАШИДЗЕ

Амрита, Амрита!
О, как твои песни горели!
Язык голубиный
понятен голубке, Амрита,
И розе, конечно,
ясны соловьиные трели,
Но тайна крылатых речей
для меня не открыта.

Известно мне только,
о чем голубиные стоны,
Зачем эта роза
слезой соловьиной омыта...
Охваченный страстью,
тоскует певец исступленный:
Все сущее славит любовь в этом мире,
Амрита!
Смутнее, чем зов голубиный
и звон соловьиный,
Звучал мне твой говор певучий
в струящемся гимне.
Что пели слова?
То любовь низвергалась лавиной?
Но кто ж твой избранник счастливый,
Амрита, скажи мне?
Кому подарила навеки
ты сердце, Амрита?
Чей образ любимый
в душе у тебя поселился?
Ты в песне горела,
закатным сияньем облита,
Я жаждал, чтоб стих
без конца ворковал и струился.
О, как мне хотелось
мечтами с тобой поделиться!
Но гости толпою
на пире тебя окружали.
И вот я уехал из светлой
индийской столицы,
Амрита,
тебе не поведав заветной печали!..

Перевел с грузинского
Элисбар АНАНИАШВИЛИ.

Амрита Притам — индийская поэтесса.

* * *

Реваз АСАЕВ

Как ртуть, сверкает сквозь
стекло
Вода под синим льдом...
Твои ресницы обвело
Пушистым серебром...

Метет метель — и ни следа...
И снег высок и густ...
Как хруст капустного листа,
Под сапогами хруст.

Мне уши щиплет без конца.
Вот так у осетин
За уши дергают отца,
Когда родится сын.

Как изменил тебя мороз,
Обсыпав сединой!..
Уже платформа. Стук колес.
По рельсам — путь прямой.

На стеклах снежная листва —
В квадрате желтых рам
Природа тайну мастерства
Показывает нам.

Она в расцветке вешних дней
Не меньше знает толк:
Настанет май — к груди твоей
Прильнет зеленый шелк,

Притянет взгляд влюбленных
глаз,
Лишит надолго сна...
Сдается мне, в сердцах у нас
Уже шумит весна!

Перевела с осетинского
Ирина ВОЛОБУЕВА.

Сталинир.

ОДИН из трех

Документальная повесть

Андрей **НОВИКОВ**

Тайник Кравца с шпионским имуществом.

«Уроки» Шоавеля

...В вагоне все спали. А Кравец лежал с открытыми глазами, очутившись вот так, близко, среди людей, родившихся на той же земле, что и он.

«Старушка и парень,— думал Кравец,— конечно, не агитаторы. То, что они рассказывают, видно, правда. И как это не похоже на то, что говорили американцы...»

Кравец решил не торопиться. Достать «железные» документы, обосноваться как следует, а уж потом начинать «работу». Идеально было бы поступить куда-нибудь учиться. Ему и самому хотелось этого: с того самого дня, как гитлеровцы закрыли школу в Первомайске, он не садился за парту.

За недолгие дни пребывания на советской земле он почувствовал, что вся «философия», которой его напичкали в разведшколе, — это лишь отрывочные сведения и цифры, к тому же недобросовестно подобранные.

...В Ростове едва приметным кивком головы Виктор распрощался с Кравцом — до контрольной встречи.

Прошло несколько дней. Страх по-прежнему заставлял Кравца переезжать из города в город. Он выбирал ночные поезда, но и в них не спалось. Боялся за портфель с деньгами, который клал на ночь под подушку. Остаться без денег было равносильно смерти. Для большего спокойствия Кравец распихал деньги по разным карманам.

...Шли поиски шпионов. Малейшее подозрительное происшествие, в какой бы части страны оно ни произошло, бралось на заметку, тщательно расследовалось. Вылетевший из Москвы в Новороссийск майор Бакланов вместе с оперативными группами тщательно исследовал район, где, как предполагалось, произошла выброска. Маленький лоскуток парашютного шелка, застрявший на кусте можжевельника, достался пока чекистам. Майор Бакланов, докладывая по телефону о ходе поисков в Москву, каждый раз с тяжелым сердцем вешал трубку, чувствуя, каким тоном желает ему успеха генерал.

Продолжение. См. «Огонек» № 11.

В папке с тесемочками лежал лишь лоскуток парашютного шелка. Казалось, след был в руках. Собственно, не след, а тонкая ниточка; но, ухватившись за нее, можно было бы добраться до чего-то существенного, если бы только она тут же не обрывалась.

Вскоре Бакланов доложил генералу, что был выброшен не один человек и, как он полагает, шпионы предприняли меры для ухода из зоны выброски в крупные города. Возможно, в Тбилиси, Ростов, Ставрополь, Краснодар.

— Что вы намерены предпринять? — спросил генерал.

— Здесь останется капитан Сизов, я двинусь в Тбилиси. Капитана Русанова намереваюсь послать в Ростов.

— Поезжайте в Ростов сами, и побыстрее,— сказал генерал,— оттуда есть кое-какие отрывочные данные. Русанов пусть едет в Тбилиси. В другие города указания уже даны.

...В вагоне Кравец задумчиво глядел в окно на аккуратно выложенные из белых камешков лозунги «Слава КПСС», «Слава советскому народу» и невольно думал о том, как надували его американские инструкторы. Они говорили, будто каждый советский гражданин мечтает о реставрации капитализма. «Где же признаки?» — в который раз задавал себе вопрос Кравец. Он многое успел посмотреть за это время, много людей прошло перед его глазами, он беседовал с ними, они говорили с ним искренне. Он вспомнил глупости, нагроможденные в романе Замятина «Мы» и в книжонке Джорджа Орведла «Скотский двор». Здесь все было не так, совсем не так...

Кравец снова ушел мыслями за границу, шаг за шагом восстанавливая в памяти пережитое.

Он вспомнил еще один лагерь в Англии и одного человека, с которым там познакомился. Лагерь назывался «Фулстон». Он был точно такой же, как и другие. Те же койки и ребристые железные стенки бараков.

Как-то, лежа на койке, Кравец дремал. Услыхав шаркающие шаги соседа, он даже не открыл глаз. Правда, его давно интересовало, как попал сюда этот пожилой сутулый человек, выдававший себя за старого политического эмигранта. Но Шоавель — так звали соседа — не очень-то любил говорить о прошлом.

Кравца к Шоавелю тянуло потому, что, как ему казалось, тот был человек образованный и рассказывал массу интересных вещей.

Кравец приоткрыл глаза и стал разглядывать тонкий профиль Шоавеля.

— А! Мой друг! — сказал Шоавель.— А я думал, вы уже отошли в мир грез, так сказать... Добрые сумерки! Или спокойной ночи?

— Да нет, я так. Думаю все,— отозвался Кравец.

Сосед снял черный засаленный пиджак, развязал галстук — это говорило о том, что Шоавель вернулся из города. Улегшись на кровать, он принялся что-то жевать. Крошки падали на грязную манишку, но Шоавель не обращал на это внимания.

— Все думаю, — повторил Кравец, чтобы завязать разговор, — как дальше жить? Куда деваться?

Ему и раньше приходилось беседовать с Шоавелем, и тот говорил, как казалось Кравцу, довольно дельные вещи. Особенно нравилось Владимиру, что сосед неизменно называет его на «вы».

Кравец несколько раз начинал рассуждать о том, кто виноват в его изгнании с родной земли. Шоавель внимательно выслушивал его и даже поддакивал.

Кравец уже прочел несколько книг, которые ему давал Шоавель, и, естественно, обсуждал с ним прочитанное. Если юноша в чем-то не соглашался со своим наставником, тот терпеливо излагал ему свои взгляды. Постепенно в чемодане Кравца скапливались кое-какие книжонки, рекомендованные Шоавелем.

— Как жить? — повторил свой вопрос Кравец.

— Видите ли, мой юный друг,— заговорил Шоавель.— Я вам неоднократно говорил, что жизнь — это такая сложная формула, для которой человек не всегда способен найти желаемый знаменатель. Да простят мне математики мою безграмотность! — Шоавель повернулся на бок, стряхнул с груди крошки и продолжал: — В жизни я несколько раз делал ставки, причем очень крупные. Да, да. Верьте мне, это были не маленькие ставки... Но... — Сосед смолк на минуту. — Я очутился здесь. Я ничего уже не хочу, мне бы скопить немного денег и уехать... Уехать в какую-нибудь далекую страну, к дикарям. Подальше от этого суматошного мира и спокойно дожить последний десяток лет. А вы человек молодой, вам надо бороться, добиваться...

— Здесь? В чужой стране? — робко спросил Кравец.

— Нет... Русский должен жить только в России. Не так ли? Но не в такой России, какова она сейчас.

— Но другой же нет?

— Она будет. Такой режим долго не продержится. Да и сами идеи...

— А разве марксизм?..

— Что марксизм? Вы в вашем пионэрском отряде (Шоавель говорил именно «э»), очевидно, мало с ним знакомились. Это не теория, а тем более не наука. Я дам вам еще одну брошюрку. Вы увидите, что здесь есть люди, думающие о судьбе нашей дорогой родины, о ее благополучии.

Шоавель полез под койку, где у него стояли два чемодана, в которых он хранил разные газеты и брошюрки.

— Вот вам,— сказал он, протягивая Кравцу книжонку,— образовывайтесь. Вам многое станет ясным.

Кравец и раньше читал всевозможные газетки и журналы для «перемещенных лиц», издававшиеся в Соединенных Штатах, Западной Германии, Франции и Англии. Это были сплошь враждебные Советскому Союзу издания. Другого ему читать не приходилось. В них он надеялся найти объяснение причины своего несчастного положения.

Кравец погрузился в чтение брошюрки, выпущенной эмигрантской группкой. Он сам не замечал, как все, что ему усердно вдалбливалось в последние годы, заполнило его думы. Ему было невдомек, насколько опытен подосланный к нему Шоавель. И чем больше запутывались его взгляды, тем туже стягивалась сеть, искусно расставленная неведомыми ему людьми.

Через несколько дней, сидя на койке, Кравец писал письмо.

Шоавель, прочитав написанное, одобрительно кивнул головой, он сделал какую-то приписку и заклеил конверт.

— Я сам напишу адрес и отправлю,— сказал Кравцу его духовный отец.

Вскоре пришел ответ. Кравцу советовали устроиться на работу в районе Братфорда. В письме, правда, не предлагалась помощь в устройстве на работу, но зато было сказано, что в Братфорде есть одно из «звеньев», с членами которого надо сойтись.

Встреча состоялась в библиотеке при православной церкви в Братфорде. Коротышка — руководитель звена — был очень доволен, что ему попался паренек, которому не надо объяснять, что большевики — исчадие ада и что их следует поскорее выдворить из пределов России. Взбивая на голове чуб, который он носил, чтобы казаться повыше, коротышка внимательно слушал Кравца. Ему нравилось, что этому парню неинтересны писания издающейся в Париже монархической «Русской мысли», в которой с буквами «ять» и твердым знаком писалось главным образом о царе-батюшке и тому подобном.

— Вот ты какой! — восхищался коротышка. — Тебе нравятся наши мысли! Это похвально, друг мой. Похвально. Ну, что же, приходи в среду на сбор, ждем... Ждем...

— А с работой? — спросил Кравец.

— Тебе все сразу, — фальшиво засмеялся коротышка, — ты уже взрослый, пора жить самостоятельно... Да-с... Вот так-то... До скорого!

Наконец-то Кравцу удалось найти место грузчика на небольшой фабричке. Восемь часов он перетаскивал мешки с грязной шерстью, прибывавшей из Новой Зеландии и Австралии. Шерсть шла на мойку. Вонь в цехах стояла невыносимая.

— Хорошо, хоть сюда устроился, — говорил ему старый рабочий. — Смотри, хозяин идет. Кланяйся... Да что ты стоишь? Кому твоя гордость нужна, кланяйся, тебе говорят. Молодой ты еще, в жизни ничего не понимаешь. Кланяйся, кланяйся...

...Кравец вспомнил, как однажды он шел домой совсем разбитый после тяжкого дня. Были сумерки, из какого-то бара вывалилась компания подгулявших молодых людей и девиц. Одна из них, споткнувшись, ухватилась за Кравца, чтобы не упасть.

— Фи! Какая вонь от него! — завизжала девица, почуяв шедший от Кравца запах овечьей шерсти.— Ты русский, что ли? И зачем их навезли сюда? Британия может обойтись и без блох!

Все захохотали. Кравец кинулся прочь.

В эту ночь он долго не мог заснуть. За стенкой ворочался и стонал хозяин квартиры — старый кузнец: у него ныли суставы по ночам. А проснувшись, так же как и Кравец, старик запирал за собой калитку и исчезал в предрассветном тумане...

На сборах «звена» Кравец и еще четверо читали газеты, занимались «теорией». Конечная цель была ясна — свержение коммунистического режима в России.

— Я понимаю так, — говорил Кравец, — частная собственность должна сохраниться в будущей России. Магазины должны быть частными. А как с владением землей?

— Тоже частное, — сказал один из занимавшихся.

— Нет. Должны быть колхозы,— горячо доказывал Кравец.— Что же, обрабатывать такие лоскутки земли, как здесь?

После занятий Кравец пошел домой вместе с парнем, о котором он ничего не знал, кроме того, что тот очень любит рисовать.

— Ты вот насчет магазинов говорил, — начал парень. — Витрины в этой жизни яркие, а ты внутрь заглядывал? — загадочно продолжал собеседник.

— Не совсем понимаю, — отозвался Кравец, — по-моему, я прав.

— Прав лишь насчет колхозов, — сказал парень и, мечтательно прищурившись, посмотрел в туманную даль улицы.

— А почему же ты на занятиях об этом промолчал?

— Да и тебе не советую этого говорить,— ответил парень.— Походишь по миру с мое, узнаешь.

Парень свернул в переулок.

Перед глазами Донбасс

...В Сталино поезд пришел ранним утром. Сев в автобус, Кравец поехал в Макеевку. Это место особенно интересовало его: по фальшивым документам, которыми его снабдили, он должен был выдавать себя за рабочего макеевского металлургического завода имени Кирова. Фамилии директора и главного инженера он затвердил еще по картотеке, изучавшейся в разведцентре. Но подробности о начальнике цеха, где он «работал», о мастере надо было узнать на месте.

Кравец бродил по улицам Макеевки. Взгляд его останавливался порой на доживавших последние дни дряхлых домишках и тут же переносился на огромные громады новых домов. Ему порой казалось, что эти мощные жилые кварталы надвигаются на него, грозят задавить.

Первое, что он увидал, подойдя к заводу, было объявление, написанное масляной краской. Судя по тому, как оно поблекло, объявление было написано давно. После слова «требуются» Кравец долго читал длинный перечень профессий.

За забором высились корпуса завода. Из труб валил дым, слышались гудки паровозов, доносилось шипение сжатого воздуха, огромная стрела крана двигалась, держа в своих щупальцах многотонную порцию скрапа.

Кравец отворил дверь, на которой была надпись: «Отдел кадров». К его удивлению, на «бирже труда» никого не оказалось. Он стоял несколько минут, изучая объявления. Открылось окошечко, и женщина в платке запросто обратилась к нему, будто они давно были знакомы:

— Оформляться пришел?

— Да нет. Я тут жду одного...— через силу пробормотал Кравец.

Он пошел к воротам, сквозь которые виднелся заводской двор. Была пересменка, и рабочие огромной колонной, разговаривая на ходу, шли по двору к выходу. Дурачились, гоняясь друг за другом, ремесленники в серой форме и здоровенных рабочих ботинках.

Кравец повернулся спиной к этому мощному и шумному шествию и торопливо пошел прочь от завода.

В ушах все еще стоял заводской шум, смех ребят-ремесленников, а мысли увели его в Англию.

Вспомнилось, как тогда...

Тогда...

Работы снова не было, пришлось переехать в Скиптон. За четыре недели он овладел профессией ткача. От шума и беготни к вечеру голова разламывалась. Кравец изредка навещал отца, который тоже переехал сюда и опять работал уборщиком в лагере. Видать, до самой смерти убирать ему заплеванные полы лагерных бараков...

— Знаешь, — сказал как-то отец. — А Перепелицин домой вернулся еще тогда, из Германии.

— Ну и черт с ним! — огрызнулся Владимир.

Отец не стал продолжать разговор. Молчал и сын. Казалось, родина его не интересовала.

Но в Скиптон на имя Симпсона по адресу: 131 Бурнсайд Крезент — приходила «Правда» и журнал «Советский Союз». Под фамилией Симпсона спрятался Владимир Кравец. Его заинтересовала жизнь Советской страны? Нет. Он изучал ее для того, чтобы, перебросившись нелегально в СССР, не выглядеть белой вороной. Он долго думал, и в конце концов у него созрело решение перебросится в СССР. Но как оно возникло? Ведь он так хотел учиться! Для того, чтобы учиться, он избрал этот сложный путь. Заработать денег, выполнив задание, а там будет если не совсем хорошо, то хоть немного легче. Этот путь казался ему единственным. Его «подсказал» Шоавель да и многие другие сотрудничавшие с разведками агенты, тонко и хитро использовавшие бедственное положение таких, как Кравец. Они увивались вокруг беженцев. По вечерам они наполняли лагерные бараки таинственным шепотом. Один слух нелепее другого распространялся среди перемещенных, и люди, подавленные своими невеселыми мыслями, прислушивались к этим наемным шептунам.

Если нужно позвать к телефону одного из руководителей шпионско-эмигрантской группки, Георгия Сергеевича Околовича, то спрашивают: «Это говорит ГСО?..» Так сделал и Кравец. Немного испуганный голос ответил в трубке:

— Да, это я... А!.. Прекрасно... Они условились о встрече.

Как всегда, с портфелем в руке, с которым он не расставался, Околович встретил Кравца на улице. Стенам Околович не доверял и поэтому встречи назначал либо в сквере, либо на улице. Поправляя на ходу очки, он слушал Кравца.

— Видите ли, — начал он. — Я понимаю ваше положение и чаяния. Но я не благодетель и не настолько богат, чтобы устраивать дела всех желающих. Я переговорю кое с кем и, видимо, предложу вам выгодное дельце. Тогда сбудутся ваши мечты и вы будете учиться. Но наш союз не настолько богат, чтобы перебрасывать самостоятельно людей. Мы используем для этой цели американцев. — Околович сказал это с таким апломбом, словно сам Аллен Даллес был его подчиненным. Посмотрев в глаза Кравцу и проверив, какое впечатление произвели на него эти слова, Околович продолжал: — У них школы, самолеты, радио, деньги. Мы им помогаем, если можно так выразиться. Даем кое-какую информацию, получаемую от наших агентов.

— Агентов, — вслух подумал Кравец. — Значит, я должен буду стать американским...

— А что ж тут такого?

Кравец на мгновение забыл о существовании Околовича, сейчас он думал лишь о своем будущем. «Были бы деньги, а там можно будет и учиться», — думал он.

— Подумайте о том почете, которым вы будете окружены после победы. Вот о чем сейчас надо думать, а не о том, чьи задания вы будете выполнять.

Они приехали на какую-то виллу. Кравец слышал, как Околович, представляя его, сказал: «Вот наш человек». Ему почему-то не подали руки, и он так и стоял с протянутой рукой, пока не увидал улыбки на надменном лице хозяина виллы. Его разглядывали холодными глазами, как лошадь при продаже. Потом выпроводили. Теперь он уже и сам не пытался напроситься на рукопожатие, он о чем-то думал, был рассеян.

Накануне отъезда он встретился с отцом. Отец и сын сидели молча. Кравец знал, что ему предстоит нелегкий путь, это даже щекотало немного нервы. Он думал

Печати и штампы для изготовления фальшивых документов, которыми был снабжен Кравец.

о том, что, может быть, не увидит отца, но и это пронеслось в мозгу как-то мгновенно.

— Значит, в Германию? Учиться? — переспрашивал уже в который раз отец.

— Да. Учиться... В Германию, — ответил Кравец.

— Ну что ж, это — дело.

— Надо же о будущем подумать. Не быть же всю жизнь ткачом...

— Это верно. Только ты поосторожнее...

Сын взглянул на отца. Неужели тот догадывается? А почему бы и нет? Сколько он мотается уже по лагерям, поди, все эти дела у него на глазах происходят.

— А Перепелицин-то чистеньким домой поехал, — словно про себя, сказал отец.

— Да, слышал, — с раздражением сказал Кравец.

— Ну, я пошел... Может, напишешь?.. Прощай.

Туман поглотил английский берег, остался позади Ла-Манш, впереди была Западная Германия. Отели, конспиративные квартиры, какие-то люди, называющие себя вымышленными именами, все более строгие правила поведения для будущих шпионов...

Немецкая семья. Четырехлетняя девчушка, шестилетний мальчик, мать, которая готовит для «курсантов» обед, и сам папа, обучающий Кравца и его напарников радиоделу. Они собираются все вместе после того, как «курсанты» отстучат положенное на день количество точек и тире, связавшись с невидимым и неизвестно где находящимся радистом. Тихая, мирная беседа за семейным столом.

Шеффер — так звали хозяина дома и преподавателя — частенько жаловался на свою судьбу. С виду все выглядело прилично, и детишки и жена, а вот он был недоволен:

— Ни документов, ничего. Переезжаем с одной конспиративной квартиры на другую. Разве это жизнь? Ни садика, ни огорода, все время в движении...

Потом шпионов перевели в разведшколу. Она не отличалась ничем от других. Инструкторы порой забывали сами свои клички и посмеивались над этим. Тут были Родчестер, Окслей, мечтавший расколоть Россию и даже учивший для этого украинский язык, Фостер, хлопотавший по хозяйству. Самой примечательной фигурой был мистер Холмс. Этот по-старомодному одевавшийся, небольшого роста, черненький человек всегда старался шутить.

— На этой проклятой работе, коли не шутить, подохнешь, — философствовал Холмс.

У Гаррисона вечно был насморк, кроме того, он попивал, так как считал, что карьера его не удалась, а теперь ее уже не поправишь.

— Я не стригусь: экономлю на этом деньги, — пояснял Гаррисон.

Занятия шли своим чередом. Походы с рюкзаком по пересеченной местности по компасу и карте ночью и днем. Стрельба в отдаленных от жилищ местах. Бросание гранат. Кравец отупел от бесконечных переездов и уроков. Он уже не вспоминал ни отца, ни Первомайск. Только однажды на занятии по рытью тайников...

Кравец стоял на коленях с лопатой в руке и слушал указания инструкторов:

— Тайник надо рыть всегда в сухом месте, чтобы к нему были удобные подходы, скрытые от постороннего глаза. Тайник должен иметь дренаж и быть устойчив против обвалов.

Кравец вспомнил Первомайск, яблоньку, пионерский галстук и значок.

— Карл! — Так теперь звали Кравца. — Ты что, оглох, что ли? Копай, да побыстрее! — прикрикнул инструктор.

Замелькала в руках Кравца лопатка.

...Вспоминая теперь все это, Кравец бесцельно брел по улице. В одной из макеевских пивных, куда он позже зашел, сидели двое в спецовках. Взяв кружку, Кравец присел недалеко от них, прислушиваясь к разговору. «Наверняка заводские. Интересно», — подумал он.

— Ты за него не заступайся, — говорил тот, что сидел спиной к Кравцу. — Я-то его знаю. Я пойду к самому...

— А ты-то уверен, что толковое дело придумал? — спросил собеседник.

— Что бы там ни было, а я докажу, какой он волокитчик.

Слушать это было совершенно неинтересно. Кравец встал и направился к выходу.

— А деньги?! — окликнула его буфетчица.

Кравец ужаснулся тому, насколько рассеянным он стал в последнее время. В голове его шла непрестанная сложная работа, поглощавшая все его мысли целиком. Этот завод, отдел найма и объявление, толпа выходивших рабочих и новые дома... Все как-то смешалось в голове, наплывало одно на другое. Он не мог сопоставить то, что ему вдолбили на Западе, с тем, что он начинал видеть здесь своими глазами.

Первая опасность

К вечеру Кравец снова вернулся в Сталино. С девушкой по имени Оля он познакомился случайно в привокзальном сквере. До отхода поезда была уйма времени, и Кравец, в нарушение инструкции, предложил ей пройтись по городскому парку. Они оставили в камере хранения ее большой, разрисованный завитушками фанерный чемодан.

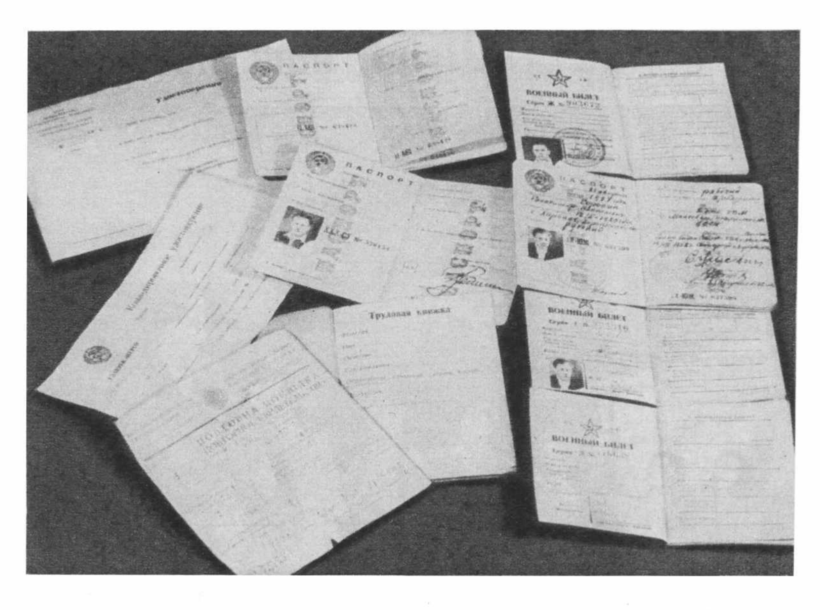
Играл оркестр, кругом смеялись веселые люди. Купили мороженое, причем Оля обязательно хотела заплатить за себя сама. Потом ей захотелось покататься на карусели, пойти в комнату смеха, а он старался увести ее в глубь парка, туда, где было меньше света и людей. Наконец они присели на одной из лавочек. Оля быстро рассказала Кравцу все свои планы.

Она едет в институт учиться и обязательно будет инженером-металлургом. Жаль только расставаться с заводом. Но это не надолго, всего на пять лет, в ее возрасте это совсем небольшой срок. У них на Макеевском так сейчас здорово, жаль, что он не зашел, она бы ему все показала!

Кравец внимательно слушал, запоминая фамилии начальников цехов, инженеров.

— Я работал там на восстановлении. Да и после некоторое время, — соврал он. — Правда, недолго.

— Ну, теперь ты не узнал бы завода! — восторженно сказала Оля. — Недавно новый прокатный



Фальшивые документы и бланки на имя В. Н. Сорокина, найденные у Кравца.

стан пустили, — она сама не замечала, как по заводской привычке называла его на «ты». Она спрашивала его о мастерах, с которыми он работал. Кравец отвечал не совсем складно и даже заметил, как девушка на секунду насторожилась. «Надо осторожнее», — подумал Кравец и перевел разговор на другую тему.

— А если не выдержите экзаменов? — спросил он, думая о том, как бы похитрее разузнать о новом стане.

— Типун тебе на язык! — воскликнула Оля. — У меня в вечерней одни пятерки были. Что я...

Кравец слышал, как пахнут душистым мылом ее светлые шелковистые волосы, и подумал о том, как давно он не мылся. Он поглаживал бархатистую Олину руку и молча смотрел ей в глаза. Ему хотелось сказать этой девушке что-нибудь ласковое.

Вдруг Кравец заметил на соседней лавочке обнимающуюся пару. Что-то уж очень они крепко обнимались. «Не чекисты ли? Следят и разыгрывают влюбленных», — пронеслось в мозгу. Он резко отодвинулся от девушки, которая удивленно посмотрела на него и тут же поднялась.

До вокзала шли молча. Впереди двигалась не спеша пара. Разговор шел о женитьбе, и девушка настаивала, чтобы свадьба была не в ноябре, а в сентябре.

— Вишь, как хочет пристроиться, — бросил Кравец.

Глаза у Оли вспыхнули, гневно сошлись брови. Она оттолкнула Кравца и сказала:

— То есть как пристроиться?! Что же плохого в том, что девушка хочет выйти замуж за человека, которого любит? Прожить всю жизнь, не расставаясь, вместе!

— Не расставаясь... — мямлил Кравец. — Ну, а если дела, друзья?.. Или пойти куда?.. Связать себя женитьбой?

— Да вы... Да вы просто...

Оля не нашла подходящего слова и, резко повернувшись, пошла прочь.

— Оля, вы не поняли... — тихо сказал Кравец. Но девушка быстро удалялась, а он стоял и думал над тем, что она сказала, куда пошла.

Кравец почувствовал, что кто-то стоит сзади него. Он обернулся. Это был милиционер. Кравец вздрогнул.

— Лихо она вас! Молодец девка!.. Идите, догоняйте, чего стоите!

«Девчонка, — думал Кравец со злостью. — А как рассуждает... А почему бы и нет? Все к услугам: завод, институт, стадион. Инженер-металлург!.. Да ее у мартена и не разглядишь».

Какой-то чужой голос там, в глубине, сказал: «Она-то будет учиться. А вот ты?»

Учиться! Не его ли это была заветная мечта! Собственно, из-за этого он и очутился здесь. После выполнения задания он получит деньги и обязательно поступит учиться. Ради этого он проходил подготовку в разведшколе, пошел на риск, согласившись выброситься на территорию СССР. Ему казалось это единственным выходом из того положения, в которое он попал. Иначе всю жизнь — на чужбине: копать картофель, ежедневно ожидая, что тебя вот-вот выкинут за ворота.

Кравец не заметил, как подошел к вокзалу. Поезд скоро отходил. Далеко в полумраке площади он увидал Олю. Волосы девушки серебрились под пучком света, падавшего от фонаря. Она шла, и ее тоненькая фигурка была чуть наклонена под тяжестью большого фанерного чемодана, который она несла в руке.

Кравец зашагал к камере хранения, где лежал его чемодан.

Стоя в очереди, он наблюдал, как женщина в черном халате с усталым лицом равнодушно брала квитанции и паспорта у получавших свои вещи. Очередь дошла до него. Женщина взяла его паспорт, но в это время из соседней комнаты ее позвали к телефону. Кравец встревожился. Почему именно с его паспортом она исчезла на несколько минут? Вскоре она вернулась и, выдав Кравцу чемодан, с тем же равнодушным видом вернула ему и паспорт. «Слава богу, пронесло», — подумал он.

След обнаружен

— Докладывает полковник Борисенко из Сталино, — послышался голос в трубке.

— Слушаю вас, товарищ Борисенко, — ответил генерал.

— У нас появился один подозрительный гражданин. Проверка его паспорта показала, что документ фальшивый.

— Не упускайте его из вида. Срочно вышлите фотографии

«Шуми, наш лес»

Музыкально-драматический театр Карелии поставил оперетту «Шуми, наш лес» — о жизни тружеников леса. Музыку написал заслуженный деятель искусств РСФСР К. Листов, либретто — К. Полякова. Действие происходит в Карелии в наши дни. Постановщик спектакля — заслуженный деятель искусств КАССР Л. Вилькович.

На снимке: сцена из первого действия оперетты.

Фото П. Беззубенко.

Благодарность М. А. Шолохова

В газете «Буревестник», выпускаемой в киностудии имени М. Горького, напечатано письмо М. А. Шолохова к создателям фильма «Тихий Дон»:

«Был в студии. Смотрел третью серию «Тихого Дона». Здорово! Спасибо большое за то, что вы сумели за два с половиной года сделать то, на что я потратил 15 лет».

На снимке: в киностудии имени М. Горького. Народный артист СССР режиссер-постановщик фильма «Тихий Дон» С. Герасимов, М. Шолохов и артист П. Глебов — исполнитель роли Григория Мелехова.

Фото В. Корнильева.

ПЕРЕД КОНКУРСОМ

Концерты Международного конкурса пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского вызывают большой интерес публики.

На снимке: в ожидании открытия кассы Большого зала Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

Фото Г. Захаровой.

ФЕСТИВАЛЬ ФИЛЬМОВ А. ДОВЖЕНКО

В Москве состоялся фестиваль фильмов выдающегося деятеля советского киноискусства А. П. Довженко.

На снимке: в Доме кино в торжественной обстановке открылся фестиваль. Выступает кинорежиссер Г. Чухрай.

Фото Г. Санько.

этого человека и его паспорта,— приказал генерал.

— Два часа назад отправили вам на самолете.

— Хорошо,— сказал генерал, — я вам позвоню позже.

Звонок из Москвы последовал вскоре. Генерал сказал:

— Человек, фотографию которого вы прислали, по всем данным, американский агент Кравец. Возможно, он и был выброшен под Новороссийском. Действуйте осторожно. Нам важно знать, с кем он встретится, для чего бродит в ваших краях.

...В Первомайске памятная яблонька оказалась совсем большим деревом. Аккуратные занавесочки на окнах дома, цветы. До слуха Кравца донесся мальчишеский свист. Небольшой паренек шел со стороны реки, на голове торчал мокрый вихор. В одной руке мальчишка нес удочки, в другой — кукан с пойманной рыбешкой. Он пристально посмотрел на Кравца и вошел в калитку дома. Их дома! Парень обернулся и еще раз внимательно посмотрел на пришельца. Во дворе заворчала собака. Кравец повернулся и пошел прочь. «А значок, а галстук под яблоней?» — подумал он по дороге.

Снова поезд. Снова невеселые мысли в вагоне. Один.

В Сочи поезд пришел в тот час, когда все отдыхающие после завтрака устремляются на пляж. Кравец стоял и смотрел на устланный загорелыми телами берег.

Он видел смеющихся купающихся ребятишек, чинно играющих преферансистов, неистовых «козлятников», вечно жующих толстух. Тело у Кравца просто зудело от дорожной пыли. Вспомнился пляж в Греции, и то, как безумно захотелось купаться, и то, как американец запретил им это.

— Ну, чего ты стоишь, Сережка! Да еще в пиджак вырядился! — услышал он сзади женский голос. Чья-то рука стукнула его как раз по тому месту, где лежал пистолет. Шпион мгновенно обернулся. Сзади стояла девушка и улыбалась. Увидев незнакомое лицо, она покраснела.

— Простите! Простите, пожалуйста! Я думала, это наш знакомый!

Компания молодых людей и девушек дружно засмеялась.

Кравец шел по прибрежному парку и думал. Как тут выкупаешься? Разве можно оставить вещи с деньгами, ядом, шифровальными блокнотами? Он даже вздрогнул, представив себя голышом, сидящим безоружным в воде, и чекистов, спокойно стоящих у его вещей, ожидающих, когда он все-таки выплывет.

Кравец остановился возле большого санатория. С широкой лестницы спускались несколько мужчин с полотенцами через плечо.

— Вы, что же, считаете, Василий Петрович, — говорил пожилой широкоплечий человек, — если я простой забойщик, так я не сумею подсчитать, во что обойдутся мне эти фрукты? Вам, бухгалтеру, конечно, виднее, но...

— Вы меня неправильно поняли, — оправдывался бухгалтер.

«Бухгалтер, забойщик, — со злостью подумал Кравец, — идут купаться...»

В поезде Кравец снова долго не спал, все думал о том, откуда у него появилось чувство зависти ко всем этим работающим, отдыхающим, учащимся людям.

Окончание следует.

Будьте знакомы: „НИАНГИ"

(„КРОКОДИЛ")

из ГРУЗИИ

Предусмотрительные новоселы.

Г. Пирцхалава

— Хорошо, что грамотный, а то детей оставил бы сиротами.

Д. Лолуа

↑ — Директор у себя. Видишь, шофер ожидает.

→

— Да, директор у себя. Шофера ожидает.

О. Джишкариани.

←

— Пятый год не могу попасть в университет.

— А ты выходи замуж за какого-нибудь доцента.

— Там тоже большой конкурс, дорогая.

Г. Пирцхалава

— Хоть бы детей пожалел, ведь уже полночь.

— Не мешайте, а то я не напишу «Колыбельную».

Д. Лолуа

Врач: «Раз... два... три... Ничего, пульс нормальный».

Больной: «Посмотрите, пожалуйста, правую, это же протез».

Д. Лолуа

4 : 0

Г. Пирцхалава

Из почты «Огонька»

Два орла

Летом я рыбачил в Молдавии на одной из небольших проток Днестра и жил у старого рыбака. В саду стояла клетка, в которой сидели два молодых орла. Хозяин рассказал, что весной ребятишки нашли в камышах орлиное гнездо с птенцами. Их принесли в деревню, причем одному из орлят сильно повредили крыло. Орлята быстро росли. Ели они все, что им давали, и были всегда голодны. Плохо приходилось больному птенцу: более сильный брат отбирал у него пищу.

Однажды клетку забыли закрыть. Здоровый орел с трудом поднялся в воздух и медленно полетел в сторону Днестра. Но крылья его были слишком слабы, и, пролетев около двух километров, он опустился в камыши. Второй не смог даже взлететь на крышу дома и прыгал по земле. Его поймали и водворили в клетку. Теперь уже никто не отбирал у него рыбу и мясо. Орел стал наедаться досыта. Но через три дня был найден улетевший орел. Случилось, что камыш в том месте, где он упал, был очень высок, и птица повисла на распластанных крыльях и не могла достигнуть земли. Так и провисела она беспомощно три дня, пока не выручили рыбаки.

Того, что случилось потом, никто не ожидал. Едва дверца клетки захлопнулась, сидевший там орел с грозным клекотом налетел на вернувшегося брата. Он вцепился в него когтями, стал вырывать клювом и проглатывать куски мяса. Когда прибежал хозяин с палкой, от большой птицы осталась только кучка окровавленных перьев.

Через месяц хозяин отдал орла в зоопарк.

С. АРГУНОВ

Москва.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Владимир ЛИФШИЦ

На полке стоят
Подписные издания
И ждут, что с читателем
Будет свидание,
Но их, к сожаленью,
Купил не читатель —
Купил
Переплетов
Большой почитатель.

А как бы хотелось им,
Полным собранием
Чтоб он прочитал их
С любовью, с вниманием!

Как жаждут
Красивые эти тома
Прибавить ему
Хоть немного ума!

Но он приобрел их
Совсем не для чтения,
А чтобы знакомым
Внушалось почтение.

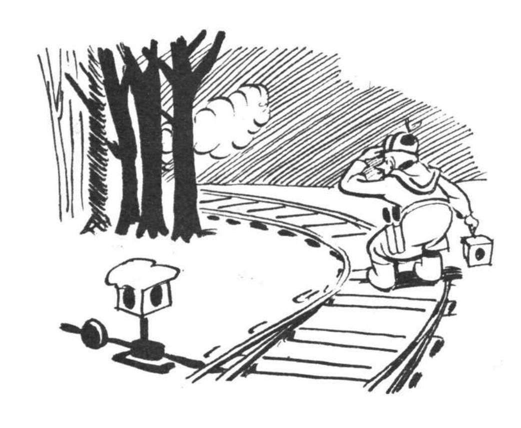
Рисунок В. Соловьева.

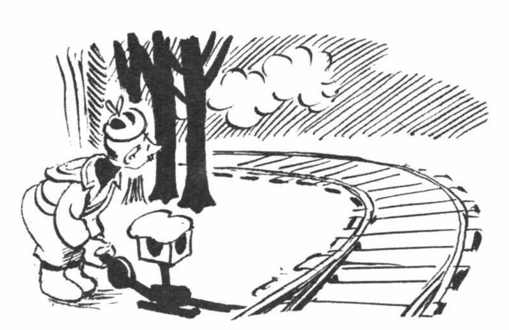
РОДНИК И РЕКА

Ив. БОГДАНОВ

— Я широка!
Я глубока! —
Бурля волной у Родника,
Хвалилась мутная Река.—
Я волны мчу дорогой славы,
На берегах моих —
дубравы.
А ты —
неведомый Родник,
Вокруг тебя
один тростник.
— Соседка,
хвалишься напрасно,—
Сказал Родник,—
давно всем ясно:
Хоть ты известная Река,
Но...
люди пьют
из Родника.

Калуга.

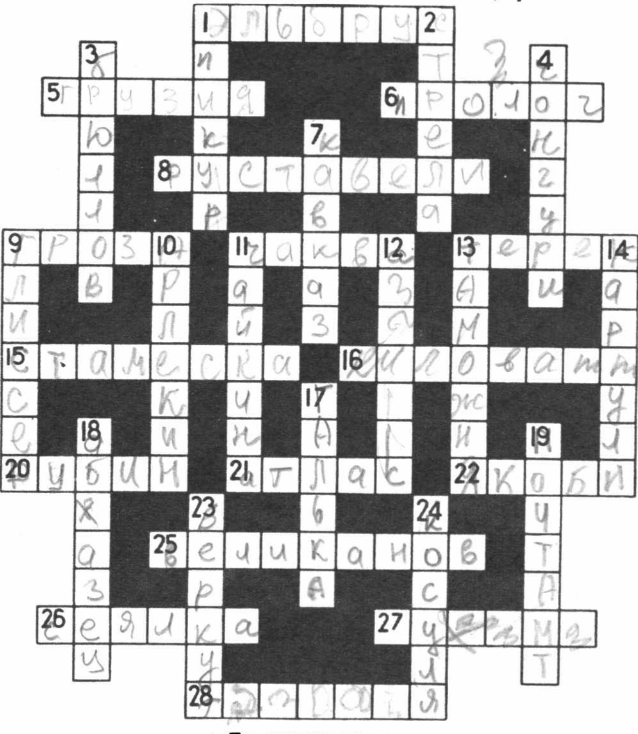




Без слов.

Л. и Ю. Черепановы.

На вкладках этого номера репродукции картин: Г. Чиринашвили — «Колхозница», А. Кутателадзе «Сбор чая», Ж. Медзмариашвили — «Портрет хевсурки», Б. Горгадзе — «Рустави» и четыре страницы цветных фотографий.



По горизонтали:

1. Вершина Большого Кавказа. 5. Союзная республика. 6. Часть литературного произведения. 8. Грузинский поэт XII века. 9. Атмосферное явление. 11. Чайный район в Грузии. 13. Река на Северном Кавказе. 15. Столярный инструмент. 16. Единица электрической мощности. 20. Название телевизора. 21. Гладкая блестящая ткань. 22. Русский физик и электротехник XIX века. 25. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 26. Сельскохозяйственная машина. 27. Город на Черном море. 28. Спутник планеты Уран.

По вертикали:

1. Древнегреческий философ-материалист. 2. Деталь грузоподъемного крана. 3. Русский живописец XIX века. 4. Грузинский щипковый инструмент. 7. Стихотворение А. С. Пушкина. 9. Быстроходное судно. 10. Персонаж итальянской комедии масок. 11. Комсомолка, Герой Советского Союза. 12. Плодовое дерево. 13. Учреждение в пограничном пункте. 14. Грузинский народный танец. 17. Опера С. Монюшко. 18. Представитель населения автономной республики. 19. Предприятие связи. 23. Птица, используемая для промысловой охоты. 24. Дикая коза.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

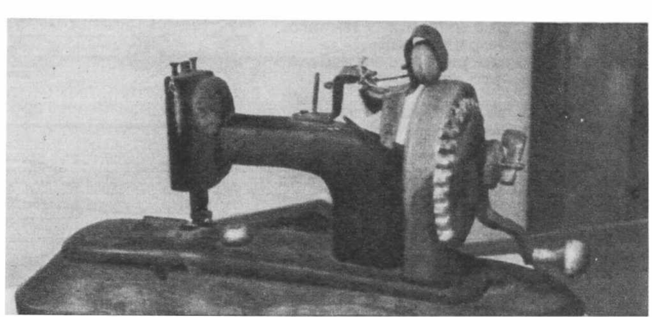
По горизонтали:

3. Котовск. 5. Ремарка. 6. Наньлин. 9. Простокваша. 11. Сатиры. 14. Осетин. 16. «Варвары». 17. Охра. 18. «Новь». 19. Декалькомания. 20. Слип. 22. Киль. 23. Дневник. 24. Нутрия. 25. Оценка. 28. Активизация. 29. Камбала. 31. Болонья. 32. Аметист.

По вертикали:

1. Этна. 2. Овен. 3. Коргон. 4. Кинжал. 5. Розетка. 7. Никитин. 8. Боровиковский. 9. Перспектива. 10. Ассимиляция. 11. Сахалин. 12. Маслина. 13. Кремний. 15. Новелла. 21. «Патерик». 22. Конопля. 26. Атбара. 27. Оцелот. 30. Алеш. 31. Бриз.

Швейная машина из дерева



В Челябинском областном краеведческом музее выставлена деревянная швейная машина. В 1888 году восемнадцатилетний крестьянин Вятской губернии М. Шабалин, увидев в соседней деревне фабричную швейную машину, решил сделать такую же из дерева. Любопытно, что мастерил он ее с помощью ножа, топора и шила.

В. СТОКОЛОС, Д. ТКАЛИЧ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

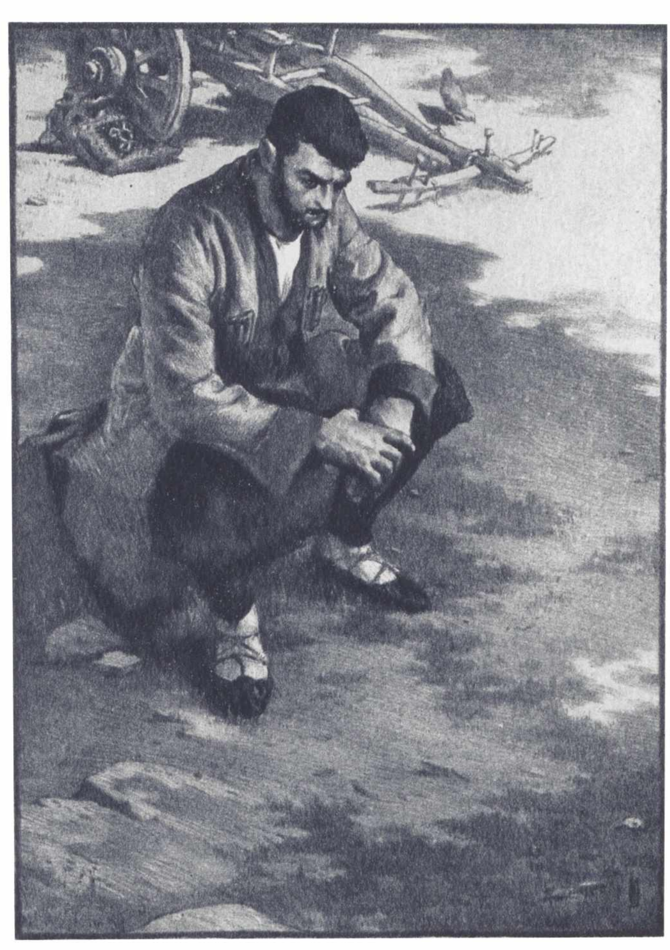
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00963. Подписано к печати 12/III 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 259. Заказ № 496.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ладо Гудиашвили. Иллюстрация к поэме Низами «ХОСРОВ И ШИРИН».

Выставка произведений народного художника Грузинской ССР Л. Гудиашвили в Москве.



Т. Л. Кубанейшвили. Иллюстрация к повести И. Чавчавадзе «ВДОВА ИЗ ДОМА ОТАРОВА».

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

И. М. Тоидзе. «ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ...»

Цена номера 3 руб.